Майкл Бом (Michael Bohm)

Ошибка президента Путина

Россия и НАТО

В Нью-Йорке состоялось заседание Совета Россия-НАТО, ставшее первым после разрыва отношений в результате российско-грузинской войны 2008 года. Накануне этой встречи американский представитель в НАТО Иво Даалдер обронил намек на возможность вступления в будущем в этот альянс России. Сославшись на статью 10 устава Североатлантического альянса, в которой говорится, что двери в НАТО открыты для любой европейской страны, он подчеркнул, что это в полной мере относится и к России – если она будет удовлетворять требованиям блока. Бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, возглавившая рабочую группу по подготовке нового программного заявления НАТО, а также бывший генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон тоже поддержали идею о начале работы над вступлением России в альянс. В дополнение к этому Игорь Юргенс, возглавляющий либеральный исследовательский Институт современного развития, часто говорит о том, что членство в НАТО полностью соответствует российским интересам.

К сожалению, все это лишь досужие домыслы и самообольщение. Есть пять причин, по которым Россия никогда не станет членом НАТО.

1. В НАТО существует требование о том, что члены альянса должны обеспечивать гражданский и демократический контроль над своими вооруженными силами. Это основополагающий принцип, обеспечивающий военную интеграцию и взаимодействие между странами-членами. Хотя в странах НАТО разные политические системы – где-то президентские республики, а где-то парламентские – у всех у них прозрачные военные бюджеты, а законодательная власть обеспечивает контроль и надзор над делами военных. Это включает проведение независимых расследований по фактам злоупотреблений и неудач военных, парламентский контроль над тем, как выделяются средства на программы создания оружия (и выделяются ли вообще), а также систему конституционных сдержек и противовесов, при помощи которой решаются вопросы о том, посылать или нет войска для участия в боевых действиях в других странах.

Однако в России гражданский контроль над военными – это табу в путинской вертикали, которая по сути дела объединила три ветви власти в одну огромную исполнительную власть. Любая диктаторская власть по определению отвергает подотчетность перед обществом во всех сферах управления – и это прежде всего относится к вооруженным силам. В России неподотчетность властей обществу и парламенту позволяет Министерству обороны скрывать истинные масштабы своей неэффективности и некомпетентности, просчетов и ошибок, а также общей отсталости. Кроме того, закрытая военная структура приводит к тому, что коррупция на всех уровнях в вооруженных силах сохраняется и множится – и никто ее не может остановить. Пока существует вертикаль власти – во главе с Путиным или его преемником – гражданского контроля над военными не будет.

Вторая причина, по которой Россия будет яростно сопротивляться требованию НАТО о прозрачности в военных делах, состоит в том, что она слишком болезненно относится к разглашению «военных секретов» НАТО – даже если эти так называемые секреты хорошо известны на Западе. Особенно это касается ее ядерных сил. Однако приверженность принципу прозрачности – это основа сотрудничества между членами НАТО.

2. НАТО нужна России как враг, а не как партнер по альянсу. Те консервативные и националистические силы, которые сегодня главенствуют в системе руководства вооруженными силами и аппаратом безопасности, считают НАТО антироссийским альянсом в самой своей основе. Все эти разговоры о пересмотре стратегии НАТО с упором на новые угрозы, такие как терроризм, морское пиратство, наркотики и кибератаки, – лишь притворство, говорят они нам. Истинная цель и мишень альянса – это по-прежнему Россия, как было во времена холодной войны. Даже российский представитель в НАТО Дмитрий Рогозин написал в марте в Твиттере, что высшее руководство альянса по сей день разрабатывает военную стратегию и оперативные планы, нацеленные против России.

Эти страхи находят свое отражение в новейшей военной стратегии России, которая была опубликована в феврале. В ней НАТО названа опасностью № 1 для страны. Закоренелые противники НАТО из военно-политической элиты и государственных средств массовой информации против любого сотрудничества с альянсом (включая совместные планы в Афганистане). Они смотрят на такое сотрудничество как на инструмент империалистической агрессии и военной экспансии США. «Железный левиафан, сокрушающий все человечество» – так ведущий политического ток-шоу «Судите сами» Максим Шевченко с Первого канала описал НАТО в сентябре 2009 года, давая интервью радиостанции «Эхо Москвы». Как только Даалдер и Юргенс озвучили идею о возможном членстве России в НАТО, первое, что мы услышали от этих оппонентов, были слова: «Бойтесь данайцев, дары приносящих. Это очередной натовский трюк».

3. Китай. Если Россия вступит в НАТО, территория альянса вплотную приблизится к Китаю, у которого общая граница с Россией протяженностью 4000 километров. Тем самым будет нарушено трехполюсное глобальное военное равновесие между НАТО, Россией и КНР. Это заставит Пекин, который, как и Москва, подозревает всяких врагов в тайных заговорах, поверить в то, что Россия и НАТО объединяют силы с целью сдерживания или даже ослабления Китая. Это явно противоречит интересам России и США, у которых существуют обширные экономические связи с КНР. Не в их интересах нагнетать напряженность и провоцировать Китай, даже если страхи Пекина преувеличены.

Более того, говорят нам, нельзя исключать, что следующая безрассудная военная авантюра США и НАТО будет направлена против Китая (или Ирана). Если такое случится, Россия, как член НАТО, автоматически станет объектом китайского (или иранского) контрнаступления. Во избежание такого сценария, заявляют авторы подобных аргументов, Россия должна настаивать на соблюдении альянсом строгого военного нейтралитета.

4. Организация Договора о коллективной безопасности. Членство в НАТО по сути дела означает конец ОДКБ, над созданием которой Россия столь напряженно трудилась в 2002 году, соперничая с Североатлантическим альянсом за влияние на глобальной сцене безопасности. «Я считаю это [членство России в НАТО] абсурдом, – заявил 16 сентября руководитель ОДКБ Николай Бордюжа. – В чем смысл вступления в НАТО, если Россия создала свой собственный механизм безопасности вместе с союзниками, и если эта система коллективной безопасности хорошо функционирует?»

Рогозин, со своей стороны, давая в апреле 2009 года интервью агентству European-Asian News, сказал: «Мы можем решать наши проблемы безопасности самостоятельно. … Нам НАТО не нужна».

5. Глобальные амбиции России. Что самое важное, вступление России в НАТО положит конец ее мечтам о восстановлении былого статуса сверхдержавы. Присоединившись к НАТО, Россия по сути дела станет просто «еще одной крупной европейской страной» – того же уровня, что Британия, Германия или Франция. А это настоящее святотатство для державников, как в России называют великодержавных националистов, помнящих о тех днях, когда Советский Союз был больше и сильнее трех этих государств вместе взятых.

Это также станет признанием того, что Россия фактически является подчиненной Соединенных Штатов в составе самой крупной и самой влиятельной в мире военной организации. А такая ситуация неприемлема даже для умеренных представителей военно-политического истэблишмента. Хотя у Кремля уже нет мессианских устремлений создать Третий Рим или Третий Интернационал, он, по меньшей мере, хочет сохранить свой суверенитет и независимость как региональная и мировая держава. А это будет невозможно, если Россия станет членом блока НАТО, у штурвала которого стоят Соединенные Штаты Америки.

Совершенно очевидно, что та удочка, которую лицемерно закидывают США, выступая с миролюбивыми заявлениями о членстве России в НАТО, это не более чем пиар и провокация. Поэтому, когда президент Дмитрий Медведев будет в субботу участвовать в заседании Совета Россия-НАТО в Лиссабоне, обеим сторонам лучше сосредоточиться на менее масштабных, но более реальных проектах партнерства НАТО и России – таких как региональная ПРО или совместная борьба с терроризмом – и навсегда забыть о вступлении России в Североатлантический альянс.

Дети: 10 мифов об усыновлении

Запрет на усыновление российских детей гражданами США сопровождался масштабной пропагандистской кампанией, изобиловавшей передергиваниями и фальсификациями. Ниже приводятся 10 самых известных мифов, распространяемых кремлевскими пропагандистами.

Миф № 1. Российским сиротам опаснее жить в американской семье, чем в российском детском доме.

За последние 20 лет американцы усыновили более 60 000 российских детей; 19 из них погибли. Смертность составляет около 0,03 %. В России за тот же период, по данным Министерства образования и науки РФ, зафиксировано около 1220 случаев гибели на 170 000 случаев усыновления. Смертность – 0,7 %. Если посмотреть на статистику детской смертности и в приемных, и в родных семьях, и в США, и в России гибнет около 2000 детей ежегодно (данные бывшего уполномоченного по правам ребенка при президенте Алексея Голованя). Но так как население США больше российского в два с лишним раза, смертность в России оказывается как минимум вдвое больше.

Миф № 2. Американский суд снисходительно относится к соотечественникам, жестоко обращающимся с приемными детьми из России.

Кремль предпочитает раскручивать два получивших широкую огласку случая. Первый – смерть 21-месячного Димы Яковлева. Его приемный отец был признан невиновным в непредумышленном убийстве: он оставил Диму одного в стоящей на открытом солнце машине на девять часов. Другой случай – приемные родители Ивана Скоробогатова отбыли в тюрьме всего 1,5 года после того, как суд признал их виновными в непредумышленном убийстве.

В подавляющем большинстве случаев непредумышленного убийства и жестокого обращения с приемными российскими детьми выносился приговор не менее девяти лет. Особо длинные сроки получали виновные в сексуальных преступлениях. Метью Манкузо, например, в 2007 г. получил 35 лет за сексуальные преступления против приемной дочери, Маши Аллен, родом из Ростовской области.

Миф № 3. Судьи и присяжные настроены против России.

При расследовании многих преступлений против детей место их рождения только вскользь упоминалось в суде как часть биографии. В конце концов, жертвы – граждане США, а подсудимых обвиняли в преступлениях против граждан Америки. Например, в случае с Димой Яковлевым ребенка называли в суде американским именем – Чейз Харрисон. Перед присяжными был поставлен вопрос, виновен ли отец в непредумышленном убийстве из-за того, что оставил приемного сына в машине. Страна рождения, Россия, не имела отношения к делу.

В случае с Иваном Скоробогатовым, которого в суде называли американским именем Натаниэль Крейвер, защита и ее эксперты доказывали присяжным, что у ребенка периодически проявлялось саморазрушительное поведение из-за плодного алкогольного синдрома. Но Натаниэль мог быть родом из Молдовы, Чехии, Финляндии или любой другой страны, где высок уровень потребления алкоголя и часто проявляется плодный алкогольный синдром. В деле Натаниэля не было ничего связанного исключительно с Россией.

Миф № 4. Россияне усыновляют больше детей-инвалидов, чем американцы.

В 2011 г. американцы усыновили 89 детей-инвалидов, тогда как россияне – 38, если верить информации социального вице-премьера Ольги Голодец. Соотношение 2,5 к 1 остается неизменным последние 20 лет.

Миф № 5. Россиян, желающих усыновить детей, больше, чем готовых к этому сирот, но американцы вытесняют их.

В России около 650 000 сирот, из них ежегодно готовы к усыновлению 120 000. Начиная с 1992 г. россияне усыновляют каждый год около 8000 детей, а американцы – около 3000. А значит, каждый год более 100 000 российских детей могут обрести, но не находят родителей. Так что причины, из-за которых россияне не усыновляют детей, не имеют ничего общего с американцами. Последние претендуют лишь на 2,5 % детей. Возможно, истинная причина в том, что институт усыновления так и не восстановился с тех пор, как СССР разрушил церковь и вместе с ней традиции филантропии. Важную роль играет и то, что многим россиянам мешают усыновить детей экономические причины, особенно когда речь идет о сиротах, имеющих психические и физические нарушения.

Миф № 6. Когда американцам надоедает воспитывать детей из России, они отправляют их на специальные ранчо, чтобы за плату избавиться от них.

Ранчо, где работают психологи и другие профессионалы, созданы специально для помощи детям с серьезными поведенческими проблемами, которые часто возникают из-за жестокого обращения, недостатка внимания в приютах или же в силу врожденных расстройств, вызванных тем, что их матери во время беременности употребляли наркотики или алкоголь. Пребывание на таком ранчо стоит от $3500 до $7000 в месяц. Мало кто из американцев может позволить себе «избавиться» от российского ребенка, платя более $60 000 каждый год, пока те не достигнут 18 лет. Куда проще и дешевле отдать их на усыновление другой американской семье, хотя и тут придется платить алименты. Но таких случаев немного (менее 10 %).

Миф № 7. Все цивилизованные страны запретили иностранцам усыновлять своих детей.

Простой запрет не сделает Россию более цивилизованной в этом отношении, пока ее детские дома переполнены и обеспечивают крайне низкое качество жизни. Кстати, США разрешают усыновлять своих граждан иностранцам. Делает ли это Америку нецивилизованной?

Есть западные страны, наложившие подобный запрет. Но они могут себе это позволить, потому что наладили социальную инфраструктуру и систему здравоохранения, которые поддерживают усыновителей. Из желающих усыновить ребенка выстроилась длинная очередь. Ничто из вышесказанного не относится к России.

Миф № 8. Россия – самая привлекательная для американских усыновителей страна, ведь они хотят «приобрести» белых блондинов с голубыми глазами.

Последние несколько лет большинство усыновленных американцами иностранных детей были родом из Китая, на втором месте Эфиопия.

Миф № 9. Россия запретила усыновление американцами отнюдь не из-за принятия акта Магнитского.

Когда акт Магнитского был принят 6 декабря конгрессом США, Госдума России предложила симметричный ответ: санкции против настроенных против России американских судей и чиновников, связанных с пытками на базе Гуантанамо. Но Кремль быстро осознал, что ответные меры получатся куцыми. Так что Россия прибегла к асимметричному ответу: запретила усыновление. Закон об этом был проведен через обе палаты в рекордные сроки и стал главным компонентом российского ответа на акт Магнитского.

Миф № 10. России пришлось запретить усыновление американцами своих детей, потому что те, как и нанимаемые ими агентства по усыновлению, коррумпированы и вовлечены в торговлю детьми.

Большинство случаев подкупа при усыновлении иностранцами происходит на российской территории. Есть много примеров, как российские детские дома подделывали медицинские заключения и скрывали заболевания, чтобы лучше «продать» детей американским родителям, которые тратят на усыновление более $50 000.

По странному стечению обстоятельств история Димы Яковлева, чьим именем Россия назвала ответный закон, является ярким примером коррупции в России. Когда российские чиновники поняли, что американцы хотят усыновить Диму, они отказали в этом праве членам его семьи. Одна из бабушек Димы рассказывала (публикация «Комсомольской правды»), что органы опеки подделали ее подпись, чтобы создать видимость, что она отказалась от усыновления. Другая бабушка заявила, что чиновники угрожали: если она попытается усыновить Диму – потеряет право опекунства над его сестрой, которое получила за несколько лет до того (http://www.newsru.com/russia/27dec2012/dima.html).

В заключение хочу сказать, что масштабная пропаганда Кремля против американских усыновителей разворачивалась главным образом на контролируемых государством телеканалах и имела огромный успех. К сожалению, Кремль показал, что, если повторять ложь об американских усыновителях достаточно часто, многие россияне (судя по январскому опросу ВЦИОМ, 76 %) примут ее за чистую монету.

Будет ли Путин торговаться за Крым

Будет ли Путин торговаться с Западом по поводу Крыма? А какой смысл Путину так делать? Крым и так российский и скорее всего останется российской территорией. Что Запад может сделать? Порошенко может подать на Путина и на Россию в суд и потребовать компенсацию, но Россия скажет, что мы ни фига не заплатим.

Это фактически ***, поэтому такой обмен Путину совершенно не нужен. Я уверен, что он исходит из того, что Крым российский, и все, и останется российским. Признает ли западный мир или не признает – ему глубоко наплевать. Запад не признал независимость Южной Осетии и Абхазии, и что? Это Путину не мешает и мало беспокоит. Поэтому признание Крыма – это не предмет торга. Путин действует так, как будто это свершившийся факт – Крым наш и все! Ура!

Подлый пиар на убийстве Немцова

Борис Ефимович был уникальным, талантливым, умным и смелым человеком. Такой человек действительно один на миллиард, и это без какого-либо преувеличения. Немцов дерзко и храбро отстаивал свою точку зрения вопреки всем преградам, которые власти поставили ему. Немцов на свой страх и риск боролся против коррупции, беспредела, беззакония и наглого лицемерия, лжи властей.

Голос Немцова был крайне необходим государству – для создания хоть каких-то элементов демократии в России, для того, чтобы сдерживать, противостоять и САЖАТЬ воров и жуликов во власти. Но власти во многом глушили голос Немцова по бандитскому принципу круговой поруки.

Да, Немцова не сажали (кроме нескольких административных арестов на 15 суток) – и спасибо властям за такое «милосердие»!

Да, Немцов часто выступал на «Эхе», на «Дожде» – слава богу! – но даже близко к федеральным каналам его не допускали. Подавляющим большинством россиян его голос не был услышан. И мы все понимаем почему: Немцов слишком красиво, слишком остро и слишком метко говорил правду. Он не только говорил, а доходчиво доказывал ложь, коррупционные преступления и другие злоупотребления властей.

В любой демократической стране у Бориса Ефимовича Немцова была бы блистательная политическая карьера – пусть в оппозиции, но в СИСТЕМНОЙ оппозиции, а не в унизительном, преследуемом властями изгнании.

Базовая проблема для России: власть автоматически шельмует любого крупного оппозиционера – да и любого инакомыслящего – как «пятую колону», «наймита», «национал-предателя» и «агента западного влияния». Вспомните только, например, все эти низкие, подлые телепередачи: «Анатомия протеста 1 и 2», «Кто правит миром», «Заграница им поможет», «Кто хочет разделить Россию?», «Грантоеды» и многие другие псевдодокументальные фильмы, которые пытались показать, что Немцов и другие оппозиционные лидеры являются проплаченными агентами госдепа. Эта госклевета на уровне того, что делал СССР и делают сейчас Иран, Северная Корея и Венесуэла. В России, если ты хвалишь путинскую власть, то ты патриот. Если ты критикуешь власть – ты предатель. Это очень циничная, популистская, подлая и, самое главное, опасная формулировка, которая ведет страну прямо к тирании.

Слишком многие прокремлевские псевдополитологи сразу после гибели Немцова начали говорить о «следах американских спецслужб» в его убийстве. Цитирую, например, Сергея Маркова, который написал у себя в Фейсбуке следующую фразу спустя всего несколько часов после убийства Немцова: «Они (американские спецслужбы) готовы убить любого из вас… Для них мы индейцы, и чем больше убитых, тем легче захватить (российскую) территорию. Для достижения этой цели они готовы залить Москву кровью».

Высказывания такого типа от видных общественных деятелей (и их было много в соцсетях и на ТВ-ток-шоу) – далеко за гранью добра и зла. Это подлый прием – использовать любой повод, чтобы разжигать антиамериканизм в российском обществе. Пиарить себя на смерти Немцова – позорно.

Убийство Немцова – это страшная трагедия не только для России, а для всего свободного мира.

Моя последняя мысль – это не пафос, не преувеличение, не эмоциональный накал и горе после потери такого крупного политического персонажа. Это очень печальная правда.

Немцова шельмовали самым низким и лживым образом

В ток-шоу «Структура Момента» на Первом канале вчера мы обсуждали убийство Немцова. Мои два главных тезиса были:

1) В настоящих демократиях оппозиция является неотъемлемым и стандартным элементом политического процесса.

2) Демократические государства не ведут целенаправленную кампанию по шельмованию оппозиции.

В настоящих демократиях нет такого понятия, как «системная оппозиция» (чит: декоративная, фальшивая оппозиция) и «несистемная оппозиция». Это чисто российское нелепое (и уродливое) понятие, которое жалким образом пытается выдавать автократию за «демократию».

Более того, демократические страны не постоянно клеймят оппозиционных лидеров на госканалах, как «пятая колонна», «враги народа» и «национальные предатели». Эта замшелая лексика вообще, полностью отсутствует в демократиях. Это чисто российская (советская) лексика – хотя, справедливости ради, это лексика тоже цветет махровым цветом и в Венесуэле, Иране и Северной Корее.

В демократиях нет позорных передач на федеральных каналах типа «Анатомия Протеста 1 и 2», «Грантоеды» и «Заграница им поможет», которые самым низким и лживым образом шельмовали Немцова и других оппозиционных лидеров. В демократиях стыдно было бы показывать такой трэш на федеральных каналах.

Ключевая составляющая госшельмования Немцова заключалась не сколько в том, что он, дескать, «агент западного влияния» и «проплачен Госдепом», столько в том, что Немцов якобы олицетворял «радикальную оппозицию».

Что было «радикального» в позициях Немцова?!

Немцов боролся за свободу слова, за верховенство закона, за свободные и честные выборы, за соблюдение властями российской конституции и чтобы чиновники не «кошмарили» бизнес. Вместе с тем Немцов боролся против крайней неэффективности госмонополии в бизнесе и политике, против коррупции, против беспредела и беззакония и против лжи и «круговой поруки» в местных и федеральных госструктурах.

Что в этих позициях «радикального»?! Да ничего!

Немцов никогда не выступал за незаконный захват власти, а наоборот – он всегда подчеркивал, что надо только законным образом давить на власть и осуществить большую перемену в политическом, экономическом и социальном положении страны.

Только Кремль мог бы полностью изуродовать политические позиции Немцова, которые являются самыми базовыми и фундаментальным принципами любой демократии. Только кремлевская пропаганда могла бы внедрять в сознание большинства россиян, что Немцов «радикальный оппозиционер» – и превратить его во «врага народа» и «нацпредателя».

Демократия в Америке и демократия в России

О. БЫЧКОВА: Добрый вечер, это программа «Обложка-2», мы сегодня говорим о демократии в Америке и демократии в России, потому что одновременно у нас сошлось несколько поводов, которые мы сочли возможным объединить в одну тему, потому что, с одной стороны, все понимают, что на следующей неделе в США выбирают президента, и все только говорят об этом и пишут, и также на этой неделе было, как минимум, два – на самом деле больше, громких заявлений по поводу того, что «в Америке негров вешают».

М. БОМ: До сих пор.

О. БЫЧКОВА: Да, не прекращают. С одной стороны, заявление министра иностранных дел РФ, а с другой стороны, главы Центральной избирательной комиссии РФ, – то есть, там было много насчет того, как соблюдаются, а больше всего, нарушаются демократические права граждан в этих самых несчастных американских Соединенных Штатах. В студии Майкл Бом, редактор Отдела мнений и комментариев газеты «Москоу Таймс», и Владимир Сухой, тележурналист, бывший глава Бюро Первого телевизионного канала в США.

Журналы американские и европейские не жалеют шуток, желчи, язвительности и иронии в адрес президентских выборов в США и кандидатов на этих выборах. Кто будет победителем, скажите?

М. БОМ: По всей видимости, Обама. Но есть еще третий кандидат – мало кто знает о нем, помните, как с Гором в 2000 г.? Он не принимает участие в дебатах – есть такая дискриминация. Но это часть нашей системы, американская система поддерживает две партии, а независимый кандидат – это очень сложно.

О. БЫЧКОВА: То есть они выдвигаются, участвуют, но никогда не доходят ни до чего. Это нечестно.

В. СУХОЙ: Да, он порядка 1 % забрал у Гора, и это решило.

О. БЫЧКОВА: А почему так?

М. БОМ: Чтобы не было маргинальных, таких, например, как в России «Партия любителей пива», «Пиратская партия» – чтобы не было таких маргинальных партий.

О. БЫЧКОВА: Они и в России не доходят.

М. БОМ: Но все равно они отвлекают внимание. Плюс это заставляет республиканскую и демократическую партии быть в середине. Республиканцы всегда будут республиканцами, но эта двухпартийная система волей-неволей заставляет партию быть центристами.

О. БЫЧКОВА: На самом деле двухпартийная система не только в США, она много где.

В. СУХОЙ: Между прочим, это политическая культура, которая сложилась за многие годы.

О. БЫЧКОВА: Это работает?

М. БОМ: В докладе МИДа они привели это как пример отсутствия демократии, но они искали любой повод – не знаю, читали ли слушатели этот доклад.

В. СУХОЙ: Вряд ли.

М. БОМ: Это очень забавный доклад. Если хотите посмеяться – это очень забавное и интересное чтение.

О. БЫЧКОВА: Двухпартийная система, безусловно, гораздо менее демократична, чем однопартийная.

М. БОМ: Я считаю, что это хорошая система, а МИД считает, что это нарушает права маргинальных партий.

О. БЫЧКОВА: Там много пунктов на 60 страницах в докладе Лаврова.

М. БОМ: Мне очень понравился пассаж, что в США казнят несовершеннолетних. Для меня это была новость, – конечно, это абсолютно не так. И я не понимаю – вроде бы МИД серьезная организация, как можно это было написать?

О. БЫЧКОВА: А их не казнят?

М. БОМ: Уже давно. А они второй раз повторили эту ошибку, и у меня складывается впечатление, что может быть это было написано намеренно, чтобы острее был доклад. Не знаю, что хуже – халтура или намеренная ошибка. Конечно, несовершеннолетних не казнят. Последний случай был в 1959 году, человеку было 17 лет. После этого не было ни одного случая, и в 2005 г. Верховный суд решил, что нельзя казнить взрослых, которые совершили преступление, когда были несовершеннолетними. Поэтому даже близко к этому ничего нет. Это просто одна ошибка, а у меня таких ошибок целый список – я читал доклад внимательно, – тут и дезинформация, и передергивание, и подтасовки.

О. БЫЧКОВА: Это похоже на старую советскую пропаганду.

В. СУХОЙ: «Совинформбюро». «ТАСС уполномочен заявить».

М. БОМ: Наверное, дежавю для вас.

В. СУХОЙ: Абсолютно. Но Черчилль как-то сказал, что демократия – наихудшая система правления, если не считать всех остальных – все остальные еще хуже. Поэтому – ну, вот демократическая система выборов, которая сложилась в США, она может кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но в СССР это никогда не нравилось, мы всегда это разоблачали. Вот решили вернуться к старым, добрым, проверенным временам.

О. БЫЧКОВА: У нас сегодня две темы – с одной стороны, как действительно устроена эта система, – у меня еще есть публикация в «Российской газете» на 5 страницах мелким шрифтом – «О соблюдении в США избирательных прав граждан», подписанное председателем ЦИКа Чуровым. Там есть несколько пассажей, которые я хотела бы обсудить. Это одна часть дела, а другая – возврат к старой доброй советской пропаганде и почему это происходит – мне кажется, было бы интересно на эту тему поговорить.

Давайте начнем с Чурова. Он пишет: «Выборы президента США не прямые, не всеобщие, не равные, не обеспечивают тайну голосования избирателей, в этой связи настоятельно рекомендую моим оппонентам ознакомиться с заключением всех миссий Бюро по демократическим институтам, правам человека, ОБСЕ по наблюдению за выборами в США, начиная с 2002 года». И дальше по пунктам он идет: «Американский опыт в проведении выборов по-своему уникален – избираются свыше 18 тысяч должностей – от президента США до шерифа, сельской общины, однако оборотная сторона такого опыта заключается в сложности, децентрализации, политизации, непрозрачности и, наконец, частичной архаичности выборных процессов». Когда я в первый раз прочитала, что большое упущение, что в США нет Центральной избирательной комиссии, – эта публикация появилась несколько дней назад, – я, честно говоря, не поверила, думала, что это какие-то дурацкие шутки. Потом убедилась, что действительно. Почему, Майкл, ответьте.

В. СУХОЙ: Оправдывайтесь.

О. БЫЧКОВА: Да, какого черта в США нет ЦИКа, как вы допустили это?

М. БОМ: Наверное, в Америке волшебник не нужен. Можно про коллегии выборщиков? Этот очень важно. Тут Чуров, Путин и Лавров говорят, что в США нет демократии, потому что нет прямых выборов. Хочу заявить – есть прямые выборы. Коллегии выборщиков – это заложено в Конституции – эта система уже декоративная, они встречаются через месяц после выборов, когда все уже знают, кто президент, когда все признают, кто президент, – они просто визируют.

О. БЫЧКОВА: Когда все уже 10 раз подсчитано.

В. СУХОЙ: И все друг друга уже поздравили.

М. БОМ: Единственная опасность теоретическая, потому что они могут, как хулиганы, – понимаете, без визы Коллегии президент не станет президентом – это то же самое, что он должен принять присягу в Капитолии, Верховный судья принимает у него присягу. Это все формальность. В принципе, это беспокоит некоторых чисто теоретически – выборщики могут голосовать против течения, против голосов.

В. СУХОЙ: Практически такого никогда не бывает.

О. БЫЧКОВА: Было. Я расскажу.

М. БОМ: Было, но никогда не влияло на результат.

О. БЫЧКОВА: Я сегодня готовила материал для журнала «Дилетант» историка Алексея Кузнецова, который как раз описывал историю системы выборщиков. Там говорится, что было три случая, когда выборщики голосовали не так, как им было предписано, и это не повлияло на результат.

М. БОМ: Не совсем. Три раза голосование не соответствовало. Дело в том, что здесь математический казус получился – это не совсем из-за коллегии выборщиков, это из-за системы подсчета, потому что победитель получает все – из-за этого. Допустим. В одном штате есть 10 выборщиков, и если, допустим, Обама получает 60 %, это не пропорционально – он получает все 10.

О. БЫЧКОВА: То есть, за него проголосовали 6 или 8, но считается, как все, потому что он получил большинство.

М. БОМ: Да. Он может получить 60 – это 10, может получить 90 % – все равно 10.

О. БЫЧКОВА: Это все сложно. Расскажите, как вы голосуете за президента, если вы гражданин США. Как это происходит для вас лично?

М. БОМ: Как везде – есть урны, бюллетени. В некоторых штатах разные механизмы, но мы все голосуем – это ежу понятно, что американцы голосуют. Почему Обама и Ромни с утра до вечера занимаются избирательной кампанией, почему обнимают детей, почему ведут дебаты?

О. БЫЧКОВА: И наряжают жен.

М. БОМ: Если бы выборщики решали, их работа была бы проще – они бы просто обращались к 570 людям, и все. Конечно, они обращаются к американскому народу, и американский народ голосует.

О. БЫЧКОВА: Когда вы голосуете за президента, вы голосуете за выборщиков?

М. БОМ: Забудьте о выборщиках – мы их не знаем, может быть, они встречаются в секретной ложе, я не знаю, кто они – они просто ставят визу. Когда мы голосуем, мы не думаем о выборщиках – мы голосуем за кандидата.

В. СУХОЙ: Мне не раз доводилось делать репортажи с избирательных участков – такой же бюллетень, как у нас, но в некоторых штатах до 27 кандидатов. Естественно, наряду с основными какие-то партии. Ты можешь выдвигаться необязательно во всех штатах – например, кандидат какой-то национальной партии может выдвигаться в пяти штатах. В зависимости от штата бюллетень может быть разный – где-то 27 человек, где-то 13–15, и там еще на этих выборах решаются многие локальные вопросы.

М. БОМ: Референдумы.

О. БЫЧКОВА: То есть к этим выборам подтягиваются и местные голосования?

М. БОМ: И одна треть Сената.

В. СУХОЙ: Или просто механическая есть штука, где ты пробиваешь дырку напротив кандидата, но это нужно иметь физическую силу.

О. БЫЧКОВА: Я видела, это довольно архаично выглядит, похоже на перфокарточки, которые были в доисторические времена.

В. СУХОЙ: Их во Флориде считали. И я подтверждаю, защищая Майкла, – когда спрашиваешь избирателей: «Вы знаете, что выборы непрямые, что есть выборщики?» – они понятия об этом не имеют: «Я получил бюллетень, проголосовал».

О. БЫЧКОВА: А выборщики в какой момент появляются?

В. СУХОЙ: Через 41 день после выборов они собираются в каждом штате. Иногда в Вашингтоне собирается несколько близлежащих штатов, и это, как правило, происходит 21–22 января, и они голосуют – это чисто формальная историческая традиция, она никак не влияет на выборы, абсолютно. И почему надо сейчас поднимать на щит этот вопрос и говорить о непрямых выборах в связи с коллегией выборщиков, непонятно.

М. БОМ: Все знают о скандале Буш-Гор в 2000 г. – он случился не из-за коллегии выборщиков, а из-за подсчета голосов, из-за системы «победитель получает все». Но это очень сложно, это надо быть математиком, чтобы понять, это называется «идеальный штурм», то есть уникальное сочетание, когда победитель побеждает с маленьким разрывом, а тот, кто не победил, – с большим отрывом. Это сложно объяснить, но это не из-за того, что были какие-то хулиганские выборщики, которые хотели вставить палки в колеса – не было такого. Иногда есть такое – выборщики голосуют против течения, против голосов. Но, во-первых, в некоторых штатах есть штрафы – если выборщик голосует против общих голосов.

В. СУХОЙ: И довольно серьезные штрафы. В 2000 г. в штате Небраска была такая ситуация – там 5 выборщиков. Два выборщика проголосовали за Буша, два за Маккейна и один потом в результате проголосовал за Буша. И здесь это стало предметом специального разбирательства, и два выборщика были наказаны, потому что они нарушили волю штата.

О. БЫЧКОВА: Правильно Николай объясняет? – «Выборщиков от штата физически не существует, просто каждый штат имеет определенное количество электронных голосов, которые целиком отдаются тому из кандидатов, за которого проголосовало большинство избирателей штата». Так?

М. БОМ: Ну, например, в Калифорнии 55 выборщиков – это два сенатора и 53 представителя в Палате представителей.

О. БЫЧКОВА: То есть количество выборщиков соответствует представительству в парламенте?

М. БОМ: Да. В калифорнии больше выборщиков, потому что больше людей. В Северной Дакоте три – два сенатора и только один представитель. Единственное, в Колумбии есть еще 3.

В. СУХОЙ: Тут надо четко объяснить. 435 членов палаты представителей и 100 сенаторов – 535. И штат-округ Колумбия, то есть округ Колумбия, где находится столица, не представлена в Палате представителей, но имеет право на трех выборщиков. Значит, всего 538. То есть, разделить на два – 269. И если один из кандидатов набрал 270 голосов, он президент. То есть, 538 выборщиков, вот и все. Каким способом – электронным, как они собираются, – это может быть по-разному в каждом штате.

О. БЫЧКОВА: Этот пассаж есть у г-на Чурова – по поводу децентрализации. Это то, что русскому человеку понять сложно.

М. БОМ: Все происходит на уровне штатов.

О. БЫЧКОВА: Да, этот федерализм, огромное количество полномочий штатов, в отличие от федерального центра, когда

ситуация ровно противоположная нашей.

М. БОМ: Чтобы избежать какой бы то ни было диктатуры. То есть это разделение властей. Федерализм – это страховка, чтобы не было слишком сильной федеральной власти. Например, в Техасе свои правила.

О. БЫЧКОВА: Об этом мы поговорим более подробно, потому что туда не пускают наблюдателей, они сказали, что у них так не положено.

М. БОМ: Да, но надо понять специфику Техаса, у них есть даже такой лозунг: «Не вмешивайтесь в дела штата Техас», но это немножко самодурство прокурора. Думаю, что он дорого заплатит за это, потому что это не очень в духе американской системы. Думаю, что кто-то подаст на штат в суд и конечно, это не выдержит критики.

О. БЫЧКОВА: Вот передо мной лежит «Российская газета» с большой статьей Владимира Чурова и доклад Сергея Лаврова, посвященный разным аспектам соблюдения демократических прав и свобод в США.

М. БОМ: Можно по некоторым пунктам, очень смешным? Например: «В США наблюдаются серьезные проблемы со свободой слова». Это не напоминает вам Зорина? Помните рубрику «Их нравы»?

В. СУХОЙ: «Волчий оскал капитализма».

М. БОМ: Да. Именно в этом духе. Еще: «Предвзятость правосудия в США». Немножко смешно это слышать с российской стороны – а где Басманный суд, в какой стране «карусель» – политический термин?

В. СУХОЙ: Не оправдаетесь, Майкл, не удастся.

О. БЫЧКОВА: Не отмажетесь, конечно.

М. БОМ: «Воздействие государственных ведомств на судей».

О. БЫЧКОВА: Вас что смущает, что это ерунда? Потому что, на самом деле, это не может быть совсем ерундой, потому что, разумеется, в каждой стране, в каждой системе бывают разные случаи – это совершенно очевидно, не бывает ничего идеального, в том числе, конечно, не могут быть идеальными американские суды, выборы и американское все что угодно?

М. БОМ: Но есть некоторые вещи, когда лучше просто промолчать.

О. БЫЧКОВА: Или вас смущает, что это говорится с российской стороны?

М. БОМ: Меня ничего не смущает – забавляет. Это из области комедии. Например: «14 % американцев не хватает еды, 5 % недоедают». Помните анекдот: «Дайте нам то, что они недоедают»? Понимаете, это такая картина, это третий мир. Вы читаете доклад МИДа, что в США хуже Северной Кореи. Есть раздел про коррупцию – понимаете, есть вещи, о которых лучше вообще не говорить со стороны России. В США есть коррупция, но это немножко нелепо звучит, когда Россия говорит о проблемах коррупции в США. «Бесчеловечные тюрьмы» – ну не знаю, наверное, если уж пришлось сидеть, то лучше сидеть в американской тюрьме, чем в российской. Я не сидел ни там, ни там…

О. БЫЧКОВА: И мы никому не желаем проверять и сравнивать.

М. БОМ: Но все-таки 40 человек в одной камере – это не самые лучшие условия.

О. БЫЧКОВА: Ладно, хватит вашей американской пропаганды. Люди все равно сложно понимают вашу замечательную систему. А на самом деле все, что нужно понять – реально граждане голосуют за президента на выборах президента. Вот это основное. Евгений: «Правильно я понимаю, что если в Северной Дакоте два сенатора могут наплевать на мнение народа и вдвоем проголосовать за кого надо, а против них – один?»

В. СУХОЙ: Вопрос в русле доклада. Сенаторы ничего не решают за избирателей. Если два сенатора и один человек в Палате представителей, это значит, что это три человека будут в коллегии выборщиков, которые будут представлять Северную Дакоту. Они могут голосовать электронным способом, могут созвониться по телефону – никто не знает, как они вынесут свое суждение.

О. БЫЧКОВА: Это несущественно.

В. СУХОЙ: Несущественно. Может быть, выборщики Северной и Южной Дакоты соберутся где-то в одном месте, в одном ресторане, и там это все оформят – это неважно. Главное – они выскажут свое мнение и как бы проштампуют то, что произошло уже в Северной Дакоте, с избирателями, которые напрямую проголосовали за Ромни или за Обаму. И уже будет все просчитано, запротоколировано, и это уже невозможно фальсифицировать.

Дело в том, что есть издержки – но они есть везде, – издержки демократии, избирательной системы. Но когда мы говорим об издержках, мы, прежде всего, говорим, что демократия есть и избирательная система есть. Это как «Если не болит голова – значит, ее нет». Если нет демократии, то ее нет, и тогда уже можно говорить о разных издержках, недостатках. Понимаете, демократию в США чувствуешь каждодневно, на каждом шагу – это не пропаганда. Когда ты там живешь, ты там участвуешь в каком-то домовом комитете. К примеру, нужно устроить что-то для детей на площадке, а внизу живет какой-то албанец, который

работает парикмахером, а жена у него болгарка, и они решили пойти в комнату для фитнеса, а им сказали, что нужно платить, и собирается административный совет дома и мы демократическим способом решаем, потому что они просят уменьшить плату за фитнес, и все американцы в этом доме демократически решают, поможем мы им или не поможем. И так на каждом шаге. Просто есть эта демократия, невозможно сказать, что ее нет.

Знаете, в первые годы революции атеисты приезжали в бескозырках или буденовках, все время говоря, что бога нет – им никто не верил. И тогда они снимали эту бескозырку, бросали об пол, говорили: «бога нет» – все пропаганда была в этом. Мы тоже можем говорить: демократии в США нет. Ну, хорошо, нет, но если опросить американцев сегодня, есть ли у них демократия, то они в подавляющем большинстве скажут, что она есть.

О. БЫЧКОВА: На самом деле неважно, что они скажут – это вопрос веры. Важно, что происходит после выборов – возмущаются результатами, говорят про фальсификации или нет, идут голодать в палатке на площади. Вот это важно.

В. СУХОЙ: Напротив Белого дома всегда есть палатки – это постоянно действующая палатка, где кто-то протестует против чего-то. Всегда были такие люди – Хайдер, Анжела Дэвис, компартия.

О. БЫЧКОВА: Не случайный у вас ассоциативный ряд.

М. БОМ: Одна ремарка, потому что может сложиться впечатление, что я отрицаю, что есть нарушения прав человека в США – их очень много. Но не в этом дело. Почему был сделан доклад МИДа? Тут самый главный мессидж, что США не имеют морального права читать другим мораль о демократии, потому что столько нарушений в самих США.

О. БЫЧКОВА: И нечего подсовывать нам всякие ваши «Списки Магнитского».

М. БОМ: Да, «чья бы корова мычала».

О. БЫЧКОВА: Конечно, это ответ на все эти истории с Магнитским, все эти санкции и прочее.

М. БОМ: Моральное право в другом. И там и там нарушения, даже бессмысленно считать, где больше, хотя мы знаем, где больше, но это неважно.

О. БЫЧКОВА: Это вы знаете.

М. БОМ: Мы с вами знаем, и радиослушатели знают. Другое дело, как система реагирует, как реагируют институты – Конгресс, СМИ, НКО, гражданское общество, – это саморегулирующийся механизм, система сдержек и противовесов, чтобы корректировать все нарушения, чтобы афишировать эти нарушения и заставлять исполнительную власть исправлять их. Не всегда, безусловно, потому что система небезупречна, но в общем и целом это система очень мощного контроля над исполнительной властью.

Хотя, если честно, думаю, что это немножко фантазии российской стороны, когда они говорят про нравоучения – это немножко из области «на обиженных воду возят». Я не чувствую надменности со стороны США. США выпускает ежегодный отчет о нарушениях прав человека. Можно обижаться на этот доклад, можно не обижаться, но что дает США такое право? Система гражданского общества, которая контролирует и исправляет ошибки, это очень медленная система, часто через судебную систему, работает медленно, но другой системы нет.

В. СУХОЙ: Насчет «обижаться». Обижать слабых безнравственно. Но когда ты постоянно обижаешься беспричинно, беспредметно, это тоже получается безнравственно. В нашей замечательной стране много всяких поговорок, выражений насчет всяких «соринок» и «бревна», российская демократическая мысль в 19 веке работала и у Салтыкова-Щедрина, и у Пушкина – все это можно прочитать – о навозной яме в твоем огороде, которая настолько благоухает, до разрыва аорты, а вот у соседа куст роз пахнет псиной, воняет и мешает жить, – все это уже пройдено, обо всем уже сказано. Мне кажется, – когда я читал этот доклад, – у нас проблема «троечников». Поручили людям недобросовестным, которые просто не захотели добросовестно сделать свою работу.

О. БЫЧКОВА: То есть, надо было лучше критиковать?

В. СУХОЙ: Да, надо уже лучше. Если вы уже взялись за эту работу, ее нужно сделать на «пять», а они даже на «три» не сделали, они сделали это на «двойку». Потому что там даже говорится, что президента США выбирают 280 выборщиков – это что за число? Если говорить о 269 и 270, – какие 280:? Там даже какие-то технические ошибки.

М. БОМ: Очень много. Например, в разделе о нарушении свободы слова они приводят такие нелепые примеры, что какой-то журналист был уволен за неполиткорректную речь. Это вообще не относится к категории свободы слова. Что это такое?

В. СУХОЙ: Наверное, Ден Разен имеется в виду.

М. БОМ: Было много случаев, но не в этом дело. Это не относится к категории свободы слова. Нарушение свободы слова – это когда, например, Самодурову или Ерофееву государство говорит, что мы не разрешаем эту выставку. Когда государство покушается на свободу слова или выражения. Такие компании, частные, как CNN или CBS, имеют на это право – это репутационные вопросы: если какой-то ведущий некорректно выражается, это то же самое, как если он появился в эфире в пьяном виде, частные компании имеют право уволить этого человека.

О. БЫЧКОВА: Напомните историю с Денном Разеном.

В. СУХОЙ: Ден Разен, очень популярный ведущий вечерних новостей CBS с 1981 по 2005 гг., вел программу каждый вечер и сделал сюжет. Правда, не в своей программе новостей, а в программе «60 минут», которая тоже выходит на CBS, – он сделал программу, где показал документы, согласно которым Джордж Буш-младший «откосил» от армии, от службы в Национальной гвардии штата Техас в свое время. Документы оказались ненастоящими. То есть факты были настоящими – действительно он не служил и были свидетельства того, что сделано было все, чтобы он не служил. Но сами документы, которые были показаны с экрана, не были настоящими – это были даже не копии настоящих документов, а просто изготовленные документы – как бы под настоящие.

О. БЫЧКОВА: Нехорошо.

В. СУХОЙ: Да. Он за это извинился, компания его защищала, но, в конце концов, его за это уволили. Он до сих пор судится с CBS – это дело принципа для Дена.

М. БОМ: Но это не вопрос свободы слова.

В. СУХОЙ: Это не вопрос свободы слова.

О. БЫЧКОВА: Это более сложная история.

В. СУХОЙ: Тем не менее, это включено в раздел.

О. БЫЧКОВА: Евгений: «А как система США отреагировала на Гуантанамо и секретные тюрьмы? А никак – похлопали по плечу, на права человека плевать». Кстати, резонный вопрос.

В. СУХОЙ: Здесь есть пример. Обама пообещал.

О. БЫЧКОВА: А у Лаврова есть про Гуантанамо?

М. БОМ: А как же. Это на первом месте. Хотя мало кто знает, что в Гуантанамо остались 140 человек.

О. БЫЧКОВА: Все равно не очень мало.

М. БОМ: Это буря в стакане воды.

О. БЫЧКОВА: Да ладно, 140 человек, да даже если 14.

М. БОМ: Каждый человек, конечно, святой. Но я не об этом. Обама обещал закрыть, но не выполнил, но потихонечку люди уезжают оттуда, хотя очень медленно. Конечно, есть вопросы нарушения прав человека, но это очень сложный вопрос, потому что они, во-первых, не американские граждане и как бы военнопленные. Это такая серая зона. В результате любой войны есть серые зоны.

В. СУХОЙ: И есть «Патриотический акт» со всем, что связано после 11 сентября, отношение к иностранцам.

О. БЫЧКОВА: Мне кажется, если действительно заниматься этими вопросами и делать заявления (хотя совершенно непонятно, с какой стати российский МИД должен заниматься этим в такой форме), тогда действительно нужно брать такие вещи, как Гуантанамо.

В. СУХОЙ: Оля, поверьте, все можно было сделать профессионально и спокойно, проверив факты.

М. БОМ: Мне кажется, нужно понимать, в чем мотив. Мне кажется, мотив – это чисто перевод стрелки.

О. БЫЧКОВА: Будем честными, мотив – «Список Магнитского».

М. БОМ: Чем больше МИД говорит о нарушениях прав человека в Америке, тем меньше они будут говорить о нарушениях прав человека в России, – это для отвода глаз. Это очень старый прием: давайте не будем говорить о пытках в российских тюрьмах, будем говорить о пытках в американских.

О. БЫЧКОВА: И, кстати, давайте не будем говорить, что стало с пленниками Гуантанамо, которые из Гуантанамо вернулись в Россию и тут тоже оказались экстремистами, и у многих истории и были еще те на самом деле, – что не оправдывает Гуантанамо.

М. БОМ: Может быть, вы уловили иронию в докладе – откуда они черпали информацию?

В. СУХОЙ: Из американских СМИ.

О. БЫЧКОВА: Да, кстати, и Чуров ссылается тоже на американские СМИ.

М. БОМ: А еще на американские и международные НКО. На те же самые НКО. Когда НКО критикуют Россию, то они «русофобы» и «агенты». Когда они критикуют США – это чудесным образом объективные и авторитетные источники информации. Это такой двойной стандарт.

В. СУХОЙ: Двойным стандартам мы у вас научились.

М. БОМ: Да. Но или НКО плохие, или они хорошие?

О. БЫЧКОВА: Нет, есть хорошие, а есть плохие.

М. БОМ: Но это одни и те же НКО – там сплошная информация от «Эмнисти Интернэшнл». А когда она же критикует Россию – они русофобы почему-то.

В. СУХОЙ: Когда будете пускать наблюдателей на американские выборы?

М. БОМ: Это только в Техасе не пускают.

О. БЫЧКОВА: Не только.

М. БОМ: Только в Техасе. Но мы говорили, что это особенность этого штата, это самодурство.

В. СУХОЙ: «Штат одинокой звезды» – девиз штата.

М. БОМ: Помните, один губернатор хотел отделиться от США? Конечно, это не в американском духе, но я видел, как россияне радовались.

О. БЫЧКОВА: Кстати, это не первый случай, когда не пускали наблюдателей. На предыдущих выборах тоже были подобные истории.

М. БОМ: Не помню.

О. БЫЧКОВА: Не то чтобы массово, но где-то в каких-то локальных местах.

М. БОМ: Думаю, что просто к этому не привыкли. Обычно мониторинг в США не проводился. Но я точно знаю, что в США есть еще 49 штатов, где нет препятствий. И еще в чем разница? – это самодурство одного штата, но в США не говорят, что это агенты российского влияния. На CBS не показывают «Анатомию протеста», они не демонизируют мониторинг, как Россия демонизирует «Голос», например. Это отдельный недостаток одного штата, это не системное сопротивление против мониторинга, такое, как в России.

О. БЫЧКОВА: У вас есть рациональное объяснение таким пропагандистским заявлениям, которые мы сейчас обсуждаем, с российской стороны? Они же очевидно пропагандистские и очевидно не просто так, потому что кто-то озаботился чьими-то правами, а потому, что есть вполне конкретный повод. И главный повод, конечно, «Список Магнитского», ну, может еще какие-то дополнительные, такого же рода. Как вы думаете, на что расчет? Даже Валентина пишет: «не 18 тысяч избираемых должностей, как у Чурова, а 500 тысяч». Мне тоже показалось, что 18 маловато. В любом случае очень много вещей опровергаются просто фактически. Почему это происходит, что должно дальше происходить? Ну, выступили министр и глава ЦИКа с этими заявлениями. Они ждут дальше каких шагов?

В. СУХОЙ: Мне кажется, это все от дефицита идеи. Как бы положено вести какую-то работу тому же МИДу, Избиркому – у нас же даже создали Институт демократии, там была идея в Париже и США устроить представительства.

О. БЫЧКОВА: Ну, там была идея создавать светлый образ.

В. СУХОЙ: Да, светлый образ. А идей очень мало. А в нашей природе всегда возвратиться назад и пойти по каким-то проторенным тропам – зачем искать новое, если уже было «Совинформбюро», ТАСС, интервью Иосифа Виссарионовича Сталина отдельным журналистам, которые все это доносили, – все это было и работало, как кажется. А почему вдруг сейчас это перестанет работать? Ведь многое работает, взятое из прошлого.

О. БЫЧКОВА: А тогда оно работало?

В. СУХОЙ: Тем людям, которые это делают, кажется, что работало. Потому что был хороший менеджер – Сталин.

О. БЫЧКОВА: Мне кажется, что оно и тогда не очень работало, а сейчас тем более.

В. СУХОЙ: Для нормального человека естественно не работало.

О. БЫЧКОВА: А сейчас тем более, когда есть Интернет и телеканалы.

В. СУХОЙ: Да, сейчас, в условиях открытого мира – почему? Я опять связываю это с отсутствием хорошего образования и понимания вообще мировых процессов. Интеллигенция слово чисто российское, его нет ни в одном словаре, мы его придумали, в настоящем смысле. И эта интеллигентность куда-то просочилась между пальцами и ушла в какой-то песок. И осталось только

это. Казалось бы, на международной арене – у нас сейчас нет международной журналистики как таковой – остались эти люди, которые такое заявляют.

О. БЫЧКОВА: А та международная журналистика, которая была в советские времена, лучше, что ли? Да, там их учили основательно, люди должны были, прежде чем дойти до центральных телеканалов, до какой-нибудь «Международной панорамы» или программы «Время», не знаю сколько десятилетий впахивать. Они в каком-то смысле были более образованы, знали больше языков, их учили основательно. Но является ли это той школой, на которую нужно ориентироваться?

В. СУХОЙ: Безусловно, нет. Но и то состояние, в котором сейчас находится «Российская газета» или российский канал, где вообще нет международного отдела и даже отдела международной информации, и девочка или мальчик сегодня делает про Урал, а завтра про США…

О. БЫЧКОВА: Это другой вопрос. Но мы сейчас говорим про чиновников. Наверняка в МИДе и ЦИКе есть люди, которые имеют разные возможности, и вообще, в Кремле, в Белом доме, где угодно – в том, что называется «во власти».

М. БОМ: Можно по поводу реакции? Очень показательный пример, как США реагировали на отчет МИДа и как МИД отреагировал на американский отчет – небо и земля, и это говорит о многом. Официальное заявление США: «У нас нет безупречной системы, и любая критика неотъемлемая часть нашего общества, это нормальное явление». А как Россия отреагировала на отчет Госдепа? «Мы против использования вопроса о нарушении прав человека как инструмента давления и вмешательства в наши внутренние дела» – реакция противоположная. Это говорит о том, что одна сторона уверена в себе и не против критики. Я тоже не против критики. Понимаете, тут вопрос репутационный.

О. БЫЧКОВА: Просто американцы в данном случае лучше сложили слова, вам не кажется? Нашли более удачную формулировку.

М. БОМ: Но почему такой пафос – «давление, вмешательство»? Я этого не понимаю. Это всего-навсего критика, мы все критикуем друг друга, при чем здесь давление и вмешательство?

В. СУХОЙ: В России нужно жить очень долго, чтобы что-то понимать.

О. БЫЧКОВА: Спасибо вам большое.

В. СУХОЙ: Всего доброго.

Есть ли в России «четвертая власть»?

Андрей Быстрицкий: У нас в гостях Майкл Бом, редактор отдела «Мнения» газеты «The Moscow Times». Добрый день.

Майкл Бом: Добрый день.

Андрей Быстрицкий: Вы «Общественное телевидение» смотрите?

Майкл Бом: Нет, у меня даже нет телевизора, все в Интернете. Столько надо читать и смотреть, я просто не дошел до этого. Хотя я слышал об этом.

Андрей Быстрицкий: Вы давно в России работаете?

Майкл Бом: 15 лет.

Андрей Быстрицкий: Не надоело?

Майкл Бом: Надоело, тяжело, конечно. Но русский язык – это моя специальность. Я сам выбрал такую «дурацкую» специальность. Русский язык, литература, международные отношения. Сейчас расхлебываю все это.

Андрей Быстрицкий: Все эти 15 лет работаете в «The Moscow Times»?

Майкл Бом: Нет, я был в бизнесе до этого. Потом я решил, что не в деньгах счастье, я захотел более творческую работу.

Андрей Быстрицкий: И как?

Майкл Бом: Интересно. Быть журналистом в России – не соскучишься. Безусловно, больше азарта здесь, в России, чем в Америке. У нас нет Жириновского, скучно в Америке быть журналистом. У нас нет Путина, Госдумы, закона об иностранных агентах, оскорблений чувств верующих.

Андрей Быстрицкий: Об иностранных агентах есть, я его жертва.

Майкл Бом: Это другое.

Андрей Быстрицкий: Вы читали этот закон?

Майкл Бом: Да, это закон не о НКО, вот в чем фокус. Он лоббированный.

Андрей Быстрицкий: Я не хочу критиковать Америку.

Майкл Бом: Я хочу критиковать депутатов. Они «слышат звон, но не знают, где он». Они взяли закон 1938 года. Этот закон менялся 100 раз с тех пор. Сейчас это закон не об НКО. Это закон лоббированный. Некоммерческая организация Андраника Миграняна не попадает, он сам говорил. Это ведущая российская некоммерческая организация в Америке. Они защищают американцев от лютых политических репрессий.

Андрей Быстрицкий: Но в СМИ попало, в «Голос России».

Майкл Бом: Да и в «Russia Today» тоже, это государственные органы. Вот почему мне интересно: есть такой закон об иностранных агентах. Его можно долго высмеивать и писать. Россия дает мне столько материала для осуждения и обсуждения.

Андрей Быстрицкий: А Сара Пейли в США? выдающаяся женщина.

Майкл Бом: Это естественное, а у Жириновского это все театр. Первое честнее. Жириновский – артист, я снимаю шляпу перед ним. Но какой ценой? Все-таки это лицо России. Я за смех, а политики – это не совсем смешное дело.

Андрей Быстрицкий: Какая целевая аудитория «The Moscow Times»?

Майкл Бом: Примерно наполовину: русские, владеющие английским языком, и половина иностранцев.

Андрей Быстрицкий: Зачем иностранцу читать «The Moscow Times»?

Майкл Бом: Мы очень узко направлены на Россию. «International Herald Tribune», «The New York Times» не каждый день пишут о России. Может, два раза в неделю. У них есть московский штат, но мы пишем каждый день. Те, кто интересуется Россией по личным интересам, по профессиональной деятельности, будут читать нас.

Андрей Быстрицкий: За счет чего газета живет?

Майкл Бом: Реклама. Это не государственная газета. Как любая коммерческая газета – реклама и подписчики.

Андрей Быстрицкий: Сколько у вас подписчиков?

Майкл Бом: Не знаю. Сейчас количество уменьшается, потому что многие уходят в Интернет. Бумажная газета рано или поздно исчезнет, самый лучший пример – «News Week». Это образец для американских журналов, его можно прочесть только в Интернете. Это первая ласточка.

Андрей Быстрицкий: «The Washington Post» была куплена за 250 млн долларов, что вы думаете про это?

Майкл Бом: Все говорят, что дешево. Это такая торговая марка! Это пентагонские документы, это реноме, это образец журналистики.

Андрей Быстрицкий: Почему ее продали?

Майкл Бом: Плохое финансовое положение. Это беда почти всех газет.

Андрей Быстрицкий: Это неизбежная беда всех бумажных изданий, или это недоработки руководства?

Майкл Бом: Просто новый конкурент – это интернет. Это хороший процесс, это заставляет газеты придумывать новые подходы, отдыхать нельзя.

Андрей Быстрицкий: Дело не в качестве руководства?

Майкл Бом: Они сделали свои ошибки. Везде есть проблемы, даже в «The New York Times» есть проблемы. Я имею в виду финансовые ошибки. Проблемы были, поэтому за такую цену и продали газету.

Андрей Быстрицкий: Зачем это «Амазону»?

Майкл Бом: Они объяснили, что хотят поменять облик газеты. Для них это вызов. Джефф Безос такие чудеса творил в «Амазоне», у него уникальные мозги, и он хочет применить эти мозги и сделать «The Washington Post» успешной финансово. В журналистском смысле все в порядке, это великолепная газета.

Андрей Быстрицкий: Это «индивидуальный challenge»?

Майкл Бом: Да.

Андрей Быстрицкий: Или у него есть замысел?

Майкл Бом: Конечно, он хочет прибыль, это само собой. У него глобальные виды на СМИ. Тщеславие тоже имеет место быть. Он хочет, чтобы говорили о нем как о человеке, переделавшем «The Washington Post». Он думает о синергии между электронным видом СМИ и бумажным.

Андрей Быстрицкий: Я думал, что он свою аудиторию хочет еще больше привязать к себе, дать человеку возможность не выходить из пространства «Амазона», жить там.

Майкл Бом: Скорее всего, да. Чтобы привлекать больше людей. Тираж – несколько сотен тысяч людей, это новая аудитория.

Андрей Быстрицкий: Зачем вам бумажная копия?

Майкл Бом: Рано или поздно почти все откажутся от нее. Может, «The New York Times» останется. Есть консерваторы, у них аллергия на компьютер, они хотят именно чувствовать. Я не консерватор, но я люблю газету. Я весь день смотрю на компьютер, я хочу на бумагу смотреть.

Андрей Быстрицкий: Бумажная копия не исчезнет. Она будет носить сувенирный характер.

Майкл Бом: Она нерентабельна, это очень дорого.

Андрей Быстрицкий: Зато сколько леса сохраним!

Майкл Бом: Люди за компьютером все равно распечатывают. Я лично много распечатываю. Лично я люблю архив, я люблю библиотеку.

Андрей Быстрицкий: В отделе «Мнения» вы кого печатаете?

Майкл Бом: Страница выходит каждый день. Половина места – наши регулярные обозреватели, они разные: консервативные, либеральные, русские, нерусские. А половина – это гости по злободневным темам. Сейчас это Сирия. Моя работа найти сирийских экспертов, чтобы они описали эту тему.

Андрей Быстрицкий: Чего вы хотели бы достичь? Чего бы вы хотели для своей газеты?

Майкл Бом: Тираж на первом месте. Лучше репутация, больше узнаваемость. Сейчас «The Moscow Times» – это маленькая газета, тираж сложно сказать. Интернет – прежде всего. Если Россия будет расти, тогда «The Moscow Times» будет расти вместе с ней, потому что будет больше американцев, европейцев, которые не могут жить без России. Если Россия на обочине, нас никто не

будет читать. Мы в одной упряжке.

Андрей Быстрицкий: Вы только по-английски пишете или на французском языке тоже?

Майкл Бом: Нет, только на английском.

Андрей Быстрицкий: Это правильно? Здесь больше людей говорят на тюркских языках.

Майкл Бом: Я думаю, что больше на русском.

Андрей Быстрицкий: Я говорю про иностранцев.

Майкл Бом: Это другие иностранцы. Я говорю про англоязычных. Английский – международный язык.

Андрей Быстрицкий: Имеет ли смысл выпускать приложения для гаджетов?

Майкл Бом: Если мы будем это делать, это будет на русском в первую очередь. Но пока таких планов нет.

Андрей Быстрицкий: Вы сотрудничаете с англоязычным радио?

Майкл Бом: По-моему, да, начинаем.

Андрей Быстрицкий: Мы думали о радио в Москве вроде МультиКульти в Берлине.

Майкл Бом: Если это будет на русском, то вы убиваете всех зайцев одновременно.

Андрей Быстрицкий: Вам легче быть дайджестом иностранных изданий, чем тратить деньги на самостоятельного журналиста? В отелях распространяют «листки», там основной набор сведений. Есть много газет, которые пишут о России. Может, вам обобщать, что пишут другие?

Майкл Бом: У нас есть такое, но это очень маленькая часть нашей газеты. Хотя пользуется спросом.

Андрей Быстрицкий: Тяжело ли на этом рынке продвинуться?

Майкл Бом: Мы нашли нашу нишу. Нашей аудитории мало «The New York Times».

Андрей Быстрицкий: О четвертой власти поговорим. Что вы под ней понимаете?

Майкл Бом: Есть ли четвертая власть в России или нет? Как главная составляющая системы сдержек и противовесов работает ли четвертая власть в России? Надо сказать, что Россия – молодая страна, не все сразу. Журналистика в России очень далека от четвертой власти. Именно по функциям. «Собака лает, а ветер носит» – это не четвертая власть. Четвертая власть, когда журналистика – настоящий рычаг влияния.

Андрей Быстрицкий: Газета выступила, что-то сделано, это было распространено. Я считаю, вреда от журналистики гораздо меньше, чем пользы. Часто журналистика поверхностна. Стандарты, которые придавали четвертой власти глубокий смысл (достоверность информации, проверка), они уходят.

Майкл Бом: Блоги, конечно, засоряют журналистику. Не все могут быть на уровне «The Washington Post»» или «The New York Times». Мне не нравится само слово «блог», это уже раздражает. Есть хорошие блоги, но это не журналистика.

Андрей Быстрицкий: Главная угроза в том, что создается конкуренция?

Майкл Бом: Это не конкуренция. Они не отбирают аудиторию, они разбавляют аудиторию. Блогосфера не заменяет, но она может отвлекать людей. Запретить блогосферу? Нельзя.

Андрей Быстрицкий: Надо пересмотреть финансовое существование блогов и газет. Может, создать «лайсенс фи» для Интернета?

Майкл Бом: В каждой газете есть своя «лайсенс фи».

Андрей Быстрицкий: Вы знаете, что такое «лайсенс фи»? Это, например, в каждом домовладении в обязательном порядке платят определенную сумму в год, например, на «ВВС». Может, стоит ввести такой перманентный платеж в Интернете?

Майкл Бом: Нет, это не поможет. Все равно блогосфера будет так или иначе опошлять журналистику. Это слишком широкое поле.

Андрей Быстрицкий: На этой жизнеутверждающей ноте мы и закончим нашу программу. Всего хорошего.

Майкл Бом: Всего доброго.

«Нельзя бороться деструктивно, нужно бороться конструктивно»

Ведущая: Всем добрый день. Мы встретились с Майклом Бомом, это корреспондент газеты «The Moscow Times». Майкл, здравствуйте.

Мы договорились встретиться и обсудить и Эдварда Сноудена, и Брэдли Мэннинга, истории которых во многом пересекаются и похожи. Но так все сложилось, что на первый план вышли новости, касающиеся Сноудена, который получил справку из ФМС, желанную справку, позволяющую ему покинуть пределы аэропорта Шереметьево и по крайней мере передвигаться на территории России. А менее получаса назад стало известно, что Сноуден тихо, минуя журналистов, покинул аэропорт Шереметьево и скрылся в неизвестном направлении. Как сказал адвокат Анатолий Кучерена, я догадываюсь, куда он поехал, но не скажу из соображений безопасности, потому что Эдвард Сноуден самый разыскиваемый человек сейчас в мире. Как вы думаете, Майкл, куда же двинется теперь Сноуден?

Бом: Не знаю. Думаю, что в какое-нибудь кафе, ему надоело Шереметьево, если он и был в Шереметьево. Злые языки говорят, что он вообще не был в Шереметьево, был на какой-то даче у ФСБ. Но это злые языки, это не подтвержденные факты.

Ведущая: Но один раз он точно там был, когда была встреча с общественниками, назовем ее так.

Бом: Это встреча, о которой мы знаем, а какие были встречи, о которых мы не знаем, это другой вопрос.

Ведущая: Ожидалось, конечно, что вот-вот Эдвард Сноуден покинет Шереметьево. Если говорить о версии его дальнейшей судьбы, ну поедет он по Золотому кольцу на экскурсию, например, или будет путешествовать по России. Что он вообще будет дальше делать? Что его дальше ждет?

Бом: Я думаю, что он будет избегать СМИ. Он дал эту пресс-конференцию, но очень скромную, короткую, без журналистов, если вы помните. Он хочет, чтобы речь шла именно о США, о злоупотреблениях Агентства национальной безопасности. Он может говорить о злоупотреблении Агентства национальной безопасности, а о себе – нет… Он скромный, он будет избегать этого.

Ведущая: Он говорил вроде бы, что он встретится с журналистами после того, как получит бумаги о временном убежище на территории Российской Федерации. Более того, я хочу напомнить, что Эдвард Сноуден сегодня собирался сделать некое заявление по поводу как раз Брэдли Мэннинга, об этом говорил не сам Сноуден, все это передается через WikiLeaks. Так вот WikiLeaks сегодня писали в своем Twitter, что должно последовать какое-то заявление. Что это может быть? Он будет как-то солидаризироваться с Мэннингом, будет говорить о том, что вот еще один пострадавший?

Бом: Завершение дела Мэннинга не сулит ничего хорошего для самого Мэннинга. Что касается Сноудена, его разоблачения не подпадают под закон о защите разоблачения, то есть он не разоблачал государственные преступления. Что касается Мэннинга, то какую-то часть государственных преступлений он разоблачил, это действительно государственные преступления. Все помнят видео, когда стреляли из вертолета, это военное преступление. В этом случае Мэннинг герой, и если бы Сноуден разоблачил какое-то преступление, я бы первым назвал его тоже героем, но он этого не сделал. Другое дело, что Мэннинг предал огласке 700 тысяч секретных документов. Какая-то их часть связана с преступлениями, но большинство не должно было стать достоянием общественности. То есть это какие-то дипломатические депеши о том, что какой-то посол думает о Путине, что он альфа-самец. Это вообще не имеет никакого отношения, народ не должен знать это. Народ должен знать, что творит государство, какие преступления государство совершает, а как какой-то посол или дипломат думает о Путине или о президенте Туркменистана, – было такое: мол, президент Туркменистана тупой, – это уже хулиганство. В том числе из-за этого его судили, Мэннинг не имел на это права.

Ведущая: Все-таки мне кажется, что у них больше общего, чем разницы. Смотрите: и тот, и другой работали на государство, и тот, и другой раскрыли государственный секрет, и тот, и другой сделали это бесплатно, они не из корысти делали это, а из каких-то внутренних побуждений.

Бом: Идеологических.

Ведущая: Да. И тому и другому грозит серьезное наказание, но при этом Брэдли Мэннинг в настоящий момент в штате Мэриленд ждет решения военного трибунала и думает: сколько же мне дадут, 116 лет тюрьмы или все-таки 136? А Эдвард Сноуден поехал куда-то со своей спутницей. Может быть, плачевная история Брэдли Мэннинга как раз вызовет больше сочувствия к фигуре Сноудена именно из-за этих схожих моментов в их судьбе?

Бом: И да, и нет. Поскольку Сноуден сбежал, получается, что он трус, а Мэннинг не сбежал. И между прочим Эллсберг не сбежал, это известный человек, который разоблачил бумаги Пентагона.

Ведущая: В начале 70-х.

Бом: Да, он предстал перед судом. Вот это мужество.

Ведущая: Давайте уточним, а у Брэдли Мэннинга были вообще возможности сбежать?

Бом: Я не знаю. Но Сноуден запланировал свое бегство заранее. Помните, он сказал шефу, что он болеет и ему нужно срочное лечение в Гонконге? Это, конечно, ложь была. Поэтому это не очень хорошо для него, если его экстрадируют, если его поймают.

Конечно, этот факт не в его пользу.

Ведущая: Что касается того, что разоблачать следует только преступления, то кто принимает решение по поводу того, что гражданам знать надо, а что не надо?

Бом: Суд присяжных или судья. Все сводится к одному – это военное преступление или просто государственное преступление, или это просто сплетни. Если это преступление, тогда народ должен об этом знать. Это идет на благо общества, и преследовать разоблачителя в принципе нельзя. И Мэннинг, и Сноуден нарушили присягу, но если, нарушив присягу, Мэннинг разоблачил государственное преступление, он должен быть защищен.

Ведущая: Им обоим было сложно принять это решение, они же подозревали, чем это может для них закончиться. Они подозревали, что их жизнь полностью изменится, и изменится в худшую сторону, что им будет очень тяжело. Вряд ли они искали именно такой славы. Они, может быть, оба не имели возможности отделить важное от неважного, – они хотели, чтобы просто все граждане знали все, ведь открытый мир?

Бом: Да, это радикальная гражданская позиция, это специфический тип человека. Это очень редкий тип человека. Со стороны Мэннинга это еще осложняется тем, что у него были серьезные психологические проблемы, и это фиксировалось. Я вообще удивляюсь, как он мог получить доступ к секретной информации.

Ведущая: Это удивительно, как его вообще взяли в армию со всеми сложностями? Хочу сказать нашим зрителям, что у Брэдли Мэннинга есть проблемы с определением пола, он не может решить, кто он: мужчина или женщина. Он сказал своему близкому другу, который очень много дает интервью и рассказывает о своих разговорах с Мэннингом, что больше всего меня печалит не то, что я сяду в тюрьму, я готов к этому, я готов к долгому сроку в тюрьме, а то, что везде, во всех газетах мира я буду фигурировать как мужчина. Все будут писать, что Брэдли Мэннинг – мужчина. То есть у него совершенно другие дела в голове.

Бом: Он столько сигналов подавал, что он неадекватный человек, что у него серьезные проблемы. Он обращался к военному психологу, у Мэннинга фиксировали приступы, но все равно не лишили его доступа к секретной информации. Единственное объяснение – это разгильдяйство. Такое бывает и не только в России, но и в Америке тоже. Я думаю, что есть еще один нюанс – сам факт, что он гомосексуалист. Понимаете, он принадлежит к защищенной группе американцев. Я думаю, что это как раз изнанка политкорректности, что не дай Бог обидеть гомосексуалиста. Может быть, руководство боялось судебного процесса, что это расценят как дискриминацию геев. Этот очень спорный вопрос насчет прав гомосексуалистов. Это слишком далеко зашло. Их надо защищать, как все меньшинства, но чтобы это не слишком далеко заходило.

Ведущая: Если явные проблемы с психикой есть, почему это не является смягчающим обстоятельством на судебном процессе? Почему военный трибунал, вынося решение, не принимает это во внимание? Я даже не слышала такого предположения, что его могут отправить на лечение, речь идет только о тюрьме.

Бом: Его пытались лечить там, но он не подлежал лечению. В принципе это и есть смягчающий фактор, но судья не принял это. Была и дедовщина над ним, то есть издевались над ним. Это армия, – понимаете, это все-таки не гражданский мир. Но, с другой стороны, у нас в Америке армия добровольная, никто не заставлял его идти, поэтому он несет ответственность за это в какой-то мере.

Ведущая: То, что они разные люди – Сноуден и Брэдли Мэннинг – это, конечно, очевидно. А как вы объясняете такой всплеск выступлений, само существование WikiLeaks, что есть такие люди, как Брэдли Мэннинг, как Эдвард Сноуден? Они же вскрывают сложную проблему, которая существует в самом государственном устройстве, в обмене информацией, в открытости государства перед обществом? Почему об этом говорится значительно меньше, чем о том, что нужно выдать Сноудена, нужно осудить Мэннинга? Вам не кажется, что это имеет немножко репрессивный характер?

Бом: Почему? Газеты писали об этом, что есть массовая, тотальная слежка, не за американцами, а за иностранцами, потому что американцы все-таки защищены четвертой поправкой. Действительно Сноуден добился своего, это сейчас обсуждается, есть реформы, но цель не оправдывает средства. Это его гражданская позиция, что слишком много засекречено, и он прав. Просто то, что десятки миллионов документов засекречены, это перебор, давно уже перебор. Каждая администрация засекречивает слишком много. Это легитимная борьба, и его претензии к государству легитимные, но он должен был бороться, не идя на разрушения, не слив все, – он должен был работать через демократическую систему.

Ведущая: Вот и наши власти так говорят: нельзя бороться деструктивно, нужно бороться конструктивно, например, участвовать в выборах, самому становиться политиком. Мы это тоже здесь слышим.

Бом: Да, но здесь это звучит как издевательство, а в Америке есть механизмы гражданского общества, через которые можно все решать. Конечно, легче просто сливать все и разрушить все, но это против закона. Есть механизмы: есть Конгресс, есть независимый институт следователя, есть разные методы, когда вы хотите изменить систему. Но это слишком долго или хлопотно, а он хотел все и сейчас. Он, как и Ассанж, радикал. Он считает, что все должно быть рассекречено, но не бывает так. Я понимаю, что есть перебор в сторону секретов, но в каждом государстве есть свои секреты. Это слишком неадекватная и радикальная позиция изначально, что народ должен знать все, но так не бывает. Даже в Швейцарии есть секреты, тем более в Америке.

Ведущая: Майкл, спасибо большое. Это был Майкл Бом, корреспондент газеты «The Moscow Times».

Западные СМИ об Украине. В чем разница с российскими?

Елена Рыковцева: Мы говорим сегодня о том, в чем западный подход к освещению событий в Украине отличается от российского. Представляю вам гостей программы: Майкл Бом, Майкл только что был гостем шоу на канале ТВЦ с участием Алексея Пушкова, других российских и иностранных журналистов, и у него есть чем поделиться. Как раз после этого шоу именно у Майка возникла идея устроить такую программу, вопрос которой будет звучать так: чья пропаганда выигрывает – российская или западная? Сам по себе этот вопрос допускает, что западная пропаганда тоже существует.

Майкл Бом: Безусловно. Просто происхождение другое.

Елена Рыковцева: С нами Виктор Черецкий, наш собственный корреспондент из Испании. С нами на связи из Лондона британский журналист Андрей Остальский. В конце программы на связь выйдет Вацлав Радзивинович – это польский коллега, польский журналист «Газеты Выборча». С ним случилось происшествие: он работал в Крыму только что, был задержан органами ФСБ не очень понятно, на каких основаниях. Благополучно вернулся в Москву и расскажет нам о том, что он увидел в Крыму. Майкл, что такое западная пропаганда в применении к Украине, почему вы считаете, что она есть, и как можно ее сформулировать?

Майкл Бом: Надо сказать, что западные СМИ западным СМИ рознь, есть разные СМИ, есть огромный диапазон, как в России. Есть «Нью-Йорк Таймс», есть CNN.

Елена Рыковцева: Давайте говорить об определяющих, может быть.

Майкл Бом: Есть средние СМИ, потому что «Нью-Йорк Таймс» – высший пилотаж, они менее грешны, хотя все судят со своей колокольни, и «Нью-Йорк Таймс» тоже. Обычное масс-медиа – CNN, я думаю, пропаганда заключается просто в идеологической зашоренности. Это исторически так сложилось, что они волей-неволей видят события, не только в России, но особенно в России, в черно-белом цвете – мы хорошие, они плохие. В той или иной степени это все равно возникает. Может быть, незнание истории. В данном случае – непонимание, незнание значимости Украины для России – это чувствуется. Украина – это одна из стран.

Елена Рыковцева: И что это Россия так к ней прицепилась.

Майкл Бом: Из-за этого очень много пропаганды. Но это не из-за того, что они подконтрольны власти – в этом большая разница. Потому что российская пропаганда, если речь идет о госканалах – именно из-за этого. Они подконтрольны власти, и их функции главные – защищать и оправдывать действия власти. Поэтому масштаб пропаганды в разы больше.

Елена Рыковцева: То есть они выполняют задание совершенно конкретное, а западная пресса действует в силу своих предубежденностей, стереотипов, но как бы более-менее самостоятельно в этом смысле.

Майкл Бом: Западные СМИ подконтрольны своим хозяевам, но это не значит – подконтрольны государству. Все равно есть конкуренция между этими медиа-магнатами.

Елена Рыковцева: Мы сейчас с Майклом единомышленники, мы друг друга уговаривать не будем, но я просто хочу высказать свое мнение. Кроме того, медиа-магнат не может дать государственное определяющее задание – осветить политику по отношению к другому государству только так, а не иначе.

Майкл Бом: Западные СМИ выполняют свою базовую функцию – сдерживать власть, а в России этого быть не может в принципе. Потому что как можно сдерживать власть, когда СМИ ей служат? Это профанация. Всегда говорят: а в Англии BBC? Россия не Англия. Все, что позволено в Англии, не работает в России, исторически не работает. Поэтому мы имеем то, что мы имеем в России. И масштаб: в Англии один госканал – BBC, а сколько госканалов в России? То, что российские власти наградили журналистов орденами за объективность, это фарс. Это лишний раз показывает, что в России власти не стесняются, они называют вещи своими именами: идет информационная война, и мы их благодарим за заслуги перед Отечеством. Именно так называлась награда – за заслуги перед Отечеством. То есть получается, что служить власти – это и есть наивысшая заслуга перед Отечеством. Для меня это просто нонсенс.

Елена Рыковцева: Андрей, как можно определить направление, освещение украинских событий в британской прессе? В чем вы видите стереотипы, которые давят на журналистов? Может ли собственник давить на журналистов, показывая Украину и отношения с Россией так или иначе? В чем вы видите кардинально разный подход в освещении этих событий между российской и британской прессой?

Андрей Остальский: Я бы хотел вначале возразить Майклу, с которым я в значительной степени согласен, но в одном очень существенном моменте не согласен категорически. Давайте все-таки не подменять понятия. Пропаганда есть умышленное искажение информации, выборочное использование информации с целью воздействия на психологию аудитории. Я много лет, как вы знаете, проработал на BBC, у нас слово «пропаганда» было страшным оскорблением, лучше человека назвать дураком, сволочью, идиотом, но назвать его пропагандистом… просто после этого руку не подают, ничего не остается.

Елена Рыковцева: У нас на Радио Свобода «контрпропаганда» тоже оскорбительное слово, нельзя заниматься ни пропагандой, ни контрпропагандой.

Андрей Остальский: Совершенно справедливо. Давайте не обижать западных коллег, они пропагандой в своем абсолютном большинстве, безусловно, не занимаются, для них это было бы очень обидно слышать. Другое дело, Майкл прав, все мы люди, все мы «хомо сапиенс» со всеми присущими нам слабостями, предубеждениями и так далее, каждый работает в силу своих знаний, таланта, представлений о мире, но работают большинство западных журналистов честно, в том числе даже из частных средств массовой информации, те, по крайней мере, с которыми я тесно сталкивался. BBC – это общественное СМИ, я работал в «Файненшл Таймс», я готов биться об заклад с кем угодно, что собственник газеты «Файненшл Таймс» не вмешивается ни прямо, ни косвенно, ни крупно, ни по-мелкому в журналистский курс газеты «Файненшл Таймс». Я думаю так же, что и большинство других газет очень трудно подозревать в том, что они занимаются пропагандой в пользу своих владельцев. Я не готов даже обсуждать в этих терминах существующую штуку. Передо мной статья, наделавшая определенный шум, в газете «Гардиан», тоже очень мной уважаемой газеты, хотя я центрист, «Гардиан» для меня немножко левая. Вся суть плюрализма в том, чтобы были разные взгляды, дай бог им здоровья, успехов, и вообще они профессионалы и молодцы. В газете «Гардиан» публикуется статья Джона Пилджера – это очень известный человек, известный своими ярыми антиамериканскими взглядами. Я смотрю на эту статью, в применении к нынешнему украинскому правительству он употребляет исключительно слово «хунта». Дословная цитата: «Путин единственный лидер во всей Европе, ставший на пути фашизма. Соединенные Штаты произвели переворот. Американский империализм управляет Украиной. Россия со Сталиным, с Хрущевым, с кем угодно, всегда отбивала западные империалистические атаки, и эти атаки продолжаются». Это что – пропаганда? Я осмелюсь сказать: звучит как пропаганда для наших ушей. Но нет – это личный взгляд Джона Пилджера, который, конечно, для меня кажется диким, это плохая журналистика, на мой взгляд, потому что ни один его тезис не доказан и во всей статье одна цитата от некоего еврейского доктора в Одессе, которая потом оказывается фальшивой, оказывается, он ее взял с Фейсбука и потом этот автор даже постеснялся, снял собственную цитату со своей фейсбучной страницы. Это плохая журналистика. Но даже это не пропаганда. И смотрите, плюрализм, тем не менее, достаточно много людей с интересом прочитали эту статью и может быть сказали: доля истины в этом, наверное, есть. Хотя я думаю, что большинство с этим бы не согласилось.

Елена Рыковцева: То есть в этом главная разница, что даже когда человек высказывает мнение, очень похожее на кремлевское, вы никогда его не обвините в том, что это пропаганда, потому что он не выполняет специальные задачи, ему никто не ставит задачу говорить так, а не иначе.

Майкл Бом: Конечно, я употребил слово «пропаганда» в жирных кавычках. Потому что одно дело, когда это подспудно, есть такая идеологическая зашоренность, но это не потому, что это по указке государства. Это, конечно, не пропаганда в классическом смысле этого слова, я согласен с Андреем.

Елена Рыковцева: Здесь есть такое клише в России, на российских телеканалах, в устах чиновников, что западная пропаганда в отношении Украины точно такая же мощная, и так далее. Как я понимаю, что они вкладывают в это понятие? Западная пресса настроена так, что Украина права в этом конфликте, а Россия не права – это здесь считают пропагандой. Относительно единую позицию западной прессы по этому конфликту они считают пропагандой. Так здесь это, по крайней мере, трактуется.

Майкл Бом: Я не думаю, что есть единая позиция.

Елена Рыковцева: Она не единая, но в общем взгляд, оправдывающий скорее действия киевской власти, чем действия Кремля.

Майкл Бом: Возьмем Russia Today, этот канал транслируется по всей Америке – это уже идет вразрез с американской «пропагандой». Даже на CNN сколько раз я видел профессора Стивена Коэна – это не типичный взгляд, он часто выступает, он как раз на стороне российской версии событий. Его позиция очень значимая по масс-медиа в Америке.

Елена Рыковцева: Есть западные эксперты, которые представлены в российской прессе. Александр Рар – просто номер один эксперт в российской прессе. Есть ряд западных экспертов, которые на федеральных каналах используются как трезвый голос западной общественности, но почему-то их не так много, они одни и те же. Виктор, как подает испанская пресса события в Украине, что вы считаете зашоренностью в этой подаче, а что вы считаете достаточно объективным взглядом на вещи?

Виктор Черецкий: Вы знаете, в Испании абсолютная свобода, каждый видит в прессе в отношении Украины и каждый видит ее через призму, во-первых, своего интеллекта, я имею в виду аналитиков, своих знаний и событий, которые происходят. С одной стороны, есть официальная позиция Мадрида, который разделяет позицию Евросоюза и НАТО на эту тему. В Испании, в отличие от некоторых других стран, есть официальные каналы, государственные каналы телевидения и радио. В основном они стараются не комментировать, стараются подать информацию. У ведущих частных испанских газет, естественно, есть корреспонденты телевидения и радио, которые работают не только в Москве, но и некоторые в зоне конфликта. Так что информацию они подают объективно, берут интервью у сторонников одной стороны конфликта, затем у другой. Интересно еще и мнение, как на этот конфликт смотрят комментаторы, общественность. Здесь тоже любопытное явление, может быть несколько напомнит то, что господин Остальский говорил, в Англии тоже этот феномен присутствует. В Испании сохранилось в некоторой части общественности (я не скажу, что это большинство), но определенной части общественности импонирует великодержавность. Поэтому много статей именно в поддержку России. Апеллируют историей вопроса, к тому, что нынешние границы Украины прочерчивали авторитарные политики, которые исходили из своей идеологии без учета мнений, что это якобы такая бомба, которая заложена под сегодняшнюю Украину и что конфликт рано или поздно должен был проявиться. Сейчас очень много интернет-изданий, есть одно издание «Дигитальный интернет-разведчик», его издает группа военных в отставке – это именно такие люди, которым импонирует великодержавность. Но это они исходят из истории самой Испании, которая когда-то была великой империей, потом потеряла свои колонии, и определенная ностальгия по каким-то временам. Эти люди очень даже резко выступают против нынешних украинских властей и полностью поддерживают Путина. Любопытно посмотреть мнения людей на форумах различных, тоже самые разные. Еще одна любопытная деталь: в Испании большая

украинская колония, даже до 150 тысяч человек, в основном из западных районов Украины. У меня большие контакты есть, я поддерживаю связь со многими активистами, некоторые из них считают, что посольство проплачивает прорусские, пророссийские выступления и статьи. Но это не так – это именно тяга по великодержавности. Кстати, не так давно представители испанской общественности, причем консервативной, провели у посольства Украины манифестацию протеста именно в поддержку России. Вот такая ситуация – плюрализм мнений.

Елена Рыковцева: Какой-то доминирующей точки зрения нет, можно сказать, что баланс мнений?

Виктор Черецкий: Баланс, никто никому ничего не навязывает. Люди исходят из того, что видят, а показывают им все, что происходит. Они берут интервью у представителей Донецкой республики самопровозглашенной – пожалуйста. Берут интервью у представителей киевского правительства – тоже пожалуйста.

Елена Рыковцева: Что такое пропаганда на федеральных российских каналах? Категорическое, полное отсутствие второй точки зрения. Если вам показывают жителей Донбасса, это только жители Донбасса, которые хотят референдума, которые хотят отделиться, которые поддерживают боевиков и говорят, что принесут им водички и так далее. Вы никогда не увидите на улицах Донецка жителя, симпатизирующего единой Украине – это просто исключено.

Майкл Бом: В ток-шоу они пытаются.

Елена Рыковцева: Это только на канале ТВЦ – это единственный канал, куда вас пускают, Майкл, с вашей позицией. Больше нет ни на первом, ни на втором, я слежу очень внимательно, в ток-шоу только ТВЦ позволяет на 8 участников пустить два, включая вас, с позицией другой, чем остальные участники. Поэтому ТВЦ все еще разрешен в Украине. Андрей, очень важно от вас услышать мнение о 300 награжденных журналистов. Для Майкла это было принципиально, он задавал этот вопрос Алексею Пушкову, тот сказал ему, во-первых, американскую прессу тоже поощряют: пускают в Белый дом, дают доступ к расследованиям.

Майкл Бом: Обама приглашает на обед.

Елена Рыковцева: Это было бы призом действительно. Он почему-то в качестве приза для американских журналистов назвал, что их пускают на пресс-конференции. Майкла эта проблема беспокоит, почему эти люди оказались награждены за свою позицию по поводу Крыма. Возможна ли у вас аналогичная ситуация? Мог ли быть награжден британский журналист за то, что он отстаивал позицию государства в каком-то вопросе, касающемся территории?

Андрей Остальский: Я такого вообразить в страшном сне не могу. Для меня это было шоком, хотя, казалось бы, я за российской действительностью слежу даже из Великобритании крайне пристально и много лет, но действительно шок. Все-таки на такое пойти – на секретный указ, приравнять их к агентуре ФСБ, которые параллельно награждаются какими-то секретными указами, просто это дискредитация для журналистов может быть в глазах людей достаточно националистически настроенных, но все-таки способных самостоятельно думать, мне кажется, это страшный удар по репутации. В Британии другая штука. Я работал в «Файненшл Таймс» и думал: награждают ушедшего уже на покой, фактически отставного Бритона, знаменитейшего обозревателя экономического, ему присвоили титул рыцаря, он стал сэром, а главному редактору не дают «рыцаря», и действующим журналистам не дают. Я подумал: какое безобразие, как это несправедливо. Но потом я понял, что эти люди откажутся, даже если им предложат. Потому что это же дискредитировать себя, это показать, что ты зависим от государства. Это страшный удар по репутации, по самоощущению человека. Здесь бездна между самоощущением журналиста британского и журналиста российского и уже, наверное, не журналиста, увы. Среди этих трехсот были люди, с которыми я дружил, которых я уважал. Не знаю, пусть они обижаются, не журналисты они уже – они солдаты невидимого фронта.

Елена Рыковцева: В ответ на это Майклу объясняли, что это «наша традиция, награждать». Во Франции награждают орденом Почетного легиона, а здесь традиция получать из рук государства. Весь вопрос, как я понимаю, за какую операцию они были награждены.

Андрей Остальский: Нет, это второй вопрос. Но очень важный вопрос: вообще из рук государства журналист независимый не должен брать наград, потому что это сразу ставит под сомнение его независимость и его профессиональное мироощущение. Но уж по конфликтному вопросу, когда кровь льется человеческая, когда, возможно, ты прямо или косвенно виноват в гибели людей, возможно невинных, ты же не знаешь до конца, кто прав, кто виноват, они сами в глубине души знают, что они этого не знают, тем не менее, за это брать награду – надо, наверное, потерять самоуважение.

Елена Рыковцева: Это абсолютная оценка выполнения боевого задания. Оно было поставлено, его выполнили.

Майкл Бом: Причем награда узкой направленности, именно в Крыму. Очевидно, что информационная, пропагандистская война идет и это тактическая операция, чтобы поднять дух. Война будет идти и дальше, – надо, чтобы был резерв, чтобы люди не потеряли дух…

А в Америке не государство награждает журналистов, а журналистская гильдия. И не за объективность – сама формулировка абсурдная, а за расследования, за разоблачение преступлений.

Елена Рыковцева: Абсурдно вообще в ситуации с Крымом говорить: за объективность.

Майкл Бом: Каждый журналист решает для себя. Для некоторых деньги не пахнут, и они начинают свою карьеру – это может быть хорошая площадка. Мы видели, что хотя бы один журналист, помните, девушка уволилась в эфире, можно сказать, что это

пиар-ход.

Елена Рыковцева: Ее руководство тут же сказало, что это пиар-ход.

Майкл Бом: Она не смогла терпеть и ушла. Видите, кого они приглашают: очень много сторонников теории заговора. Это хорошая площадка для того, чтобы говорить, допустим, что американцы сами сделали 11 сентября. Есть спрос, для какой-то части американцев развлечение смотреть на эти шоу, поэтому они нашли отклик.

Елена Рыковцева: То есть это, во-первых, способ заработка, во-вторых, способ проявить свои нестандартные взгляды какие-то. Вас уравновесили на этом шоу вашим коллегой из Russia Today. Это американский журналист, который сидел рядом с вами и который имел совершенно другую позицию, абсолютно совпадающую с Максимом Шевченко, Алексеем Пушковым, Фефелевым.

Майкл Бом: Может быть. Что касается Russia Today, есть такая точка зрения в Америке, это крайне либеральная точка зрения, что Америка виновата во всем. Russia Today не придумывает это – это существует, просто Russia Today дает им площадку. Есть разные точки зрения в Америке, есть консервативные, есть либеральные. Очень многие считают, что во всем виновата Америка.

Елена Рыковцева: То есть смысл в чем, что на территории Соединенных Штатов вещает канал российский, на котором американские граждане, работающие на этом канале, говорят, что во всем виновата Америка. И его, естественно, никто там не закрывает, потому что такая точка зрения тоже существует, имеет право на существование.

Майкл Бом: Может быть, есть что-то в этом, никто не заставляет вас слушать Russia Today, у американцев есть диапазон.

Елена Рыковцева: Тем более не на Америку рассчитан этот канал, не на то, чтобы переубедить американцев.

Майкл Бом: И на американцев тоже, чтобы больше было сторонников российской точки зрения, что Россия – это не агрессор. Я думаю, что чем больше американцев этот канал может убедить, тем лучше.

Елена Рыковцева: Для государства российского, которое этот канал финансирует?

Майкл Бом: Конечно, это пиар-война. Надо противостоять традиционной точке зрения в Америке, что Америка по определению приносит добро. Надо противостоять этому.

Елена Рыковцева: А здесь точка зрения, что Америка по определению зло.

Майкл Бом: Я считаю, что Russia Today имеет право на существование. Пусть американцы сами решают, где ерунда, где правда.

Елена Рыковцева: Человек, который сидел рядом с вами, вполне может быть, что его взгляды совпали с запросом государства российского на такую точку зрения. Такое тоже случается. Конечно, должна быть оппозиция. Конечно, различия глобальные пропаганды, средств массовой информации, которые существуют в России, и средств массовой информации, которые существуют на Западе, в том, что там всегда есть место оппозиции, здесь оппозицию затаптывают моментально. Два человека прорвалось на канал ТВЦ в ток-шоу, что вокруг них устроили, какой ужас, какой крик, когда они пытались со своими пятью копейками встрять в этот вал по поводу Украины, хор мнений, совершенно единых, по мнению Украины. Майкл, Николай Усков и политолог, мне не известный, очень мужественный человек. Вы уже, как на войну, идете на эти шоу.

Майкл Бом: Хотя бы есть такая возможность.

Елена Рыковцева: А я буду подчеркивать – только на канале ТВЦ с не очень большими охватом и рейтингом, поэтому вас туда и пускают. Виктор, ваше мнение по поводу награждения журналистов? Что с этим в Испании, как это выглядит оттуда?

Виктор Черецкий: Эта новость до Испании не дошла. Это абсурд – понятно. Если бы узнали, как анекдот рассказывали бы. Я хочу сказать по поводу Russia Today – есть аналог на испанском языке. Я даже неоднократно в публичных выступлениях говорил, что это никому не нужно. Демократическое общество, в том числе испанское общество, оно самокритично. И так, как само себя критикует, как оппозиция критикует испанское правительство, какой-то российской телестанции «Россия сегодня» не дотянуться, это мелочь какая-то, поэтому она никакой популярностью здесь не пользуется. В Испании есть помимо партийных, идеологических интересов общегосударственные интересы. Есть один нюанс. Скажем, сейчас при анализе ситуации в Украине и при анализе отношений Евросоюза, в частности Испании, к России выплывают интересы Испании, экономические интересы. И в данном случае и находящиеся консерваторы у власти, и оппозиция считают, что эти экономические отношения с Россией страдать не могут никак. В газе Испания особо не заинтересована, хотя опосредствованно, потому что заинтересованы в газе ее первые союзники, например, Германия, первые торговые партнеры и союзники, но Испания очень заинтересована в российском туризме, перевалило уже за полтора миллиона в год туристов. Туризм – это первейшая отрасль испанской экономики. Возвращаясь к теме награждения, в Испании награждают, господин Остальский говорил, что в Великобритании только ветеранов награждают, нет, в Испании награждают журналистов, но если журналист где-то проработал в горячей точке, его жизнь подвергалась опасности, может быть он был ранен, может быть, он был захвачен кем-то, то есть человек действительно заслужил награду, не за идеологическую позицию ни в коем случае.

Елена Рыковцева: Вацлав только что вернулся из большой командировки в Крым. Вацлав, ваши впечатления от этой поездки? Что вы увидели своим западным взглядом?

Вацлав Радзивинович: Картина, как всегда, неоднозначная. Потому что, с одной стороны, есть действительно, я бы не сказал,

что это радость многих людей, кажется, большинства людей – это надежда. Хорошо поговорить с людьми, которые постарше, они надеются, что не то что они пришли к России, они сейчас в России, но то, что они вернулись в Советский Союз. Люди в Крыму думают, что сейчас все вернется на круги своя, что будут льготы, высокие пенсии, будет полная социальная безопасность. Советский сон, советская мечта. Но это с одной стороны. С другой стороны есть люди, которые занимаются, например, бизнесом, а там уже настроения не такие. Я был в Симферополе, уже пустые полки в магазинах, выбор товаров маленький. Как мне говорили люди, которые занимаются торговлей, к лучшему не идет. Почему так получается? Это странно, потому что если нет у них товаров, которые поставляла Украина, они на порядок дешевле российских, из России приезжали люди, чтобы затовариваться, хотя бы водка, спиртное там в три раза дешевле, чем сейчас в России. Люди просто вывозят стройматериалы, пока это еще дешевле. Поэтому магазины уже пустые, а новых поставок из Украины нет. Казалось бы, Россия будет опекать этих людей, которых приняла в свои объятия. Есть пять грузовых портов, но вывоз поставок не налажен еще и нет такой хорошей перспективы для этого. Потому что товары, которые людям нужны, они в России гораздо дороже, чем украинские. И пока бизнесмены не хотят соваться в этот бизнес, пока в Россию увозят все, что можно, все, что еще осталось украинского. Я даже не понимаю, почему российское государство это не делает, должны налаживать мгновенно государственные поставки.

Елена Рыковцева: Дорого, долго, нет возможности все это быстро организовать.

Вацлав Радзивинович: Извините, пожалуйста, было такое событие истории, которое называлось берлинский кризис. Тогда была блокада Западного Берлина, и пришлось все поставки для огромного города осуществлять по воздуху, даже топливо привозили, все привозили по воздуху. Все можно, и можно сделать мгновенно, ждать нечего. Надо было это делать сразу, это не так сложно. Прошло два месяца, пока это не работает. Дальше – проблемы с водой. Дальше – самая чувствительная для крымчан – не тех, которые думают, что будут жить на хорошие пенсии, а те, которые занимаются бизнесом, – это практически срыв курортного сезона. На майские праздники было очень мало туристов, кажется, что летом будет тоже мало туристов, они не приедут. Есть такие опасения, что если действительно примет Украина какой-то закон об оккупированной территории, отрежут воду, отрежут газ, отрежут электричество. Еще почему я поехал, чем я занимался: есть проблема крымских татар. Столкновения, первая встреча нового государства в Крыму с крымскотатарским народом – это успехом не назовешь.

Елена Рыковцева: Вот опять к вопросу о том, что считать пропагандой, а что не считать. Ведь ничего из того, что вы сейчас рассказываете, из второй части, мы не видим на российских каналах, мы видим только первую. Когда опрашивают – люди по-прежнему рады, прошло 9 мая, будет строиться мост, нам показывают самолеты, полные туристов, которые прилетают в Симферополь. Ни в коем случае не показать, что в Крыму есть проблемы.

Вацлав Радзивинович: Вы меня спросили, что я видел. Я видел это, я видел и огромные мечты, люди надеются, что сейчас будет хорошо, спокойно и богато. Совсем, извините, слов не хватает, чтобы сказать, как я оцениваю то, как российские власти подошли к годовщине депортации татар. Пришли люди на митинг, и над нашими головами шел дождик, иногда обильный дождь был, и над нашими головами кружили два военных тяжелых вертолета Ми-8, между ними летал беспилотник, который снимал все это. Вы понимаете, что это значит? Это кто-то рискнул в таких условиях, малейшая ошибка пилота, и катастрофа, трагедия.

Зачем это было, зачем было пугать людей, зачем закрывать центр Симферополя практически на сутки бронетранспортерами, ОМОНом, «Беркутом»? Чтобы показать татарам, что Россия не даст высказаться? Они привыкли, они 23 года собирались спокойно, ни капли крови, никаких беспорядков никогда не было. Они известны во всем мире, что у них если политика – это без насилия. Все это знают, а здесь им показали силу, закрыли центр города, запретили митинг в центре города, потом разрешили, потом запретили вообще что-либо делать. Наконец где-то у мечети на окраине разрешили им этот митинг сделать. Люди пришли, послушали, постояли, над ними был постоянно гул от этих вертолетов, в городе полно ОМОНа, бронетранспортеры. Зачем это делать? Разве не показывали? Я не смотрел центральные каналы вчера.

Елена Рыковцева: Видите, я в чистом виде жертва пропаганды. Я вчера была далеко от Москвы, у меня не было Интернета, а были только исключительно федеральные каналы, по которым ничего подобного не было. Вацлав, для меня это абсолютная загадка: люди в Крыму мечтают о Советском Союзе, они получили как бы эту возможность, и они верят, что снова в нем окажутся. Откуда у них эта иллюзия о прекрасном Советском Союзе? Ведь даже российские средства массовой информации до конфликта никогда не показывали никакого идеала, никогда не делали из России Советского Союза. Они показывали наводнения, пожары. Первой новостью всегда благополучный Путин, с этим связывается надежда на успех и процветание России, но второе, третье, четвертое – чем хуже, тем лучше. Откуда у крымчан берется этот образ Советского Союза, в который они теперь вернулись?

Вацлав Радзивинович: Я думаю, это не только у крымчан – это принимается по умолчанию. Есть Кремль, есть правительство, которое отвечает за все. Это то же самое, что они видели в Советском Союзе.

Елена Рыковцева: Это такая вера, религия?

Вацлав Радзивинович: Вера, мечта. Никогда слаще этой морковки они не знали, так они этой морковки хотели. Сегодня есть блестящие комментарии в газете «Ведомости», они писали, что это для бывших гагэбистов, не народа, который сам по себе что-то требует, чего-то хочет. А он или разменная монета, или его кто-то инспирирует, провоцирует Америка, Китай. Это такой подход, на самом деле. Я думаю, что настоящее лицо Россия показала вчера этими вертолетами.

Елена Рыковцева: Но ведь во всей этой истории в Украине подход свои – чужие во всем прослеживается. Свой корреспондент «Лайф Ньюс», МИД будет писать заявление, что его похитили. Чужой корреспондент из «Новой газеты», мы будем молчать, пусть бьется и колотится Дмитрий Муратов, его главный редактор, поднимает свои личные связи, но Россия никогда не скажет,

что его похитили в Славянске сепаратисты, им это невыгодно – это чужой журналист. Точно так же есть крымские татары свои, которые идут на прием к Путину, и есть чужой Мустафа Джемилев и группа его поддержки, над которыми нужно летать самолетами. Это свои и чужие, свой народ и чужой. Все поделено в этой ситуации.

Майкл Бом: Кто выигрывает пропагандистскую войну? Я думаю, что лучше сказать, что Россия проигрывает, потому что это все топорно идет со стороны России. О какой пропагандистской победе может идти речь, когда мы все видим, что российские солдаты были в Крыму, а российские СМИ говорили, что нет. О какой пропагандистской победе, когда это так топорно, идет речь? Потом Путин сказал, что да, есть, но они появились только во время референдума. Американские солдаты какие-то на востоке «говорят по-английски». Что это за пропаганда?

Елена Рыковцева: Майкл, тысячу раз говорено, что не было в одесском Доме профсоюзов беременной женщины. Вчера Владимир Соловьев опять: душили беременную женщину. Снова через две недели после того, как это было опровергнуто, все равно это говорят. Просто говорят без всяких подтверждений. И когда вы говорите, пропагандистская война проиграна, имейте в виду, что Россия проигрывает пропагандистскую войну на чужой территории, на своей она ее не проигрывает.

Спасибо, Майкл, за участие в нашей передаче.

Майкл Бом: Спасибо вам.

Путин показал, кто в доме хозяин

Ведущий: Это Финам. ФМ. Сегодня мы решили провести эфир с человеком, который имеет свое мнение о нашей с вами стране, причем сразу скажу, возможно, его взгляд не объективный. Это я сразу обращаюсь к тем, кто ура-патриотически относится к нынешней российской действительности. Тема программы звучит так: Российская дурь и дурость. Необъективный взгляд американца. Я с большим удовольствием представляю вам сегодняшнего своего гостя – это Майкл Бом, редактор раздела Мнения/комментарии газеты «The Moscow Times». Майкл, добрый вечер.

Майкл Бом (далее М.Б.): Добрый вечер.

Ведущий: Майкл, мы сейчас перейдем к той теме, которую намерены обсудить в оставшиеся 50 минут, но сейчас для всех в Москве, в Подмосковье, да и в центральной России самая актуальная тема – это, конечно, экологическая ситуация, которая складывается здесь у нас в мегаполисе. Сегодня в первой половине дня была просто жесть, невозможно было дышать без респираторов в буквальном смысле, либо без марлевой повязки. Сейчас, по крайней мере, здесь у нас в центре Москвы уже немного развеялось, но тем не менее гарь, вонь, дым и плюс сорокоградусная жара. Все это является таким мощнейшим негативным фоном в рамках нашей программы. Здесь в студии вони нет, у нас работают кондиционеры, но стоит нам открыть окно, как мы, конечно, получим несколько иной результат. Как вы относитесь к этому? Считаете ли вы, что здесь больше природной стихии или того, о чем мы с вами сегодня решили пообщаться, поговорить?

М.Б.: И то, и другое. Пожар везде, и в Калифорнии, и в Австралии, но, конечно, есть русская специфика в этом. Я уже в России 13 лет и часто вспоминаю очень старый бородатый анекдот: самая сложная операция в России – это когда удаляют гланды. Все знают почему – потому что через одно место.

Ведущий: А! Вот оно что. Так!

М.Б.: Очень много в России делается, – это не я придумал, это любой россиянин подтверждает, – именно через это место.

Ведущий: Смотрите, вы определили несколько ступеней русского абсурда или русской дурости. По вашему мнению, в сложившейся ситуации больше – я вас цитирую – пофигизма, русского авось, бесшабашности, разгильдяйства, раздолбайства или чего-то другого?

М.Б.: И то, и другое, и третье, и четвертое и еще пятое – политическая составляющая, Все знают про Лесной кодекс 2007 года. Как это все было сделано? Это было сделано закулисно. Экологи даже не были включены в процесс. То есть это такой подход со стороны правительства, что мы все знаем, мы знаем, как это делается, сиди и не рыпайся, все под контролем. И, конечно, русский авось – а вдруг ничего не будет.

Ведущий: Почему вы считаете русских в массе своей пофигистами? Объясните мне, пожалуйста.

М.Б.: С исторической составляющей?

Ведущий: С какой угодно, Майкл.

М.Б.: Я не знаю почему, но это есть. Сразу оговорка: надо сказать, в Америке тоже есть американская дурь и есть американское разгильдяйство.

Ведущий: Это, знаете, как у нас говорят в России, не жарко и не холодно. В Америке, может, это и есть, но мы живем в России.

М.Б.: Да, и мы обсуждаем это сегодня. Все равно есть русская специфика.

Ведущий: В чем она? Вот в чем она? Понимаете, мне хочется понять. Вот в чем эта дурость, в чем этот пофигизм, в чем этот русский авось? На взгляд американца это такая уникальная российская ситуация или это есть везде действительно?

М.Б.: Может быть, есть пофигизм и в других странах, я не знаю. Я знаю лучше русский пофигизм.

Ведущий: Вот в чем он заключается? Я из вас его вытяну, понимаете, хотите вы этого или нет, я из вас это вытяну, что вы считаете именно пофигизмом. Почему это именно российская черта?

М.Б.: Я приведу пример. Это просто охватывает все очень емко. Пить будем, гулять будем, а когда смерть придет – помирать будем. Вот это все охватывает русский пофигизм. Очень много примеров.

Ведущий: Еще.

М.Б.: Я могу час приводить примеры.

Ведущий: Давайте.

М.Б.: Я часто голосую на улице. И я сижу в машине, человек кидает ремень безопасности, но не до конца, ему лень. Ремень валяется на торсе, но не до конца, водитель не пристегнут. Я говорю: «Вы же почти пристегнулись, вам чуть-чуть остается, чтобы пристегнуться – это же безопасность». А он говорит: «Ничего не будет». Вот это русский пофигизм.

Ведущий: Хотите сказать, что американцы все пристегиваются?

М.Б.: Я бы сказал, 99 процентов да.

Ведущий: То есть это опять-таки такой авось, авось пронесет, авось не будет аварии, авось все будет хорошо.

М.Б.: Да. Конечно, Советский Союз внес свой огромный вклад в создание этого пофигизма, особенно брежневский период, 18 лет застоя. Просто всеобщий пофигизм, период безысходности, депрессии, стагнации. Пофигизм существовал и до этого, но особенно Советский Союз довел пофигизм до таких масштабов, я бы так сказал.

Ведущий: Пример, Майкл – я как следователь задаю вам вопрос – пример, мне нужен пример. Ну и что что Брежнев страдал старческим маразмом, ну и что? Может, часть народа тогда и были пофигистами, а, может быть, и большинство, но жили неплохо, как они считали. Вы можете привести примеры, что истоки из Союза идут?

М.Б.: Просто это чувствуется, что маленький человек ничего не поделает против власти, против такой махины. И кто бы ни служил в Кремле, все равно это будет так.

Ведущий: Это, по-моему, осталось и по сей день.

М.Б.: Хороший пример с Владимиром Владимировичем Путиным. Помните с компанией «Мечел»?

Ведущий: Хорошая компания.

М.Б.: А помните, когда он послал доктора?

Ведущий: Конечно помню. Я еще веду программу про фондовый рынок, я очень хорошо это помню. Глава «Мечел» Игорь Зюзин был приглашен на совещание, но не смог на нем присутствовать из-за болезни. Путин тогда сказал: «Собственника, руководителя пригласили, а он вдруг заболел. Конечно, болезнь есть болезнь, но думаю, что ему нужно как можно скорее выздороветь. Иначе к нему доктора придется послать и зачистить все эти проблемы».

М.Б.: И в один день акции компании упали на 30 процентов, и вся биржа на 65 миллиардов долларов. Скажите мне, где еще это могло бы быть, когда одна фраза одного человека могла бы привести к таким последствиям?

Ведущий: Вы считаете это дуростью? Вы зачем этот пример привели?

М.Б.: Просто хочется понять – это что, море по колено, или просто показать, кто в доме хозяин?

Ведущий: Вот вы как считаете, Майкл? Что Путину надо было сказать?

М.Б.: Справедливости ради надо сказать, что Владимир Владимирович понял, что перегнул палку, что, может быть, он перестарался. И недавно он не то чтобы извинился, но он…

Ведущий: Он похвалил «Мечел».

М.Б.: Он пожалел, скажем так.

Ведущий: Зато других покритиковал.

М.Б.: И акции опять взлетели, правда, меньше, чем упали.

Ведущий: Ну, Майкл, таково слово нынешнего российского премьера, что же здесь плохого? Человек дает понять всем, кто в доме хозяин.

М.Б.: Да, в этом и есть русская специфика…

Можно ставить знак равенства между Путиным и Россией?

Т. ДЗЯДКО: Я приветствую аудиторию радиостанции «Эхо Москвы». Меня зовут Тихон Дзядко. Я рад приветствовать моих гостей в этой студии. Сегодня это мои коллеги из западных изданий. Майкл Бом – корреспондент «The Moscow Times». Добрый вечер.

М. БОМ: Добрый вечер.

Т. ДЗЯДКО: Вероника Дорман – корреспондент французской газеты Liberation. Добрый вечер.

В. ДОРМАН: Добрый вечер.

Т. ДЗЯДКО: И Шон Уокер – корреспондент британской газеты The Independent. Добрый вечер.

Ш. УОКЕР: Добрый вечер.

Т. ДЗЯДКО: Сегодня вместе с моими коллегами мы будем подводить итоги 2012 года и обсуждать тему: «Чего ждать от Путина в 2013 году?». Будем говорить не только о Путине, а о России. В связи с этим первый вопрос. Насколько в вашем сознании, особенно на основе того, что мы видели в первый год его третьего президентского срока, можно ставить знак равенства между Путиным и Россией. Иначе говоря, насколько этот человек полностью определяет все политическое и какое-то иное развитие РФ, определяет ее пути движения вперед, или же он находится под властью каких-то различных сил, будь то общественное мнение, будь то какие-то группировки вокруг него или что-то еще.

М. БОМ: Он, конечно, действует под общественным мнением, т. е. он делает то, что ему выгодно. Это объясняет многое. Что запомнилось в этом году? Новый виток усиления антиамериканской кампании. Я думаю, это продолжится в этом году. Почему он это делает? Очевидно, потому, что ему выгодно. Опросы общественного мнения подтверждают. Причем запрет усыновления детей, как ни странно, все цитируют опрос, ФОМ, по-моему, 56 %. Может быть, у «Левада-центр» было бы по-другому, но даже это показывает, что не на пустом месте он все разворачивает. В этом году было очень много антизападного в России. Один «акт Магнитского» чего стоит, я имею в виду в ключе антизападной кампании. Запрет усыновления – это просто апогей, это финал этого года. Что будет в этом году в этом ключе? Мы можем говорить об этом сегодня, иностранные журналисты, американские журналисты в первую очередь. Они здесь от государства, нет независимых журналистов, они проводят кампанию по дискредитации России – это «Единая Россия» говорит, что надо поставить клеймо «иностранные агенты», это Луговой говорит: если у журналиста иностранный паспорт, это подозрительно, значит, он хочет гадить России.

Т. ДЗЯДКО: Его нужно вышвырнуть под зад – по-моему, примерно так было сказано г-ном Луговым.

М. БОМ: Он сказал это на государственном канале. Это просто первый звонок. Он сказал, что Познер или другой человек, который имеет иностранный паспорт, уже подозрителен. Если у него иностранный паспорт, значит, он уже по определению будет выступать против России.

Т. ДЗЯДКО: Вероника.

В. ДОРМАН: Наверное, французы в меньшей степени пострадали. Но, тем не менее, что остается после этого года? Все законы, которые принимались, с нашей точки зрения, один страшнее другого. Понятно, что Путин все-таки хочет позицию независимости России от мнения международного сообщества усилить, показать, что не будет идти ни у кого на поводу, ни в том, что касается серьезных вопросов, как Сирия, ни тем более во внутренних делах. Все, что произошло в этом году, было как-то сметено историей с Жераром Депардье, для очень многих французов… Некоторые люди считают, что это была сознательная фига, показанная Франции, потому что появилась такая возможность принять у себя человека, которого якобы Франция обижает.

Т. ДЗЯДКО: По-моему, «Фигаро» писала, что это щелчок по носу Франсуа Олланда.

В. ДОРМАН: Многие об этом говорили и считали, что это был продуманный путинский ход, что он себе делает пиар таким образом. Внутри страны это может быть популярное решение, потому что русские очень любят Депардье, а французам и Европе он показывает, что Россия принимает всех, что даже такие престижные люди, как Депардье, бегут в Россию, потому что в России лучше жить. Это уже немножко анекдотичный вариант, а более серьезный сигнал, который, мне кажется, Путин посылает Западу, что он не будет подстраиваться.

Т. ДЗЯДКО: В каких-то принципиальных вопросах.

В. ДОРМАН: Да.

Ш. УОКЕР: То, что Майкл сказал по поводу общественного мнения, мне кажется, это достаточно спорно – действует ли Путин с этим законом усыновления, потому что общественное мнение за такие законы, или, наоборот, власть пытается создать какое-то общественное мнение путем телевидения и так далее.

М. БОМ: Через Астахова в первую очередь.

Ш. УОКЕР: Может быть, в 2013-м году и дальше, в 2014-м, в 2018-м, когда каждый год больше и больше людей будут смотреть Интернет, будут из других источников получать новости, и можно будет общественное мнение немножко изменить.

Т. ДЗЯДКО: В контексте этого закона и общественного мнения мы видели волны возмущения, которые выражались в виде акций протеста перед нижней и верхней палатой российского парламента против принятия этого закона, мы видели огромное количество подписей. И идет дискуссия, которую ни в Кремле, ни в Белом доме не могли не видеть. Между тем на это не последовало никакой реакции. Это сознательной выбор своей аудитории и не своей аудитории?

Ш. УОКЕР: Как обычно, это активное меньшинство. Была максимум сотня людей, которые протестовали. Большинство, 56 %, поддержали. Я не знаю, если бы эти 56 % владели полной информацией, как бы они проголосовали.

М. БОМ: Я не исключаю вариант, что они переборщили, что они просчитались в усыновлении. Надо было адресно, а не рубить с плеча. Может быть, Кремль сейчас жалеет. Но весь год они прокладывали путь для этого. Вы помните, «Запад нам поможет», «Анатомия протеста», «Кто правит миром», это было на «Рен-ТВ», одна программа за другой, что Америка – это центр зла. Поэтому когда говорят, Астахов в первую очередь говорит, что все американские родители – это опасно, вообще Америка – опасно, и там больные люди, больные родители, когда так говорят, значительная часть населения верит в это.

В. ДОРМАН: Ничего удивительного. Если посмотреть, как проходил весь 2012 год, начиная с протестов декабря 2011 года, сто тысяч людей на улицах, эти протесты тоже никак не повлияли ни на какие серьезные решения.

Т. ДЗЯДКО: Вы упомянули протесты. Мы помним «прямую линию» Путина с народом, по-моему, 14 декабря 2011 года, когда шла речь про контрацептивы и все прочее. И мы помним его недавнюю пресс-конференцию. Путин тот и Путин этот – в чем принципиальное отличие? Путин января 2012 года, когда прошла Болотная, прошел проспект Сахарова, все ждали многотысячного шествия 4 февраля, и Путин сейчас, в январе 2013 года.

Ш. УОКЕР: Если честно, я не вижу большой разницы. Я не помню, где я читал, но кто-то писал, что этой пресс-конференцией месяц назад Путин показал, что он все-таки еще Путин, еще сильный человек. Может быть, Россия изменилась. Я не вижу каких-то изменений. Вы видите?

Т. ДЗЯДКО: Я, может быть, если вижу какие-то изменения, то только в обратном направлении. Если в январе 2012 года были какие-то основания считать, что Путин уже не тот, то в декабре 2012 года мы увидели, что Путин тот. И если на какой-то период времени царь из царя превратился в как будто бы наемного менеджера, то теперь все в порядке – царь на месте.

В. ДОРМАН: Вы помните, были разговоры, что обязательно будет Путин 2.0, потому что он не может не принимать в учет то, что Россия меняется, он обязан обратиться к желанию общества измениться. Наверное, это еще были те надежды, которые не совсем растоптала рокировка. Вот те же люди, которые очень хотели верить в Медведева все эти годы, продолжали цепляться за что-то. Мне кажется, что надежда умирает последней – во что-нибудь, но верить надо. Этого не произошло, это видно наглядно. И будет в таком же духе продолжаться.

М. БОМ: Мне кажется, в этом году на пресс-конференции он немножко успокоился по поводу оппозиции. Год тому назад, вы помните, – бандерлоги. Хотя недавно он сказал, что это шелуха.

Т. ДЗЯДКО: По НТВ.

М. БОМ: Я имею в виду, что в этом году он обошелся без особых оскорблений по поводу оппозиции. Год тому назад он немножко побаивался, мне кажется, поэтому он пошел на атаку. Ключевой момент был в марте. Потому что даже если убрать сомнительные голоса, он победил. Даже оппозиция говорит, что, может быть, 6 %, может быть, 10 % фальсификация. Но все равно он победил. Оппозиция немножко сдулась из-за этого. Путин чувствует себя гораздо более уверенно в этом году. И это было видно на пресс-конференции. Самый лучший вид защиты – это нападение. Он особо не нападал на оппозицию в этом году на пресс-конференции.

Т. ДЗЯДКО: На пресс-конференции об этом вообще практически не было речи, говорили в основном про антисиротский закон и какие-то рыбалки и прочее.

Ш. УОКЕР: Не было вопроса про оппозицию.

Т. ДЗЯДКО: Кстати, сам факт, что не было серьезных вопросов про оппозицию, говорит о том, что это ушло с повестки дня России?

Ш. УОКЕР: Песков не выбрал никого, кто бы спросил про оппозицию. Это говорит о том, что Путин не хотел высказываться по этому поводу.

Т. ДЗЯДКО: Я имею в виду немножко не это. Тема оппозиции в Российской Федерации в январе 2013 года, ее нет?

В. ДОРМАН: Мне пришлось в конце 2012 года написать несколько статей «До свидания, оппозиция». Оппозиция через год сдулась или она переродилась во что-то другое. Такое чувство было у моей редакции, и они просили разъяснения на эту тему. Естественно, остались люди, идеи, остались желания. Но то, что было год назад, этого не осталось. И какое-то чувство поражения, и чувства у людей, которые продолжали, тем не менее, выходить на улицы – мы все были на этих митингах, – уже

какая-то усталость и непонимание, что делать дальше. Все поняли, что надо быть хорошими, надо быть честными, надо защищать собственное достоинство, но при этом лидеры оппозиции себя особенно не проявили, достаточно для того, чтобы люди продолжали в них верить спустя год.

Т. ДЗЯДКО: С чем это связано – смена настроения, смена чувств, смена атмосферы?

В. ДОРМАН: Среди людей, которые здесь выходили на площадь?

Т. ДЗЯДКО: Да. С оппозиционными лидерами или с чем?

В. ДОРМАН: Судя по тому, что отвечали люди, с которыми я общалась на нескольких митингах, во-первых, не возникло лидеров, которые могли бы это все структурировать и что-то дельное предложить. И как бы положительно не относиться к шуткам Навального в ЖЖ, все равно из него не получилось за этот год какой-то политической фигуры, за которой можно было бы идти, даже представить, что в какое-то ближайшее время за ним можно будет пойти. Т. е. не вырисовалось серьезного образа. И одновременно с этим позиция правительства, которое игнорирует оппозицию. Мне кажется, эти два элемента в совокупности людей немножко сбили.

М. БОМ: И есть элемент страха. «Болотное дело» влияет на какую-то часть оппозиции. Не напрасно они это сделали, они сделали это с определенной целью – чтобы испугать, чтобы неповадно было.

Ш. УОКЕР: Да, наверное, в начале года люди хотели просто показать для других, для себя, что они умные люди, что они понимают, что происходит, что они готовы пойти на митинги и это говорить. Но что дальше? Очень сложно понять в этой системе, какой следующий шаг. Наверное, те люди, которые были недовольными в январе прошлого года, до сих пор недовольны. Но они не хотят каждый месяц стоять на площади, если они не видят, что выходит из этого. Если начало 2012 года показало, что в России есть огромное количество несогласных, недовольных, то конец 2012 года показал, что этот протест будет очень медленно расти. Протест действительно есть, страна изменилась, люди поняли, что другие люди тоже думают, как они. Но во что это превратится и как долго будет этот протест, это большой вопрос.

Т. ДЗЯДКО: А что значит словосочетание, которое мы так часто слышали в прошлом году, – страна изменилась? В чем эти изменения заключаются?

М. БОМ: Я не вижу изменений, я вижу статус-кво.

В. ДОРМАН: Я не знаю, насколько страна изменилась. Просто стало очевидно то, что было. Наверное, эти люди, которые выходили на площади и хотели бороться за собственное достоинство, не стали достойными или хорошими просто за сутки. Эти люди давно были. Как говорилось в прошлом году, люди вышли, посмотрели друг другу в глаза, узнали друг друга, поняли, что их много.

Т. ДЗЯДКО: И разошлись по домам.

В. ДОРМАН: Изменилось, наверное, количество людей, – их было больше, чем 200, которые ходили на Триумфальную, их уже хотя бы в десять, в сто раз больше. Наверное, страна изменилась в том, что, может быть, даже люди, которые пока не демонстрируют, никуда не ходят и не выставляют голову, понимают, что есть все-таки какой-то диссонанс между тем, что говорится, и тем, как они живут на самом деле. Это осознание проявляется все больше и больше. Пока никаких последствий нет и революции не будет, никто на улицу не пойдет, но, тем не менее, все больше и больше людей, которые 2–3 года назад никогда не могли бы открыть рот и сказать, что Путин неправ, государство виновато и так далее, они сейчас уже более критично, без иллюзий смотрят на ситуацию в стране, которая ухудшается.

Ш. УОКЕР: Несмотря на высокие рейтинги Путина, всегда было активное меньшинство, которое было против Путина, и всегда было достаточно маленькое меньшинство, которое безумно любило Путина. А вот огромной массе людей в принципе все равно. Они говорят – да, воры во власти; ну что делать; если не Путин, то кто? И тогда вопрос в том, как латентную поддержку Путина превратить в латентную или активную оппозицию.

Т. ДЗЯДКО: И ответа на этот вопрос у оппозиции, я так понимаю, нет.

Ш. УОКЕР: Наверное. Я думаю, что это не так сложно. Это не 80 % людей, которые вот так сильно любят Путина. Даже в регионах, даже только те, кто смотрят государственное телевидение, не говорят «я люблю Путина, Путин супермен». Они просто говорят, что нет другого выхода.

Т. ДЗЯДКО: А если говорить о тенденции и тренде на 2013 год, это застой, это закручивание гаек и еще большая реакция режима, или что?

М. БОМ: И застой, и закручивание гаек, и, я еще раз говорю, очередной виток антиамериканизма. 70 лет при Советском Союзе, и еще есть сок в этом лимоне, можно выжимать. Я говорю, что есть возможность в следующем году для еще одного витка антиамериканизма.

Т. ДЗЯДКО: Здесь наши слушатели спрашивают: «А какого можно ждать ответа на этот самый антиамериканизм?» Иначе говоря, акт Магнитского, принятый конгрессом и подписанный Бараком Обамой, это было некое исключение из правил, или это начало

новой тенденции?

М. БОМ: Я думаю, что закончится на этом. Как правило, Обама не идет на провокацию. После скандального закона об усыновлении Обама очень дипломатичен. Он вообще большой дипломат. Россия бесится от этого. Они хотят, чтобы была контрреакция. Иногда самая эффективная реакция – это молчание. Я думаю, что не будет особой реакции. Я не думаю, что будет особое расширение списка Магнитского. Как вы помните, Обама не был за это. Он был вынужден подписать, потому что было столько голосов в конгрессе, что это было бы бессмысленно – наложить вето. А что будет с российской стороны? Мы уже слышали, что, может быть, будет запрет на американские фильмы.

Т. ДЗЯДКО: Там еще был запрет на браки с американцами и так далее. Шуток было предостаточно.

М. БОМ: Это уже было при Сталине.

Ш. УОКЕР: Вы видели новогоднее обращение бедного посла Макфола? «Я люблю Россию. Это было бы прекрасно для российско-американских отношений. Надеюсь, 2013 год будет даже лучше». Он все время пытается хорошие слова говорить.

М. БОМ: Подыгрывает. Еще может быть запрет. Как вы знаете, есть несколько фондов, которые дают деньги талантливым россиянам, чтобы они учились в Америке. Эти фонды существуют давно. Но это не нравится России. Во-первых, они, как правило, остаются в Америке, это сливки общества, это самые талантливые люди, поэтому может быть запрет. Это типичная русская реакция: когда что-то им не нравится – запрещать, не пущать, как говорится. Это тоже в списке ожиданий – запрет, чтобы не было финансирования. Я не знаю, как технически это будет сделано, что этот золотой фонд не будет учиться в Америке. Потому что первая опасность – они останутся, вторая опасность – они вернутся с этим тлетворным влиянием. Помните, как сказали про Навального? Что его вербовали в Йеле, что это была спецоперация ЦРУ, платили ему, т. е. бесплатная учеба 6 месяцев. Это было 7 или 10 лет тому назад, но ЦРУ уже видело, что он революционер, подготовили его за 6 месяцев, вернули обратно, и он стал оппозиционером.

Т. ДЗЯДКО: А насколько этот антисиротский закон обсуждается в Штатах, в Великобритании, во Франции? Это тема или нет?

В. ДОРМАН: В итоге это стало темой, но, естественно, не так активно обсуждается, как в Америке. Французы меньше внимания этому уделили, они остановились на Ходорковском. Т. е. их герой – Ходорковский. Они долго не реагировали. Я даже знаю по своей редакции: я им писала, они несколько дней не хотели даже брать никаких материалов, потому что для них это была какая-то русско-американская история, т. е. они сначала не поняли, какой здесь разразился скандал, как это стало важным для российского общества. И потом уже мы все об этом писали, это обсуждалось, были какие-то комментарии о том, что берут в заложники бедных детей, но это было не так серьезно воспринято, как в Америке. И опять же это, наверное, не очень удивило, потому что во Франции от Путина всегда ожидают антидемократических, свободоубийственных шагов.

Т. ДЗЯДКО: А в Великобритании, Шон?

Ш. УОКЕР: Уже давно обсуждается, будем ли мы принимать такой же акт Магнитского. Насколько я понимаю, есть неформальный запрет, в принципе, на тех же людей, которые входят в список Магнитского.

Т. ДЗЯДКО: То, что принимается на уровне исполнительной власти.

Ш. УОКЕР: Да. Но они не хотят делать какой-то большой акт из этого. Это достаточно важно. Конечно, в геополитическом смысле Америка важнее, но для российской элиты закрытие Лондона как места, куда можно поехать и купить жилье, куда детей можно отправить в школу, это важно.

Т. ДЗЯДКО: Ведь принятие парламентом акта Магнитского – это в известной степени политическая декларация, а не какая-то конкретная инструкция. В том смысле, что этот список в Госдепартаменте существовал и до того, как был одобрен Конгрессом.

Ш. УОКЕР: Не было механизма для ареста имущества.

Т. ДЗЯДКО: Для ареста имущества – нет, а для запрета на въезд – да. Поэтому все-таки в большей степени, на мой взгляд, это некая поза, это некий сигнал.

Ш. УОКЕР: Безусловно. Это вызов. А что касается реакции Америки на закон об усыновлении, это исключение. Это вообще за гранью добра и зла. Кремль закусил удила. Как вы знаете, это вызвало 50 тысяч петиций в Белый дом. Это неслыханное дело, когда какое-то решение Кремля вызвало такую острую реакцию. Это уж слишком. Тем более элемент садизма… Даже те 50 родителей, которые вот-вот должны были усыновить, даже этого милосердия не было. Могли бы сделать какое-то исключение для них. Но нет, надо было показано кузькину мать. Это за гранью добра и зла. Поэтому, конечно, население США отреагировало. А что Белый дом будет делать, я не знаю. Что Обама может сделать взамен? Я думаю, что Россия опозорила себя. Никто не разоблачает Россию, как сама Россия в этом случае. А как помогать этим родителям? Вы знаете, что есть другие страны, где можно усыновлять детей.

Т. ДЗЯДКО: Конечно. Есть Китай, есть Восточная Европа. Я думаю, что с этим никаких проблем не будет.

Ш. УОКЕР: Для 50 семей это, конечно, трагедия, и для детей, они уже назвали их мамой и папой.

Т. ДЗЯДКО: Что касается акта Магнитского и Европы, возможен вариант, что во Франции, в других странах Евросоюза это будет

одобрено. Вот Шон говорит, что в Великобритании нет.

В. ДОРМАН: Я не слышала никаких серьезных разговоров о том, чтобы рассматривали. Есть во Франции активисты, есть люди, которые борются, призывают государство и президента принимать жесткие позиции, но у Франции своя линия и свои отношения с Россией, которые очень отличаются. Даже если сказать, что есть западный блок, все равно в Европе у Франции свои специфические отношения с Россией, так исторически сложилось. Они были очень теплые между Саркози и Медведевым и было многих всяких экономических, символических, культурных обменов. У Путина с Олландом не очень хорошо начались эти взаимоотношения, но все равно у Франции здесь очень много интересов. У России во Франции тоже много интересов. Скорее всего, экономическая повестка, дипломатическая повестка будет превалировать и резких заявлений не будет, мне кажется. Пока это сложно себе представить, потому что очень много взаимосвязей, очень много денег в этом во всем.

Т. ДЗЯДКО: Если смотреть чуть дальше, не на 2013-й год, а на 2014-й, на Олимпиаду в Сочи, периодически возникают разговоры о возможности бойкота, о возможности того, что кто-то не примет в этом участие. У вас это вызывает скепсис или нет?

М. БОМ: Из-за чего бойкот, из-за закона об усыновлении?

Т. ДЗЯДКО: Например. Или в целом, как знак нового уровня отношений.

М. БОМ: Должно быть что-то на уровне войны в Афганистане. Мы не знаем, что будет, еще есть два года, но пока я не вижу повода.

Т. ДЗЯДКО: Мы еще вас удивим это называется. Мы помним, как было несколько лет назад с перегрузкой, она же перезагрузка, с большой дружбой между г-ном Медведевым и г-ном Саркози и так далее. Сейчас отношения идут в сторону холодной войны, или отношения идут в сторону непонятного дрейфования ни туда, ни сюда?

М. БОМ: Холодная болтовня.

В. ДОРМАН: Антиамериканизм есть, антиевропеизма пока еще нет. Как Шон сказал, Англия – это очень важное направление для элит российских, поэтому с ней лучше не портить отношения, и Англия никогда не была угрозой ни для каких российских интересов. А что касается Франции… С Германией тоже не сложились отношения. Наверное, прохладный статус-кво, т. е. просто будут смотреть друг на дружку, прицеливаться и пытаться понять, что делать дальше, если не будет никаких серьезных перемен, кризисов. Сирия – это важный вопрос сейчас, как это разрешится, потому что это та точка, в которой сейчас противостоят разные силы.

Т. ДЗЯДКО: А почему это столь принципиально, когда ситуация в Сирии разрешилась так, как она разрешилась? По сути, было несколько петиций, гневных заявлений – и все. Условно говоря, если американский спецназ войдет в Сирию и войдет в сирийские города, почему мы должны ждать, что после этого наступит серьезный кризис в отношениях?

М. БОМ: Наоборот, это России на руку.

Т. ДЗЯДКО: Почему?

Ш. УОКЕР: Еще одно поражение.

М. БОМ: Не только поражение. Это покажет россиянам, какие американцы злодеи, агрессоры. Это всегда выгодно России – педалировать это. То же самое, когда Ромни сказал, что Россия – самый крупный противник, не враг, а противник. Это России на руку. Ирак на руку. Можно разыгрывать это, я имею в виду в пиаровском смысле. А когда Обама ничего не делает, никуда не вторгается, это России не интересно. Интересно, когда есть ковбой, есть агрессор, империалист.

Т. ДЗЯДКО: Наши слушатели спрашивают ваше мнение относительно разногласий в верхах, возможности «дворцового переворота» и какого-то серьезного противостояния среди элит. Элиты в российском руководстве, они едины? Какое у вас создается впечатление по их реакциям, заявлениям? Или там есть какие-то серьезные разные группы, которые вступают друг с другом в серьезные не то чтобы конфликты, а хотя бы в периодические фазы противостояния.

Ш. УОКЕР: Понятно, что они не едины. Конечно, есть разные группы. Я не думаю, что это идеологически, – конечно, есть идеологическая разница, но главное там – денежные разборки. Может быть, Медведев, Сечин или другие группировки; то, что было с Сердюковым… Вообще, это знак системы, которую Путин построил, что очень сложно понять. Можно спросить у одного источника или аналитика, он будет говорить, что одно случилось, можно спросить у другого – он будет рисовать совершенно другую картину. Очень сложно понять. Очень мало людей знают истину, что происходит в элитах.

М. БОМ: Мы видели и разногласия с законом об усыновлении.

Т. ДЗЯДКО: Вы имеете в виду заявления членов правительства?

М. БОМ: Я имею в виду Лаврова, Ливанова.

Т. ДЗЯДКО: Лавров, Ливанов, Силуанов и еще несколько.

М. БОМ: Это больше идеологически, это не очень серьезно. Когда речь идет, как сказал Шон, о деньгах, вот это серьезно.

Т. ДЗЯДКО: Здесь спрашивают про элиты, про их прочность и непрочность в контексте прочности режима. Насколько он прочен, насколько он крепок, насколько возможен кризис в каком-то обозримом будущем или нет? И если возможен, то с чем это может быть связано? С тем, что к чертям летит экономическая модель, или с политическими причинами, или с чем-то еще?

В. ДОРМАН: У меня после нескольких лет в России начинается мания заговора, что во всем его надо искать обязательно, потому что только этим все объясняется здесь. Если говорить серьезно, то понять, что всех этих людей держит… Наверное, все-таки больше экономические интересы, поэтому пока интересы главных игроков соблюдаются, у меня нет ощущения, что это все может рухнуть.

Но опять же мы смотрим из-за стены Кремля, – лично у меня нет источника внутри Кремля, которому я могу позвонить и который может мне что-то рассказать. Когда смотришь снаружи, кажется, что Путин не один, он не царь, который делает что хочет, и у него только подданные, – он тоже зависит от всех этих людей, которых он наделил властью и деньгами, которых он поставил на эти позиции. И он в этой паутине. По-моему, «Нью-Таймс» показал взаимодействие между Путиным и его людьми, – что раньше все-таки была пирамида, а теперь это более горизонтально, все взаимосвязано, и Путин так же от них зависит, как они от него. Он не может их всех смести, или они не могут его взять и убрать.

Т. ДЗЯДКО: А протест с улицы?

М. БОМ: Пока нет серьезных поводов для массового протеста. Еще посмотрим.

Т. ДЗЯДКО: Насколько российское государство в состоянии еще длительное время вбухивать деньги в эту стабильность? Мы помним предвыборные обещания Владимира Путина, и сейчас правительство Дмитрия Медведева ему говорит, что мы не можем выполнить это все, какие-то бесконечные повышения, они невозможны. Насколько по этой линии может пойти какой-то слом?

Ш. УОКЕР: Есть несколько факторов. Как всегда, цена на нефть. Сколько денег будет в бюджете. Второй пункт – есть очень удобная фигура Медведева. Если что-то действительно плохо будет, то всегда можно все свалить на него. В течение этого года я не вижу какого-то большого социального кризиса, который, действительно, будет провоцировать общий протест.

М. БОМ: Шон прав. Если цена на нефть будет 50–60 долларов, все рухнет. Вся стабильность, как пузырь, лопнет. Все зависит от этого. Когда доллар выше ста, все в шоколаде, можно и дальше сохранять этот статус-кво, можно и пенсионерам прибавить пенсию, можно и танки заказывать, можно все.

Т. ДЗЯДКО: 2013 год – это будет что за год? Такого непонятного в трясине движения в никуда? Или что?

Ш. УОКЕР: Если смотреть лично на Путина, я ожидаю больше странности, абсурда.

Т. ДЗЯДКО: Спасибо большое. Я благодарю моих гостей. Это Шон Уокер – корреспондент британской газеты The Independent, Вероника Дорман – корреспондент французской газеты Liberation в Москве, Майкл Бом – корреспондент «The Moscow Times». Спасибо.

Надо назначить Киссинджера эмиссаром к Путину

Петр Толстой (далее ведущий): Добрый вечер. Сегодня с нашими гостями мы поговорим о важной вещи. О том, где находится наша страна по отношению к столь любимой нами Европе. Дело в том, что еще недавно звучали призывы, что Россия должна двигаться в Европу, должна разделить европейские ценности, должна стать частью Европы. Сегодня мы видим, что Европа не слышит Россию. И даже если отвлечься от кризиса на Украине, то есть много других событий на минувшей неделе, которые об этом свидетельствуют. Все мы следили за выступлением канцлера Ангелы Меркель перед Бундестагом, в котором она сказала, что Россия не хочет выполнять наши условия, и поэтому мы продолжим давление на Россию, продолжим санкции.

Ульрих Хайден, как вы считаете, – вопрос к вам, поскольку госпожа Меркель – это все-таки ваш канцлер, – насколько такое отношение к России со стороны Германии, ведущей страны Евросоюза, оправдано? В чем причина такого желания надавить на Россию, чтобы Россия выполнила условия Евросоюза? Во всяком случае, в истории XX века ни разу Россия не выполняла условия, которые ей таким образом пытались предложить.

Ульрих Хайден, корреспондент газеты «Дер Фрайтаг» (Германия) (далее У.Х.): Это в принципе односторонний, однобокий взгляд, потому что Меркель говорит только о, якобы, эксплозивных интересах России. У нас почему-то в последние месяцы, в этом году вообще не говорят об интересах Германии, Европы и США. Это немного странно, но я вижу, что наша пресса однобока сейчас.

Ведущий: То есть вы тоже сейчас это видите? Не нам одним это кажется, что европейская пресса занимает определенную позицию, и достаточно одностороннюю?

У.Х.: Нет. Если вы видите опросы, то только 50 процентов за ужесточение санкций. А значит, Меркель не говорит за всех немцев, половину населения в принципе она не представляет, как мне кажется. Это очень грустно, потому что я вижу каждый день новую эскалацию. Наш министр внешней политики говорит, что нужен диалог, но он как-то слабо это говорит и он как-то опаздывает постоянно. Он, например, едет в Одессу и хочет возложить венок там, а ему говорят не надо, и он этого не сделал.

Ведущий: К тому месту, где сожгли у Дома профсоюзов 50 человек. Понятно, что немецкие политики тоже зависят от своих избирателей. Это мы понимаем, но тут вопрос в том, что уже скоро избиратели перестанут так думать, как говорят немецкие политики. Вот в чем проблема.

У.Х.: Конечно, большинство немцев уважают все равно Меркель, и немцы уважают НАТО, это бесспорно. Но если идет речь о конкретных шагах, то немцы очень боятся. Есть генетическая память, как у русских, – это война. Это отталкивает от любого военного вмешательства, но наша пресса, мне кажется, делает такую обстановку, что человека морально толкают на агрессивный шаг. Мне вспоминается ситуация с войной в Косово. Это была тоже такая обстановка, что, якобы, там все албанцы в массовом порядке уничтожаются.

Ведущий: То есть когда выгодно, то слышим одну сторону. А скажите, в частности в Германии и в Европе политологи говорят о том, что это выступление Меркель в Бундестаге – это такая точка невозврата. Раньше Германия была главным союзником и локомотивом России в Европе, а сейчас Германия отворачивается от России. Это так по вашим ощущениям?

У.Х.: Это так. Но может быть, будут еще протесты у нас. У нас часть элиты, которым сейчас 50–60 лет и которые определились и участвуют в политической жизни, сейчас сильно активизировалась. Есть демонстрации, дискуссии.

Ведущий: Понятно, то есть не все согласны с госпожой Канцлером.

У.Х.: Многие люди в интернет-форумах пишут огромное количество протестов, критикуют однобокость. Они даже не за Путина, а только критикуют однобокость.

Ведущий: Понятно, что только одна сторона. Я хочу к Владимиру Вольфовичу обратиться. Как вы считаете, наши отношения с Европой сейчас, даже если не брать ситуацию, связанную с Украиной, вот последние события такие, как выступление госпожи Меркель, ситуация с решением президента Путина об отмене строительства южного потока, – это тоже важное событие минувшей недели – какие они на сегодня? Это холодная война?

Владимир Жириновский, руководитель фракции ЛДПР в ГД РФ (далее В.Ж.): Да, можно говорить о том, что началась новая фаза холодной войны. И здесь самое загадочное, когда она перейдет в горячую фазу, в какой части Европы или в другой части мира. Германия устала быть зависимой от США, но и не разрешает выступать против США. Вот против России, пожалуйста, и она выбирает сейчас, ага, США – хозяин, не буду трогать. Европа вся слабая, надоело кормить. Германия не хочет больше содержать Евросоюз. Она хочет стать снова главной европейской державой. Для этого надо кого-то отправить в нокдаун. И уже дважды отправляли Россию: Первая мировая и Вторая мировая – не получилось. Мы пришли туда и их положили на лопатки. Сейчас снова попытаются, тем более опираясь на всю мощь блока НАТО, поддержку США, то есть самые благоприятные условия показать германские клыки. Мы Германия, мы все можем, зачем нам русский газ, мы хотим сами владеть трубой. Это вот такая новая фаза.

Ведущий: То есть вы считаете, что никакого диалога прежнего, который был до этой ситуации, не будет?

В.Ж.: Конечно, все.

Ведущий: Или вы не хотите этого диалога? Или вы считаете, что он невозможен? Давайте разделим эти вещи.

В.Ж.: Он невозможен. Речь идет об элитах. Элита Германии хочет господствовать. Бисмарк господствовал, Вильгельм Второй господствовал, Гитлер. А сейчас самая богатая страна в мире, и ничего нет. Простые немцы не хотят воевать.

У.Х.: Немецкий бизнес тоже не хочет.

В.Ж.: Согласен, и бизнес не хочет, но всем командуют политики. И вы должны это знать. Немецкий бизнес при Гитлере хотел войны? Нет, а Гитлер хотел войны. Немецкий народ хотел войны? Нет. Немцы или американцы хотели во Вьетнаме воевать или Ливию бомбить, Ирак, Афганистан? Американский народ ничего не хочет, это элита хочет. Это начальники, мы – начальники, хотим воевать. Когда я был офицером, то я хотел войны. Почему я – офицер, а гражданские ходят, гуляют. А я офицер, я хотел войны. Сейчас мы должны объявить частичную мобилизацию, чтобы их поставить на место, американцев, немцев, объявить частичную мобилизацию. И войска подвести к западным границам, чтобы они поняли, что долго санкции мы терпеть не будем.

Ведущий: У вас есть неожиданный союзник – Александр Гордон.

Александр Гордон: Вот вы мягко задали вопрос, я хочу пожестче задать. То есть Меркель делает четвертый Рейх?

В.Ж.: Да, но без Гитлера, без фашистской идеологии, через экономику, но экономика требует поставить Россию на колени, чтобы мы гнали газ, нефть, уголь и молчали. Чтобы нас топтали, чтобы нас бомбили, как Донбасс, а мы должны молчать, молчать и молчать. И немецкий язык снова будет господствующим в Европе, а русский будет далеко-далеко за Уралом. Охотник какой-нибудь случайно по-русски пару слов скажет. Вот этого им хотелось бы.

У.Х.: Вы видели передачу из немецкого Бундестага, где выступали представители левой партии?

Ведущий: Они критиковали Меркель очень жестко.

У.Х.: Это четвертый Рейх?

В.Ж.: Нет, а разве не было коммунистов до прихода Гитлера? Вместе с социал-демократами они могли вообще Гитлеру возражать. То есть полно левых сил, полно центристских сил, даже консерваторы Европы не хотят войны. Это кучка негодяев хочет воевать, небольшая кучка. Им нужно зрелище, уже нажрались, понимаете, хлеба во! – а нужно зрелище, война. Донбасс бомбят – мало! Надо чтобы заполыхала вся Европа, или Балканы, или Ближний Восток. Европа хочет зрелищ, а американцы будут наблюдать в бинокль.

Ведущий: Давайте спросим американцев.

В.Ж.: Майкл не зря приехал в Россию, он понимает, что скоро война, и лучше здесь спрятаться. Я дам место в бомбоубежище, у меня есть.

Ведущий: Майкл, во-первых, поздравляю. Один из ведущих политиков нашей страны вас спасет в бомбоубежище – это уже неплохо.

Майкл Бом, независимый журналист (далее Бом): Это меня утешает.

Ведущий: А во-вторых, честно говоря, вы, американцы, немного утомили нас тем, что вы всем руководите. И Меркель, оказывается, вы тоже руководите, и всем миром руководите. Мы уже устали от вас.

Бом: Мы еще и Советский Союз развалили.

Ведущий: Развалили Советский Союз – это ладно. Давайте мы про сейчас поговорим.

В.Ж.: Подождите, что ладно-то? Ровно 25 лет назад 3 декабря Горбачев сдал Советский Союз Бушу-старшему на Мальте! 3 декабря ровно 25 лет назад.

Ведущий: Владимир Вольфович, у вас с Майклом будет много времени в бомбоубежище. Там в бомбоубежище вы будете это все обсуждать.

Бом: Я же пошутил про Советский Союз, а он думает, что я серьезно.

Ведущий: Майкл, я уверен, вы выйдете оттуда другим человеком. Владимир Вольфович умеет убеждать. Ответьте, пожалуйста, на вопрос: какова роль Соединенных Штатов в том, что Россия и Европа сейчас друг на друга смотрят другими глазами, чем год назад? Доверия практически не осталось.

Бом: Доверия нет, но это заслуга России, между прочим. Россия сделала все, чтобы доверие к ней было подорвано. США и Европа солидарны в этом. Особой силы сейчас не нужно, чтобы консолидировать США и Европу. Я хочу поправить коллегу по поводу немецкого общественного мнения. Был опрос в пятницу по телевидению, так 58 процентов немцев поддерживают санкции против России, даже понимая, что это вредно, что это болезненно для экономики. То есть в этом смысле Меркель отражает общественное мнение. Мне кажется, что у Меркель просто личная неприязнь к Путину.

Ведущий: Да ладно, а так вроде бы было все неплохо, как-то у них был контакт.

Бом: До Крыма все было в шоколаде, потом доверие было подорвано.

Ведущий: А вы зачем льете воду на мельницу подрыва доверия? Вот Владимир Вольфович говорит, что Америке выгодно рассорить Россию с Европой. Вы что, поджигатели войны какие-то?

Бом: Нет, я только за сотрудничество, я за партнерские отношения, но без доверия это очень сложно. Я очень хочу, чтобы Шредер пришел к власти в Германии, и тогда все будет хорошо.

В.Ж.: Майкл, почему Меркель изменила тактику сейчас? Потому что досье находится в Америке, она была в ГДР, все офицеры были переведены в США. И все, что есть на нее, то все бывшее немецкое КГБ. Поэтому она нас ненавидит, потому что в это же время там в ГДР работал Путин. У нее все отношение отрицательное, потому что она на крючке. Сегодня или завтра компромат выльют, и она должна сдать свой пост канцлера. Вот в чем дело.

Ведущий: То есть вы сейчас хотите сказать, что Путин зря работал в ГДР, что у него нет компромата на Меркель?

В.Ж.: Нет, есть компромат в Америке.

Ведущий: Я понял, давайте поговорим серьезно. Вот заявление госпожи Меркель и заявление президента Путина о том, что Россия останавливает проект южный поток и перенаправляет газ в Турцию. Это связанные между собой вещи в мировой политике в отношениях России с Европой?

Дмитрий Орлов, политолог, генеральный директор агентства политических и экономических коммуникаций (Д.О.): С одной стороны связаны, с другой стороны такой проект, как поворот газовых рек из Болгарии в Турцию, нельзя было подготовить за несколько дней. Я думаю, что это готовилось заранее. При этом я хотел бы сказать, что не считаю новый маршрут, который по территории Турции пройдет, антиевропейским. Там же будет создан на границе Турции и Греции хаб, который вполне позволит поставлять газ, даже проходящий по территории Турции, в Европу, в том числе, если в этом возникнет необходимость, в Германию.

Ведущий: Просто турки будут это дороже продавать. Дело в том, что мы знаем из нашей обыденной жизни, что русский человек вырастил какую-нибудь морковку, а потом тюркоязычные перепродали дороже. Поэтому это правильный ход, по-моему.

Д.О.: У нас, у Газпрома, появится свобода выбора. Сегодня только через территорию Украины, поэтому иногда приходится терпеть и шантаж, и неплатежи, и особые условия. Теперь будет выбор, два маршрута всегда лучше, чем один. Всегда можно будет перенаправить те или иные газовые потоки. Я бы даже сказал, что здесь ничего личного. Путин, по-моему, хорошо сказал, что не берут там, то возьмут здесь. Если появится новый спрос в Европе, то почему нет?

В.Ж.: Да без всякого спроса завтра турок примут в ЕС и они откажут в этом газопроводе. Продажны, вся Европа продажна, Америка продажная, Турция, все на панели стоят и торгуют русским газом. Всем им глотку нужно заткнуть. А рубильник от газа у нас должен стоять.

Ведущий: Владимир Вольфович, он у нас аккуратно сложен.

Д.О.: То большинство, на которое опирается Ангела Меркель при проведении санкционной политики в отношении России, небольшое. Это отнюдь не доминирование. И кроме того я полагаю, что сегодня та политика, которая проводится в Германии, объективно способствует укреплению позиции СДПГ. Это, кстати, было видно даже во время визита министра иностранных дел.

Ведущий: Говоря СДПГ, вы имеете в виду оппозиционную партию, чтобы мы понимали?

Д.О.: Да, главная оппозиционная партия Германии, социалисты. Я полагаю, что маятник, конечно, не пройдет амплитуду за 5 минут, но он безусловно качнется от консервативного ХД ХСС в сторону СДПГ, которые традиционно являются партнером СССР, а ныне и России. Я думаю, что этим рассуждениям о Рейхе, об агрессии Германии тогда придет конец. Это будет вновь партнерская страна. Я думаю, что это не так много времени займет.

Ведущий: То есть ждем нового Шредера, понятно.

Д.О.: Мы ждем нового поворота, конечно.

В.Ж.: А за этим поворотом война, а мы будем накачивать Германию газом, накачивать. Сильнее становись, Германия, на русском газе, сильнее. Ошибка!

Ведущий: Зачем вы нас пугаете войной?

В.Ж.: Потому что мы Гитлера накачивали так. 22 июня они бомбят наши города, а мы эшелоны продолжаем гнать с зерном, с нефтью, с бензином. Это для чего делать? И они еще сильнее бомбят. И сейчас давайте тоже.

Д.О.: Как вы себе это представляете?

В.Ж.: А они нам снова будут санкции, санкции, санкции. Неправильная политика.

Ведущий: Вот так в России лидер оппозиционной партии критикует политику.

В.Ж.: Завтра другой политик придет в Кремль, и вы без штанов останетесь. Вы – американцы.

Ведущий: Владимир Вольфович, вы уже взяли Майкла в свое бомбоубежище.

Ульрих Хайден: Но, Жириновский, ваша машина – это большой мерседес.

В.Ж.: Ну и что? Плохой мерседес, плохо работает, каждый день стоит в сервисе. А деньги платим вам огромные. У меня другой есть автомобиль – е-мобиль. А у вас есть такой?

Ведущий: Владимир Вольфович, давайте дадим возможность нашим европейским коллегам сказать слово. Скажите, пожалуйста, на ваш взгляд, у отношений России и Европы есть еще шансы для того, чтобы они как-то восстановились, или нас ждет долгое охлаждение отношений и долгая холодная зима?

Иржи Юст, собственный корреспондент газеты «Актуалне» (Чешская Республика) (далее И.Ю.): Хочу сделать маленькую ремарку, что касается газа. Здесь, конечно, идет перенаправление потока, южный поток закрыт. Теперь, возможно, воспользуются территорией Турции. Но все равно это натыкается на третий энергопакет.

Ведущий: Не натыкается.

И.Ю.: Нет, натыкается, потому что Греция является страной ЕС. То есть если мы будем строить трубу в ЕС, то опять натыкаемся.

Ведущий: Это ваши проблемы уже, ЕС. Дело в том, что третий энергопакет запрещает одной компании добывать, транспортировать и продавать газ. Но насколько я понимаю договоренности, которые были достигнуты в Турции, этот газ продает Турция. Поэтому теперь Европа, которая в течение 40 лет держала Турцию в своем предбаннике и так не приняла в ЕС, теперь аккуратно с протянутой рукой будет подходить к нашим турецким коллегам с просьбой о газе.

И.Ю.: Газпром будет строить свой поток на границе Турции и Греции.

Ведущий: Только Турции, а дальше вы будете иметь дело с нашими турецкими коллегами, которые своей выгоды не упустят. Не упустите свою выгоду? Турции выгодно это?

Хокан Джейхан Айдоган, корреспондент информационного агентства «Анадолу» (Турция): Южный поток – это было дело между Западом и Россией, то есть Турция тут не влияет на процесс. Сейчас турецкая компания и Газпром будут вести переговоры, обсуждать вопросы. Надо решать очень много вопросов: есть экономические вопросы, есть политические вопросы, есть геополитические вопросы. Потому что если не в Сирии, то где именно этот хаб строить? Если на границе с Грецией, есть некоторые проблемы. Это все надо решать, чтобы всем было выгодно. А потом можно будет говорить о том, чтобы перепродавать. Конечно, для Турции здесь есть экономическая выгода. И это, конечно, не только транзит, но будет и собственное потребление в Турции. Это усилит экономическое влияние.

И.Ю.: Россия – это Европа, что бы ни думали Владимир Вольфович и другие политики.

Ведущий: Владимир Вольфович с вами согласен. Он говорит, что Россия – это Европа. Вернее так, Россия – это Европа, а та часть, которую вы называете Европой, небольшая географическая по отношению к части России, которая является частью Европы, то на этой почве мы с вами готовы дружить.

И.Ю.: В свете последних событий, увы, потерялось доверие, уровень доверия, которое существовало на личных связях между политиками. Это, конечно, доверие Ангелы Меркель к Владимиру Путину. Ангела Меркель очень долго старалась останавливать и каким-то способом влиять на украинских политиков. Как раз на почве Украины произошел этот разлом, потому что все-таки Германия, и лично Ангела Меркель, надеялась, что Владимир Путин и Россия будут соблюдать договоренности.

Ведущий: Но Россия тоже надеялась на то, что немцы, французы и поляки и их министры иностранных дел не поддержат государственный переворот на Украине, когда они 21 февраля подписывали гарантии безопасности президенту Януковичу. И Европа в очередной раз обманула доверие России. И кто сделал это первым – это не вызывает сомнения.

И.Ю.: Россия не участвовала в этих договоренностях, она удалилась. Господин Лукьянин ушел с этих переговоров, не подписал.

Ведущий: Да, Россия в этих договоренностях не участвовала. Но министры иностранных дел трех европейских государств подписали гарантии безопасности, и где теперь они? Где эти гарантии? Вот в следующий раз ровно там же находится и доверие к Ангеле Меркель. Они рядом лежат на одном столе.

И.Ю.: Нет, здесь другое, здесь минские договоренности.

Ведущий: Нет, не другое. Вот вы любите разделять эти вещи. Вы, европейцы, любите с нами хитрить. Вы думаете, что мы такие олухи, стоим и слушаем. Нет, это не так. Мы являемся частью процесса. А знаете, почему мы являемся частью процесса? Потому что Украина – это страна, в которой живет 20 миллионов русских. Она была, есть и остается самой близкой для нас и самой

важной. Там очень мало немцев, еще меньше чехов и практически не видно французов. Поэтому для нас Украина важнее, чем для Германии.

Бом: Вы спросите у людей в Киеве, как они относятся к России.

Ведущий: Мы уже спросили людей в Донецке и Луганске, они сказали «да» на референдуме. Поэтому они сейчас не зависят от людей в Киеве.

Бом: Вы говорите, что Украина наша, вы говорите, что это входит в российскую сферу интересов. А вы спросите у них, как они относятся к России.

Ведущий: Майкл, сейчас вы лишитесь места в бомбоубежище Жириновского.

В.Ж.: Майкл, в марте 1991 года они все были с нами.

Бом: А 1 декабря?

В.Ж.: А 1 декабря обманули, запугали за подарки.

Бом: Но 90 процентов украинцев сказали «ни за что».

В.Ж.: Согласен, их переформатировали. У них немцы сперва фашисты, а сейчас демократы. Переделаем, снова будут фашисты.

Сергей Михеев, политолог: Западные эксперты и журналисты пытаются представить дело так, что будто бы до Крыма все было прекрасно, а после Крыма потеряли доверие. На самом деле это передергивание. Процесс давления на российские интересы начался с момента распада Советского Союза и длился все эти годы. Что касается госпожи Меркель, то она всегда очень прохладно относилась к Путину, с самого начала. Разговоры о том, что немцы пытались влиять на украинских политиков, это просто вранье, извините за выражение. Немцы стимулировали движение к Майдану всячески, в том числе через своих сторонников типа Кличко, с которым они крайне активно работали. Немцы сделали все, чтобы Майдан случился. А почему? Потому что американцы убедили немцев, что Украина – это шикарный приз. Это шикарный приз, который действительно позволит им поднять серьезно влияние в Европе. Я уже не говорю о движении НАТО на восток. Послушайте, разговор о том, что население этих стран захотело – это бред. Я вот завтра захочу полететь в космос, и что это значит, что меня нужно запускать? Ведь существует баланс интересов. Этот баланс интересов нарушен Западом. Мы же не дети. Вот они захотели, завтра Гвинея захочет в НАТО, и что, НАТО должна принять ее? Это движение было до Крыма. Ситуацию по Крыму подготовил Запад в том числе.

Александр Гордон: Мне так нравится, что западные коллеги приехали к нам с этой американской и европейской лапшой, которую они вешают там на уши избирателям, и думают, что это здесь проканает. Хренушки!

Ведущий: Карен Георгиевич, вот вы следили за дискуссией. Владимир Вольфович жарко выступал со своими прогнозами. Какое ваше ощущение, вы же много общаетесь с западными коллегами из Европы?

Карен Шахназаров, режиссер, народный артист России (далее К.Ш.): У меня ощущение именно драматургии в этой встречи сегодняшней. Понимаете, санкции Запада. Понятно, они в принципе направлены против Путина. Собственно, уже никто не скрывает, об этом пишут впрямую, особенно англоязычная пресса. И вот такой вопрос. На Западе действительно считают, что, допустим, Путин уйдет, в результате придет человек прозападных взглядов. Но ведь это не так. Ведь придет Владимир Вольфович. На самом деле Путин, в принципе, очевидно, хочет нормализации отношений с Западом. Путин западник вообще-то. Путин, кстати, либерал. Путин вынужден действовать так, как он действует. Действует он крайне осторожно. Вы же вынуждаете его к чему? Зачем, что вы хотите? Я считаю, что нужно подвести черту. Запад был не прав 20 лет, но был не прав: расширяли НАТО, бомбили Косово, распад Югославии и так далее.

Вот сейчас говорят, что надо Крым вернуть. Крым – это что, стол? Это миллионы человек. Вы там голосуйте хоть сто раз, они проголосуют за вхождение в Россию, или они объявят независимость и будет война. Запад на самом деле должен сесть с Россией за стол переговоров с тем же Путиным, договориться, закрыть вопрос Крыма, признать Крым. Вопрос Донбасса и Луганска – вынудить киевские власти пойти на элементарные вещи – дайте язык и федерализацию. Майкл, это возможно. В Швейцарии ретро романский язык государственный, 100 тысяч человек.

И.Ю.: Когда образовалась вообще Швейцария? В тринадцатом веке, извините меня.

К.Ш.: Ну и что? Владимир Вольфович прав, действительно, мы можем довести до войны. Никто не хочет войны, но она стягивается. Это можно дойти до горячей войны, но неужели вы не понимаете, как это опасно все?

Ведущий: Кстати, это интересный вопрос. Дело в том, что мне кажется, когда человек точно не знает, что делать, то может быть лучше не делать ничего? То есть европейские политики используют это правило достаточно часто в отношении испанских огурцов или еще чего-то, таких вот важных политических вещей, которые волнуют всю Европу. А когда дело касается отношений с Россией, то мне кажется, тут нужно быть еще осторожнее, чем с огурцами.

Питер Ватердринкер, журналист, писатель (Голландия): Я прекрасно это понимаю, но есть такое впечатление, что только в России страдают. Но беда не только здесь, но и там тоже. Я из Голландии. Как вы знаете, погибли 200 человек, а в Донбассе

погибли четыре тысячи человек. Я был в Донбассе, там страшно, там война идет. Я был в Киеве, и я живу в Москве. Я действительно был в разных местах. Вы знаете, Запад – это не один блок, там очень много разных мнений. И конечно, Ангела Меркель имела все веревочки в руках. Я действительно думаю, что человеческий фактор играл очень большую роль, потому что она просто злая.

Ведущий: Подождите, вы хотите сказать, что она просто злая женщина, или в отношении России злая? Мне кажется, что она все-таки в целом не злой человек, она человек неплохой.

Питер Ватердринкер: Она злая на Путина, конечно.

В.Ж.: Но это не на пустом месте.

Питер Ватердринкер: У меня такое ощущение, что Путин ее обманул.

Александр Хинштейн, заместитель председателя комитета ГД РФ по безопасности и противодействию коррупции, «Единая Россия»: Простите, одна женщина злая на одного мужчину. Так бывает и в мировой истории человечества, но это не повод начинать войну и не повод делать заложниками миллионы людей, живущих во всем мире.

Ведущий: Питер и говорит, что в Европе у них есть разные мнения. Европа в данном случае не едина. Но мы видим в последнее время, что в Европе много людей, которые критикуют свои правительства за санкции в отношении России. Это так?

Питер Ватердринкер: Вы знаете, Голландия – это второй инвестор в России до сих пор. Я знаю кучу бизнесменов, которые хотели вложить сюда много денег, но они сейчас остановились, все стоит в данный момент. Это беда. Я всегда сторонник того, и до сих пор сторонник, чтобы дать всем русским визу бесплатно, чтобы они могли путешествовать. И я не единственный человек, кто так думает. Во Франции и в Испании до сих пор есть и такое мнение в народе.

Ведущий: Все иностранцы, которые приезжают в Россию, становятся сторонниками того, чтобы русские ездили без виз. Но те, кто о России судит по вашим публикациям, как раз категорически против, потому что они считают, что это какая-то дикая орда с большими деньгами, которая приезжает к ним.

В.Ж.: Вот вы сказали, что голландские бизнесмены остановили капитальные вложения в России. Немецкие многие недовольны и прямо говорят, что Украина – это интересы России, зачем мы туда полезли. Сожалеют многие. Но почему начнется война?

Ведущий: Опять война, Владимир Вольфович?

В.Ж.: Я объясняю как юрист. Поводом для войны будет, что огромные капиталы, триллионы долларов некуда вложить. Санкции, все стоит. Единственный способ – это начать войну в какой-то части Европы, и потом новый план Маршалла – начинаем восстанавливать. Сперва поставки оружия идут туда.

Ведущий: Слушайте, давайте какой-нибудь мирный проект предложим.

В.Ж.: Но это американский план, не мой.

Ведущий: Пусть строят мост между Вашингтоном и Лондоном. Обычный, надувной понтонный мост.

В.Ж.: Ничего не будет, война, готовьтесь к частичной мобилизации.

Ведущий: Я готов, не кричите на меня. Если что, то я готов.

В.Ж.: Денег больше чем надо, их некуда деть Европе, они свободные. И деньги требуют войны, деньги не могут лежать в банках, деньги нужно запустить в экономику. В какую? Оружие поставлять, а потом восстанавливать разрушенную Европу. Вот почему бомбят Донбасс каждый день, чтобы все было разрушено. Вся Украина и еще южная Европа будет в развалинах, а Германия будет восстанавливать все опять. План Маршалла. Это так будет.

Ведущий: Вот все-таки в России у нас есть яркие политики, не только у вас в Германии, между прочим. Нам есть чем гордиться. Александр, скажите, пожалуйста, взаимоотношение России и Европы, утрата доверия навсегда, надолго или это восстановимо?

А. Х.: Вы знаете, мы переживаем регулярно сложные отношения с Европой, не с Европой, наверное, а с западным миром. Мы понимаем, что сегодня не Европа банкует, не Европа определяет повестку дня. У нас были разные периоды во взаимоотношениях. В 19 веке, когда Россия принимала участие в тех или иных коалиционных войнах, и, конечно, в 20 веке. До войны и после войны, и после того как началась холодная война. И всякий раз нам говорили о том, что это окончательный разрыв, что никогда больше наши цивилизации не сойдутся. Тем не менее, жизнь расставляет все на свои места. Я не хочу разделять пафос Владимира Вольфовича и предсказывать какие-то войны. Я надеюсь и верю в то, что ситуация не дойдет до края, потому что и с нашей страны, и с той стороны есть и должны быть здравомыслящие и разумные люди. Но я, кстати, полностью разделяю то, о чем говорит Карен Шахназаров. Приятно видеть, когда творческие люди более благоразумны и умны, нежели профессиональные политики. Санкции и та истерия, которую мы наблюдаем сегодня, – это именно истерия, поскольку она основывается не на здравом смысле, а на эмоциях – обращена прежде всего к Путину. Но Путин, как и все мы, не вечен. И в случае, если уйдет Путин, Жириновский не будет президентом, Владимир Вольфович, как бы вам этого не хотелось.

В.Ж.: Зря вы это говорите при них, вы пугать их должны. А вы опять не то говорите.

А.Х.: Но мы должны их пугать реальностью, а не немного растиражированной страшилкой. Но я хочу напомнить о том, что сегодня называют Путина в качестве главного консерватора, в качестве главного врага Запада, и так далее. Я хочу напомнить, что очень длительный период времени после прихода к власти Путин шел на многочисленные уступки Западу даже тогда, когда ему это было невыгодно. Мы закрыли целый ряд наших баз, например, база радиоэлектронной разведки на Кубе, после того, как этого попросили американцы. Мы предоставили воздушные коридоры для тех же самых американцев. Мы не стали настаивать на выводе американской военно-воздушной базы из Киргизии. И целый ряд других шагов, на которые шел Путин тогда, протягивая как бы руку и идя навстречу пожеланиям Запада и, как мы думали, в надежде на то, что будет адекватная реакция.

У юристов есть такое выражение: когда не знаешь, как поступить, то поступай по закону. Вот если Запад не знает, как поступить в этой ситуации, то надо поступить по закону, потому что есть международные правовые акты, к которым Россия и западный мир присоединились. И давайте жить в рамках этих международных правовых актов. А они в первую очередь, включая основную декларацию ООН, устанавливают право нации на самоопределение и право любого народа на то, чтобы определить, как ему жить. Народ Крыма определил свою судьбу, народ Новороссии определил свою судьбу. И не мы, не вы не вправе им диктовать то, как им жить. Так же, как и мы не вправе диктовать, как жить Западу, а Запад не вправе диктовать, как жить нам.

Бом: Получается, что Меркель злая на Путина, Обама злой на Путина, Кэмерон злой на Путина, Эббот, который хотел взять Путина за грудки, злой на Путина. Весь мир злой на Путина, а Путин такой несчастный. Он завтракает один в двадцатке, бедный Путин.

Сергей Михеев, политолог: А сколько людей злы на Обаму, давайте посчитаем. В мире миллиарды людей, которые злые на Обаму просто за то, что он есть. Именно США имеет самый высокий антирейтинг в мире. Это крайне важно.

Ведущий: Давайте дадим Майклу договорить, потому что не так часто с нами говорит человек, который проведет во время войны с Жириновским в бомбоубежище все это время.

А.Х.: Долго Майкл там не просидит.

Ведущий: Война будет короткой. Пожалуйста, Майкл.

Бом: Доверие к Путину подорвано, я думаю, что это заслуга Кремля, но есть выход из положения. Очевидно, очень сложно наладить контакт с ним, поэтому я думаю, что надо назначить Киссинджера эмиссаром, потому что у Киссинджера и Путина прекрасные отношения. Киссинджер даже не злой на Путина, он не критикует Путина за Крым. Может быть, это единственная надежда, чтобы мы вернулись к минским соглашениям, чтобы сняли санкции и чтобы Россия ушла из Донбасса.

Ведущий: А к Обаме мы пошлем Гордона в качестве эмиссара, у них хорошие отношения.

Александр Гордон: Майкл, я с Киссинджером очень хорошо рифмуюсь, у меня тоже к нему нет никаких претензий. У меня вот какой вопрос. Меркель злая на Путина, Обама злой на Путина, кто-то еще.

Бом: Весь мир.

Александр Гордон: Не надо весь мир. У нас тоже есть Индия, Китай, страны БРИКС.

Бом: Почти весь мир.

Александр Гордон: Америка – это почти весь мир, я понимаю. А Путину что до этого? Российский народ на него не злится. Попробуйте-ка заставить русский народ сдать Путина, и вы услышите в ответ, что российский народ, не Путин, зол на Америку, на Европу, и почти на весь остальной мир, который призывает нас к этому. Да не дождетесь, просто не дождетесь вы этого никогда. Не ставьте на это, не будет здесь Майдана.

Ведущий: Давайте дадим возможность господину Кьеза присоединиться к нашему разговору. У меня к вам простой вопрос. Скажите, пожалуйста, есть ли возможность сейчас вернуть доверие между Россией и Европой?

Джульетто Кьеза, журналист, политолог (Италия), депутат Европарламента в 2004–2009 гг. (далее Дж. К.): Я думаю, что многое нужно изменить, потому что ситуация уже очень сильно подорвана. Вы говорили, что надо быть веселым, нельзя быть веселым, это серьезное дело. Но я европеец и хочу подчеркнуть, что не все европейцы думают, как госпожа Меркель. Вчера читал «Шпигель», влиятельную ежедневную газету. Она критикует очень сурово все поведение не только Германии, но и Европы в отношении украинского кризиса. Влиятельные круги существуют во Франции, в Италии, и в Германии, которые не согласны.

Ведущий: А что делать России, подождать, пока эти круги как-то повлияют на общественное мнение?

Дж. К.: Я говорю только одно. Я считаю, что в Европе у России есть много союзников. Много, но они не занимают на нынешний момент руководящие посты, это во-первых. Во-вторых, в Европе происходит реальная политическая революция, мы видим это. Во Франции, в Великобритании, Италии есть очень сильное недоверие в отношении своих руководителей. Был долгий период, когда это все хорошо функционировало. Вы нам дадите голоса, а мы вам дадим хороший уровень жизни. Это все, что было. А сейчас Европа находится в глубоком кризисе экономическом, вся Европа, даже Германия. Не только южная Европа, сейчас уже Германия находится в рецессии, в начале рецессии. Поэтому, что происходит? Миллионы европейских людей

меняют отношение к политике. Посмотрите на Францию, госпожа Ле Пен выиграла выборы и ее партия стала первой, а у президента Франции 18 процентов поддержки. Посмотрите на Фараджа в Великобритании. Исторически существует две партии в Великобритании, а вдруг появляется новая партия, которая раньше не существовала, и получает большинство голосов.

Ведущий: То есть нам нужно подождать, пока Европа сама изменится? Правильно я понимаю?

Дж. К.: Нет, я не предлагаю подождать. Я предлагаю начать диалог со стороны России. Россия должна быть услышана общественным мнением. Здесь я говорю это моим коллегам, журналистам. Я журналист тоже, все эти месяцы я видел сплошное вранье во всех средствах массовой информации Запада практически без исключения. Я никогда такого не видел в моей жизни, даже во время холодной войны. Значит, это вопрос к средствам массовой информации, почему они врали систематично и единодушно?

Ведущий: А я вам отвечу. Я задавал этот вопрос моим западным коллегам-журналистам. Они мне ответили, что это редакционная политика. Мы не будем говорить им о Донбассе и Луганске, это редакционная политика.

Дж. К.: Я скажу только одно: когда делают опросы общественного мнения, то надо учитывать то, как люди на улице были информированы. Потому что если люди ничего не знают абсолютно, а ты идешь и задаешь вопросы, то что они могут ответить, если они ничего не знают? Дорогой мой американец, не надо начинать историю с Крыма, надо начинать историю с военного переворота, который был сделан в Киеве. Это был государственный переворот по всем направлениям, убили 100 человек в этом перевороте.

Ведущий: Я хочу обратиться к тому, что сказал господин Хинштейн, и задать вам, Иржи, вопрос по поводу доверия между Россией и Европой. Вы не считаете, что доверие между Россией и Европой все-таки гораздо раньше было подорвано, а частности в момент бомбардировок Сербии, например, со стороны НАТО и так далее? Что в России люди разочаровались в этих европейских разговорах о гуманизме в момент, когда мы увидели, как наши европейские друзья несут демократию, с десяти тысяч метров сбрасывая бомбы на страны?

Иржи Юст: Нет, я так не считаю. Конечно, мы все помним, как Евгений Примаков должен был лететь в США, но развернулся над Атлантическим океаном и вернулся обратно в Россию. Конечно, компания югославская 1999 года подорвала отношения. Но потом все выстроилось по-другому, мы уже были в шаге от отмены визового режима. Мы здесь, думаю, сойдемся с коллегами во мнении, что все уже было готово.

Ведущий: В этом шаге вы зафиксировались надолго.

Иржи Юст: Произошло то, что произошло.

А. Х.: Я прошу прощения за уточнение. Вы не сумели до начала всех осложнений даже заключить соглашение о безвизовом режиме с Калининградской областью, которая, как вы знаете, является эксклавом.

Иржи Юст: Калининградцы могут в Польшу ездить без визы.

А. Х.: Да, только в Польшу. На протяжении четырех лет между российским МИДом и Евросоюзом шли переговоры о придании жителям Калининградской области особого статуса с точки зрения въезда в Шенгенскую зону. До момента начала всех охлаждений и событий на Украине этого решения не было. А вы нам говорите, что вопрос уже был решен практически для всех россиян. Не было этого никогда, к сожалению.

Уважаемые представители Запада, хотите, я вам дам совет, как можно изменить ситуацию в России? Я научу их сейчас, как нас победить. Ни изоляциями, ни санкциями, потому что чем жестче вы себя ведете, чем более громко звякает ваша риторика, тем сильнее люди чувствуют, я имею в виду россияне, свою сплоченность и тем сильнее, выше рейтинг лидера страны. Это показывает вся социология. Что вы должны сделать? Вы должны открыть границы, вы должны сделать безвизовый режим для того, чтобы люди могли свободно выезжать. Вы должны максимально вкладываться в Россию для того, чтобы создавать здесь максимальное число точек роста. Так, как в свое время Запад прибирал к рукам бывшие советские республики, такие как Прибалтика.

В.Ж.: Вот что сейчас сказал Хинштейн, все правильно, но такого никогда не будет. Вы что, Европу за дураков держите? Сейчас, русские, нате новые заводы, приезжайте к нам учиться, шенген, банковская сфера, все берите? Им надо уничтожить Россию. Им нужна война, поэтому шенген вы никогда не дадите нам по одной причине: в случае обострения обстановки миллионы русских приедут в Европу, и вы ничего не сможете сделать. Для того, чтобы мы не приехали, вы находите повод, чтобы не давать шенген, не вступать никуда. Поэтому по Хинштейну можно сказку написать.

Александр Гордон: Вы, вероятно, не знаете, что сейчас на новогодние каникулы шенген дадут даже прожженной проститутке из Липецка, потому что спрос на Европу среди наших туристов вынужденно из-за санкций упал на 50 процентов. Они сейчас говорят: «Езжайте, хотя бы на новогодние каникулы».

Ведущий: Некому чешское пиво пить, все уехали в Сибирь на Новый год.

В.Ж.: Еще одно, подождите. Вот вы говорите, общественное мнение, депутаты, журналисты. Решение о начале войны принимает 2–3 человека. Мы в Афганистан не хотели входить, 4 человека приняли решение. Они уже умерли. Так же и здесь.

Ведущий: У нас в студии нет людей, которые принимают решение о войне, давайте жить в мире.

В.Ж.: Обманывать не надо, война будет.

Ведущий: Хорошо, поняли, теперь вы, пожалуйста.

У.Х.: Вы должны знать последнюю книгу Бжезинского.

В.Ж.: Да, читал.

У.Х.: Там черным по белому написано, что он думает о том, что Россия будет членом НАТО. И он хочет через Украину продвинуть западные ценности.

Ведущий: Давайте наоборот, давайте мы переиначим Бжезинского. Давайте заберем Европу в Россию, вместе с Португалией к нам сюда, весь Евросоюз. Мы можем вам предложить очень много чего. Того, чего у вас нет – русская душа, иконы и гречка.

Александр Гордон: У нас Европа Германией не ограничивается, у нас есть еще Румыния. Хочу напомнить, что Румыния во время Второй мировой войны воевала на стороне Германии. Если Владимир Вольфович прав и война начнется, то на чьей стороне будет Румыния в этой войне?

В.Ж.: Тоже, как во Вторую мировую войну, по традиции. И в Первую, и во Вторую на стороне Германии.

Александр Белявски, шеф московского бюро национального радио Румынии (А.Б.): Во-первых, Румыния воевала в Первой мировой войне не на стороне Германии, а на стороне России. На всем протяжении своего участия в Первой мировой войне Румыния воевала на стороне России. Во Второй мировой войне она воевала действительно первую часть на стороне Германии, а вторую часть она воевала на стороне объединенных наций. Кстати говоря, она была пятой по своему участию. И кстати, может быть, вспомните, что румынский король Михай был единственным зарубежным кавалером ордена Победы. По поводу того, кто где будет участвовать и в какой войне, наверное, следует исходить из того, что раз Владимир Вольфович так активно пропагандирует эту идею, то, скорее всего, ее не будет, просто если исходить из обратного. Я предлагаю вам сказать, когда и при каких обстоятельствах.

В.Ж.: Хорошо, в последней части программы вызывайте скорую помощь с валидолом, с реанимацией и так далее.

А.Б.: Я думаю, что сейчас никто всерьез ни в Европе, ни в России, на том уровне, о котором говорил Владимир Жириновский, не обсуждает серьезно эту проблему. Я имею в виду горячую войну.

Ведущий: А что касается доверия?

А.Б.: А что касается доверия, то это действительно очень серьезная проблема. Доверие было подорвано несколько раз. Я хочу напомнить, что после югославской войны в 1999 году Путин был первым иностранным политиком, который позвонил Бушу и предложил ему помощь в борьбе с талибами в Афганистане. Это, наверное, был пик доверия, несмотря на то, что незадолго до этого Буш отменил договор о противоракетной обороне. Россия очень серьезно помогла Америке в Афганистане. И без России не были бы предоставлены ни базы в Манасе, о которых говорили, ни база в Узбекистане. Собственно говоря, в этой войне во многом без логистики России Северный альянс не смог бы сделать этого.

По поводу доверия. Когда мы говорим о Европе, то надо понимать, что мы говорим о Европе и Америке. Доверие Америке было подорвано достаточно серьезно во время иракского кризиса. Тогда произошел уникальный момент в европейской истории, когда Россия, Германия и Франция выступили единой осью против Америки. Это был момент, когда было подорвано достаточно серьезно доверие между Россией и Америкой. На уровне стран, потому что на личном уровне доверие между Бушем и Путиным продолжалось. Что касается доверия между Путиным и Меркель, то я думаю, что их отношения не сложились с самого начала. По крайней мере, они не сложились так, как они были у Путина со Шредером. Это в принципе было невозможно так, как у Ельцина с Колем.

Александр Гордон: Путин говорит лучше по-немецки, чем Меркель.

А.Б.: Вы знаете, когда они говорят на одном языке, то, может быть, они слишком хорошо понимают друг друга. Но то, что произошло, с чего вы начали, а именно с речи Меркель в Бундестаге, то я хочу напомнить, что это произошло через два или три дня после встречи Путина и Меркель в Брисбене на двадцатке. О ней очень мало было информации в России, но по сообщению американских СМИ…

Ведущий: …которые, как известно, прослушивают Меркель и поэтому в курсе того, о чем она говорит.

А.Б.: Информация была получена от источников, близких к германской делегации. Это было очень холодная 4-х часовая беседа, в которой Меркель пыталась узнать у Путина, что он хочет сделать с Украиной. И она не получила вообще никакого ответа.

Ведущий: Потому что Украина – это суверенная страна. Зачем Путин должен с ней что-то делать?

А.Б.: Поэтому резкая речь Меркель в Бундестаге была реакцией на то, что наступил какой-то предел, через который трудно перешагнуть.

Александр Гордон: То есть нужно спровоцировать Путина, чтобы он ответил, что он будет делать с Украиной?

А.Б.: Я хочу еще раз напомнить события последних дней. После этого приехал в Москву Штайнмайер, который представляет несколько отдельную линию западногерманской политики.

Александр Гордон: А если еще представить себе, что Меркель уходящий политик?

А.Б.: Она не уходящий политик.

Александр Гордон: Не вечна в любом случае. То есть все-таки есть силы какие-то, даже внутри правительства Германии, которые предлагают другой сценарий. Кратко в чем сценарий?

А.Б.: Думаю, проблема заключается как раз в том, что сценария конкретного нет. Есть понимание того, что диалог необходим. Я не специалист по ситуации в Германии, но я понимаю, что Меркель находится сейчас под множественным давлением. С одной стороны есть давление германского бизнеса, точнее, той его части, которая хочет отношений с Россией. Но есть ассоциация германских промышленников, бизнесменов, которая поддерживает санкции. Это разница в интересах, это какие-то политические условия. Есть отношения между Штайнмайер и Меркель, то есть это уже внутриполитические. И есть действительно то, о чем говорил Майкл, что выросло число немцев, которые поддерживают санкции. Но это не на много, на 5 или 6 процентов.

В чем дополнительная сложность ситуации Меркель? Раньше мы говорили, что в Европе есть два мотора: Франция и Германия. Теперь Франция ушла на второй план, Меркель слишком сильный политик, слишком сильный лидер для очень слабого и не популярного Олланда в этот момент. Поэтому Меркель должна двигаться вперед. Поэтому Америка очень долго пыталась заставить Германию взять на себя неформальное лидерство в Европе. И Меркель была вынуждена пойти на это в условиях кризиса, в условиях опасности, которая грозит Евросоюзу. С одной стороны, из-за Великобритании, там происходит то, о чем сейчас говорил Джульетто, – антиевропейское, скептическое настроение. С другой стороны, из-за того, что в условиях санкций своеобразно проявляют себя такие страны, как Венгрия, Словакия и другие. То есть она должна держать Европейский союз в кулаке.

Александр Гордон: Вот смотрите, когда создавался Европейский союз, то мало кто себе представлял, что Германия, которая отличилась уже два раза в XX веке, будет политическим локомотивом этого вновь создаваемого Европейского союза. Экономическим – да, политическим – нет.

А.Б.: Вы забываете, что Германия с Францией создавали это.

Александр Гордон: Но сильной Франции больше нет. Неужели Германия единоличный лидер Европы сегодня?

А.Б.: А кто может, кто хочет взять на себя эту ответственность?

Александр Гордон: То есть это четвертый Рейх?

А.Б.: Нет, это не четвертый Рейх.

Ведущий: У меня вопрос ко всем участникам нашего разговора. Что делать? Ваш прогноз на ближайшее будущее? Майкл, давайте начнем с вас. ВотРоссия и Европа. Вам же виднее оттуда из-за океана. Можно ли восстановить доверие и что, вы считаете, для этого должно произойти?

Бом: Я уже ответил. Я думаю, что надо найти того человека, который имеет хорошие отношения с Путиным, и чтобы они встретились. Я назвал его – это Киссинджер.

Ведущий: Киссинджер будет восстанавливать доверие между Европой и Россией? То есть без Америки мы не обойдемся в вашей трактовке, только с Киссинджером.

Бом: Сначала нужно между Америкой и Россией, а потом Европа после этого.

Ведущий: А, вот вы и открыли все карты. Вот, оказывается, кто решает европейскую политику. Сначала все-таки с вами надо договориться, с американцами. Мы до этого не догадывались, мы только робко предполагали. Когда в этой студии об этом говорили, я не всем верил. Но вам я верю, Майкл, конечно, с вами нужно договариваться.

Бом: Киссинджер уважает Путина, Путин уважает Киссинджера. А помните, когда Путин был в Нью-Йорке, с кем он ужинал? Это было семь или десять лет назад. С Киссинджером дома, то есть интимно. Я думаю, что это может быть, потому что с Обамой это бессмысленно. Просто нет отношений.

Ведущий: А, это Обама, который уходит, которого не будет больше? С ним какой смысл-то, да, согласен с вами.

Бом: Я имею в виду, что доверие друг к другу настолько низкое, что это бессмысленно. Поэтому самое главное, как я сказал, это вернуться к минским соглашениям. Это будет и России хорошо, потому что надо снять санкции. Путин никогда не признает, но санкции очень бьют по России. Не только сами санкции, но и экономическое недоверие, финансовое недоверие к России, бегство капитала, – это все очень больно бьет.

Ведущий: Хорошо, теперь мы знаем, с кем нужно договариваться. Пожалуйста, Михеев, ваш взгляд.

Сергей Михеев, политолог: Конечно, найти людей, которым можно доверять, крайне важно, но я бы вот такую утопическую модель не выстраивал. Ни возврат к минским соглашениям, ни даже полный уход от поддержки Донбасса, к сожалению, не изменит ситуацию, потому что принято политическое решение американцами – втягивать Украину окончательно в сферу своего влияния, и так далее. Я думаю, что апеллировать нужно к Европе, и надеяться на то, что Европа осознает все-таки себя как реальный геополитический центр. Ни как то, что пристегнуто к США. На мой взгляд, Европа теряет исторический шанс стать реальным геополитическим центром, вот так плотно ассоциируя себя с американцами. Действительно, надо вести диалог с теми людьми в Европе, которые на следующем шаге придут к власти. Меркель не вечна, Обама уже уходит, и Меркель тоже уйдет. А на самом деле внутри Европы зреют достаточно серьезные силы, которые недовольны нынешней ситуацией не только в связи с Россией. Они евроскептики, потому что Евросоюз не дал им того, что обещал. Они консерваторы, потому что они против той миграционной политики, которая существует. Многие из них антиамериканцы независимо от того, какие отношения с Россией, и плюс к этому еще добавляется Россия. С этими людьми надо вести диалог, потому что они придут к власти, думаю, через какое-то время. Если, конечно, американцы позволят им это сделать и вообще не задавят Европу.

Ведущий: И тогда восстановится доверие?

Сергей Михеев, политолог: В том числе. Я думаю, что пока Обама и Меркель у власти, этого не будет.

Ведущий: Понятно. Питер, пожалуйста. Вы сказали, что вы не согласны с точкой зрения Майкла. Что вы считаете, нужно сделать, чтобы восстановить доверие между Европой и Россией? Европе, прежде всего, потому что здесь мы спрашиваем вас в качестве европейца.

Питер Ватердринкер, журналист, писатель (Голландия): Во-первых, мы все время говорим о грустном. Я думаю, что этот кризис, который сейчас творится в стране, в России, тоже дает шансы. Мы все стали наркоманами нефти в последние годы. И этот кризис наконец-то дает России возможность развивать собственный бизнес, сельское хозяйство и так далее. Мы это видели после кризиса 1998 года. Я думаю, что сейчас тоже есть исторический шанс для России, чтобы развивать свой реальный сектор.

А в Европе существуют не только политики. Shell, вы знаете, до сих пор есть очень большой инвестор в российскую экономику. Так вот, существуют бизнесмены, которые влияют на политику на Западе.

Ведущий: Понятно, то есть вы видите это через бизнес. Тогда вопрос к вам, Хокан. Я понимаю, что в данном случае вы представляете страну, которая не является членом ЕС, а является ассоциированным членом ЕС. Скажите, пожалуйста, как вам с вашей стороны кажется, отношения России и Европы, это охлаждение надолго? Или все-таки общего больше, чем то, что нас разделяет?

Хокан Джейхан Айдоган, корреспондент информационного агентства «Анадолу» (Турция): Я хотел бы сказать, что в данной дискуссии я чувствую себя мостом, потому что у Турции с Европой и с Россией очень хорошие отношения.

Ведущий: Теперь у вас еще есть газовый хаб, поэтому вы вдвойне мост.

Хокан Джейхан Айдоган: Пока еще нет, будет, посмотрим, надеемся, что будет. Поэтому я против санкций. Если есть проблемы, то надо решать мирным путем, потому что это никому не выгодно. Обе стороны страдают, и они будут терять. В этом смысле, например, отношения между Россией и Турцией могут быть примером для других. Очевидно, что между Россией и Турцией тоже есть разногласия. Но две стороны могут сесть за стол и говорить откровенно. И они могут сказать, что мы здесь не согласны, мы за то, чтобы все это закончилось мирным путем.

Ведущий: Понятно. Пожалуйста, Карен Георгиевич. Как вы считаете, восстановится ли это доверие и что делать для того, чтобы оно восстановилось?

Карен Шахназаров, режиссер, народный артист России: Я думаю, что вообще Европа роковую ошибку допускает с этими санкциями. Я согласен, кстати, с вами, что в определенной степени это, конечно, болезненно, но это полезно для нас, потому что это научит нас работать. Я думаю, что ошибка заключается в том, что эти санкции могли в советские времена быть гораздо болезненнее, потому что не было еще Азии. Но сейчас что происходит? Сейчас Россия, как мне кажется, уже развернулась на восток, в сторону Китая. На самом деле Россия была восточной страной, и только Петр I развернул ее в сторону Запада. Вот сейчас происходит другой процесс. И он происходит объективно, потому что сегодня Азия, Китай, Индия, Вьетнам становятся центром мира. Там вообще начинают сосредотачиваться основные богатства, основная экономика, основные технологии. И конечно, в сочетании с Россией, с ее ресурсами, с ее военной мощью, с ее высоким уровнем образования это будет необыкновенной силы альянс. Но мне кажется, Европа допустила ошибку в том смысле, что это, может быть, уже произошло и обратно это будет вернуть довольно сложно. Мне кажется, что это самая серьезная ошибка, которую в Европе допустили за последние, может быть, 300 лет.

Ведущий: То есть европейцам еще предстоит вернуть наше доверие? Я так понимаю?.. А что вы, Иржи, считаете, должна сделать Европа, и должна сделать Россия для того, чтобы восстановить доверие?

Иржи Юст, собственный корреспондент газеты «Актуалне» (Чешская Республика): Самое главное это не персона, и даже не государство при всем моем уважении к Турции. Это четкие правила игры, которым будут следовать все – как европейцы, так и Россия.

Ведущий: А как выработать, когда сейчас нарушены с двух сторон все правила игры, и с европейской, и с другой стороны. Как их выработать? Правила игры были выработаны в Ялте после войны.

И.Ю.: Нет, были выработаны как раз 1975 году в Хельсинки.

Ведущий: Но после этого граница Европа несколько раз изменилась после хельсинкских соглашений. Если вы помните ситуацию с Югославией, с Косово, я могу много примеров привести. С Чехословакией, например. И в итоге, что вы предлагаете сейчас? Новые Хельсинки?

И.Ю.: Новые Хельсинки это было бы прекрасно, если бы появились новые четкие правила, на бумаге написанные.

Ведущий: Понятно, спасибо большое. Дмитрий, пожалуйста.

Дмитрий Орлов, политолог, генеральный директор агентства политических и экономических коммуникаций: Конечно, нужен новый хельсинский процесс. Тогда в 70-е он обеспечил статус Берлина, он обеспечил снятие колоссальных противоречий, которые существовали между ФРГ и ГДР. Именно там проходила линия вооруженного противостояния между двумя блоками, а потом это прекратилось, во всяком случае на какое-то время. Я полагаю, что нужна институционная конфигурация типа хельсинского процесса, но только с включением туда всех значимых игроков в европейской политике. Сегодня Франция, Британия, в меньшей степени Италия фактически выключены из многих механизмов в выработке решений. Они фактически одобряют те программы, те соображения, которые вырабатываются в Брюсселе под влиянием Берлина. Если будет более широкая конфигурация, то я уверен, что этого биполярного противостояния, именно внутриевропейского, между Россией и Германией удастся избежать. Ну и, конечно же, влияние на этот процесс Соединенных Штатов должно быть минимальным.

Ведущий: Понятно, спасибо большое. Скажите, пожалуйста, Ульрих, как вы видите будущее отношений между Россией и Европой? И сколько времени займет возвращение доверия, или его не будет? Как вам кажется, что нужно для этого делать?

У.Х.: Знаете, нужны огромные силы, чтобы восстановить это доверие. Я хочу сказать – удивляюсь, почему мы об этом не говорили – с начала следующего года будут новые европейские войска быстрого реагирования, и четыре тысячи человек, это итальянцы и немцы в основном, – они будут дислоцированы в восточноевропейских странах, странах Балтии. И это, конечно, еще один шаг к конфронтации. Будет присутствовать военный фактор. И то, что он вообще присутствует на территории восточной Европы, это большая угроза.

Ведущий: Мне кажется, что это угроза больше для восточной Европы, потому что мы не боимся. Европейские военные обедают с часу до двух, и Расмуссена с копьем мы не боимся вообще. Поэтому мне кажется, никто в России не боится. Мы по-доброму относимся к европейским военным.

У.Х.: Германия уже требовала, чтобы беспилотные аппараты летали по Украине, и эти аппараты будут защищать немецкие солдаты.

В.Ж.: Вы знаете, мне кажется, что немецкие солдаты должны быть осторожнее в защите своих аппаратов, потому что один раз они уже дозащищались так, что мы оказались в Берлине. Поэтому тут надо быть очень выдержанными, понимаете. Важно, чтобы у европейских военных была все-таки некоторая сдержанность. И чтобы они все-таки с часу до двух обедали регулярно – это важная европейская ценность…

Ведущий: Владимир Вольфович, давайте не про войну, а про мир. Что делать, чтобы вернуть доверие с Европой? Вы начали с того, что всех испугали, Майкла взяли с собой в бомбоубежище. Теперь давайте всех успокоим немного.

В. Ж.: Значит, доверие падает, а вы все хотите, чтобы оно восстановилось. Муж с женой расстались и друг друга поливают грязью. Что, они вернутся обратно? Нет, никогда. Мы две мировые войны пережили, и сейчас то, что положительного было накоплено, ушло. Не надо говорить про Крым. Я даю другой сценарий. Мы не находимся в Крыму. То, что делаете вы, это в ваших планах. Начинается резня русских в Крыму крымскими татарами, им помогает Турция, там пять миллионов крымских татар. Что будет делать Россия, если каждый день будут вырезать 10 тысяч русских? Мы, конечно, вмешаемся.

Ведущий: Владимир Вольфович, давайте о хорошем.

В.Ж.: Я говорю про сценарий. Что впереди будет? Обязательно вы введете новые санкции, это замораживание активов. Вы наши заморозите в Европе, мы ваши. Но в ответ на заморозку ваших активов у нас вы начнете арестовывать наше имущество по всему миру. Идет корабль, наш корабль идет, они подъезжают и его арестовывают. Наша подводная лодка подходит, чтобы его отобрать. И так по всему миру, и в конечном итоге кто-то не выдержит. Начнется стрельба. То есть у вас план начала обострения есть.

Ведущий: Вы известны тем, что ваши прогнозы сбываются. Поэтому будьте осторожны.

В.Ж.: Курс принят – тот, о котором я говорил, не буду повторяться. Пока будет все тихо и спокойно.

Ведущий: Спасибо. Александр, пожалуйста. Что сделать, чтобы вернуть доверие между Россией и Европой? И России, и Европе?

А. Х.: Четверть века назад во главе нашей страны находился человек, который западным сообществом и Европой в частности

воспринимался не просто как легитимное лицо, но как лучший и самый близкий друг. Лучший немец года, лауреат Нобелевской премии. Я говорю о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Как раз ровно четверть века тому назад в 1989 году череда бархатных революций оторвала на длительный период времени от России страны, которые были исторически с ней связаны, в том числе и Чехию, в том числе и Польшу, в том числе и Венгрию, при абсолютном молчании той власти, которая была. Горбачев соглашался беззвучно со всем, и каждый раз Запад ему аплодировал. Но кончилось это мы все помним чем. Поэтому вопрос не в том, как Запад воспринимает национального лидера, стоящего у руля страны. Вопрос в том, как народ воспринимает этого национального лидера. Я согласен, знаете, с чем? Чем сильнее будет Россия, чем сильнее будет ее мощь, в том числе и оборонная, тем быстрее с нами начнут считаться. Вся история мировой политики, вся история мировой дипломатии говорит лишь об одном – считаются лишь и уважают только силу. Когда ты сильный, то ты прав, когда ты слабый, когда ты не в состоянии защитить свои интересы и свои права, то на тебя можно не смотреть. То же самое Михаил Сергеевич Горбачев, которого вчера еще носили на руках, многотысячные манифестации встречали его, в 1991 году мотался между лидерами государств с просьбой хотя бы чуть-чуть денег выделить, хотя бы миллион долларов найти для того, чтобы он принял участие в очередной встрече. Тогда была большая семерка плюс один. И никто ему не дал даже миллиона долларов. Вот чем, к сожалению, заканчивается роман с Западом. А что касается того, что муж с женой разошлись и в слезах и в драке никогда не сойдутся, о чем говорит Жириновский, то я с этим не согласен. Мы знаем массу примеров, когда люди расходятся, потом сходятся. Не будет войны, потому что в первую очередь война не нужна Западу, потому что Запад пытается на прочность проверить Россию и ее лидера. Сдадимся мы или нет, уступим или нет, сомнемся под вас, как это было 25 лет назад, или нет. Сегодня все увидели однозначный ответ на этот вопрос – нет, продавить и проломить не получается. А если не получается проломить, то нужно только договариваться.

Ведущий: Спасибо. Мы сегодня говорили о роли России в сегодняшнем мире.

Россия может помогать Асаду, а США не могут помогать Киеву?

С. РЫБКА: Приветствую сегодняшнего гостя. Американский журналист Майкл Бом. Слышали выступление Владимира Путина по итогам работы «нормандской четверки» или только читали пересказ от коллег журналистов?

М. БОМ: Я вообще не в курсе.

С. РЫБКА: Вы на протяжении довольно длительного времени здесь рассуждали об украинском кризисе и о роли России в этом кризисе, и не поинтересовались, чем завершились переговоры в Минске?

М. БОМ: Нет, интересовался. Просто не успел. Я был в эфире до трех часов ночи. Полчаса назад проснулся. Вы меня извините, это, конечно, не очень хорошо, но такие условия у меня были. Поэтому совесть у меня чиста.

С. РЫБКА: Вы вообще не знаете, чем завершились переговоры в Минске?

М. БОМ: Скажите мне сейчас.

С. РЫБКА: Мне вот что было бы интересно проделать. Небольшой эксперимент. Мы напряженно работали с коллегами, два часа обсуждали то, что там произошло. Вы не знаете, чем закончилась работа «нормандской четверки». Выступите с предположением. Я предполагаю, что в Минске дело было так. И мы узнаем, насколько вы успешный аналитик. Как вы считаете, чем закончились переговоры в Минске?

М. БОМ: Ничем. Я вчера прогнозировал в эфирах, что это пойдет именно как Минское соглашение в сентябре. То есть будет временное примирение, и все будут радоваться этому. Именно прекращение огня временное. Но ключевое слово временное.

С. РЫБКА: В той декларации, которая подписана в Минске, нет слова «временное», там говорится о прекращении огня в 00 часов 15 февраля. Указаны дистанции, на которые должно быть отведено тяжелое вооружение, говорится о том, что будут внесены поправки в Конституцию. Вообще на Украине сейчас разрабатывается новая Конституция, и там будет закреплен особый статус Донецкой и Луганской народных областей. Такие решения есть.

М. БОМ: Это было в сентябре тоже.

С. РЫБКА: Особый статус.

М. БОМ: Самоуправление. Это было ключевым пунктом в сентябре. Я прогнозировал вчера, что да, будет примирение, но дальше будет, как в сентябре, когда примирение длилось пять дней, потом денонсировали Минские соглашения, и все вернулось к старому режиму. Я думаю, что будет то же самое в этот раз.

С. РЫБКА: Может быть, будет иначе? Допустим, это соглашение будет нарушено, но в этот раз представители ДНР и ЛНР согласились на всю эту схему благодаря тому, что есть гарантии со стороны Меркель и Олланда, и Владимира Путина. То есть если соглашение нарушается, вопрос к ним. Уважаемые европейские лидеры, а чего вы со своими гарантиями выступали?!

М. БОМ: Гарантии со стороны России, увы, ничего не стоят. Я напомню слушателям, что Россия выступала гарантом территориальной целостности Украины много раз. Во всяком случае, два раза. В 1994, 1997 гг. И два раза нарушила территориальную целостность Украины. Поэтому когда Россия говорит про «территориальную целостность Украины», это вызывает у меня и у многих огромное сомнение.

С. РЫБКА: Майкл, я не хочу сейчас повторять сценарий тех передач, которые вам случается посещать на телевидении. Потому что там ведь есть две позиции – ваша и еще чья-то, и они кардинально противоположны, каждый готов ссылаться на исторические прецеденты, на данные от коллег, которые там работают, на данные от своих источников. Очень трудно с этим работать. Давайте конкретно по сегодняшней минской встрече. Наряду с прочим наши слушатели отмечают, и прежде всего коллеги-журналисты из Минска отмечают, что Петр Порошенко в течение всего этого 14-часового марафона многократно отлучался куда-то. Наши слушатели шутят о том, что, с одной стороны, это могут быть физиологические потребности, а с другой стороны, консультации. Слушатели говорят: «Наверняка с Бараком Обамой консультировался». Вы допускаете, что именно так это происходило, что незримо Барак Обама участвовал в этом совещании?

М. БОМ: Это не исключено. Даже если это так, что в этом зазорного?

С. РЫБКА: Потому что в отличие от тех, кто там реально участвовал, Барак Обама не обременяет себя никакими гарантиями, никакими обязательствами. Мы уже сказали, что гарантии от России ничего не стоят. А Меркель и Олланд тогда зачем вписываются в эту историю, если их гарантии будут нарушены?

М. БОМ: В том-то и дело, что все в одной лодке.

С. РЫБКА: Обама в эту лодку не полез.

М. БОМ: Да, не полез, это правда. Это инициатива Германии и Франции. Я думаю, что США участвовали в этом издалека, я имею в виду, поддерживали процесс. Потому что позиции Меркель и Обамы очень похожи. Здесь нет базовых разногласий.

Меркель против поставки оружия Киеву, Обама против поставки оружия.

С. РЫБКА: В какой момент он против поставки?

М. БОМ: Он всегда был против. И сейчас он говорит очень осторожно.

С. РЫБКА: Он говорит, что пока решение не принято.

М. БОМ: Да, это дипломатический такой прием. Мне кажется, он понимает, что это очень неэффективная мера. Не в том плане, что США не должны защищать Киев от агрессии, но поставка оружия – это не те меры, чтобы защищать Киев. Это очень неэффективно, это выйдет боком всем. И ярые сторонники поставки оружия этого не понимают. Поэтому позиции Меркель и Обамы полностью сходятся в этом плане.

С. РЫБКА: То есть вы исключаете возможность поставок оружия на Украину Соединенными Штатами?

М. БОМ: Я не исключаю. Но я думаю, для Обамы это самое крайнее. Он будет ждать до последнего. Понимаете, он считает, что санкции хороши по многим причинам. Санкции не исчерпаны. Очень многие санкции он держит в кармане. И второй момент – он понимает, что Россия не может отвечать симметричными мерами. Разве что запретит усыновление детей американцами.

С. РЫБКА: Вы сейчас пытаетесь практически к комическому формату свести этот разговор.

М. БОМ: А еще как Россия может отвечать? Обама не хочет противостоять России в этом плане.

С. РЫБКА: 11 февраля Соединенные Штаты перебрасывают в Европу 10 штурмовиков А-10. Самолеты отправлены на базу в ФРГ. Позже они будут переведены на аэродромы в странах Восточной Европы. Перебазирование проводится в рамках операции «Атлантическая решимость». Это не поставки оружия Украине, но, так или иначе, это поставки вооружений на прилегающие территории, на территории стран-соседей. Это для чего делается?

М. БОМ: Это поддержка союзников.

С. РЫБКА: Что, Россия угрожает этим государствам?

М. БОМ: Это просто меры сдерживания.

С. РЫБКА: Меры сдерживания чего? Для того, чтобы кого-то сдерживать, кто-то должен напасть.

М. БОМ: Чтобы этого не было, чтобы неповадно было.

С. РЫБКА: Как вы полагаете, в какой момент, на каких основаниях было принято решение о присоединении Крыма к Российской Федерации? Чтобы неповадно было. Вы же только что описали примерно ту же ситуацию.

М. БОМ: Вы сравниваете поставку оружия союзникам с незаконным захватом территории.

С. РЫБКА: Я вам привел один из аргументов в пользу присоединения Крыма. Я сам далеко не сторонник этой идеи. Но в качестве аргументации сейчас, когда я вижу события на юго-востоке Украины, я вижу, что это работает.

М. БОМ: Нелепое сравнение, потому что одно дело – поставка оружия, другое дело – аннексия территории, которая принадлежала Украине.

С. РЫБКА: Поставка оружия на территорию, чтобы это оружие могло воевать с Россией.

М. БОМ: Не дай бог. В том-то и дело, чтобы войны не было.

С. РЫБКА: Вам люди, которые стоят на позиции «Крым наш», скажут то же самое.

М. БОМ: Одно дело поставка оружия, другое дело захват территории.

С. РЫБКА: Речь идет о войне, о гибели людей.

М. БОМ: В Крыму не было гибели людей.

С. РЫБКА: Восточную Европу никто не атакует.

М. БОМ: Нет, чтобы не было войны, чтобы не было повтора этого номера. Хватит, достаточно Крыма и Донбасса. Не надо Прибалтики и Польши. Поэтому на всякий случай.

С. РЫБКА: Ангела Меркель и Франсуа Олланд по итогам Минских переговоров заявляют, что они благодарны Владимиру Путину «за оказание давления на ополченцев». Если не ошибаюсь, одним из условий снятия санкций, по крайней мере европейских, было именно это. Просим руководство России оказать давление на ополченцев с целью прекращения конфликта. Эти слова можно расценивать как сигнал о том, что санкции, возможно, будут сняты? Мы сейчас говорим о европейских

санкциях. Но вы как гражданин страны, которая тоже упражняется в санкциях, рассудите.

М. БОМ: Давления самого по себе мало. Надо, чтобы были конкретные дела. Это прекращение огня, отвод войск, которых нет, говорит Россия. Это перекрытие границы, это немаловажно. Это может быть самый важный пункт – перекрытие российско-украинской границы. 500 км украинской границы, которую Украина не контролирует. Если эта граница не будет перекрыта, если Украина не может контролировать, о перемирии речи быть не может. Это ключевой момент.

С. РЫБКА: Ключевой момент вот какой: Россия со своей стороны высказывает какую-то обеспокоенность тем, что со стороны Украины, со стороны Луганской и Донецкой Республик на территорию Россию черт-те кто приходит, приезжает. Россия такой обеспокоенности не высказывает. По крайней мере, никто не кричит отовсюду: «Давайте срочно оберегать наши границы с Украиной». Это проблема Украины. Для России нет этой проблемы. Российской стороне эта граница кажется в порядке. Это Украина не может там контролировать свою границу. Почему Россия должна брать на себя ответственность за контроль чужой части границы?

М. БОМ: Потому что Украина борется против своих сепаратистов.

С. РЫБКА: Точно?

М. БОМ: Да.

С. РЫБКА: Вот, вы же сами приводите меня к блестящим выводам. Украина борется против своих сепаратистов. Почему Россия должна быть стороной конфликта?

М. БОМ: Россия поддерживает этих сепаратистов. В какой степени – это спорный вопрос, потому что Россия отрицает все. Просто в упор отрицает, но на самом деле есть и финансовая поддержка, и материальная поддержка, военная поддержка. Когда Россия говорит, что она – не сторона конфликта, это вызывает у многих просто смех.

С. РЫБКА: Почему не прилагаются серьезные усилия вашей мощнейшей пропагандистской машины для того, чтобы меня, рядового гражданина, убедить в том, что страна нарушает закон? Мы же не можем никого атаковать, не можем взять и ни с того, ни с сего начать поддерживать какой-то конфликт, это противозаконно. Почему ваши СМИ не работают насколько хорошо, чтобы меня, гражданина России, в этом убедить?

М. БОМ: Это не совсем СМИ, это спецслужбы должны быть более откровенными.

С. РЫБКА: Отчего же они такие скрытные?

М. БОМ: Есть разные теории. Одна версия – это чтобы не сжечь все мосты, потому что все равно Россия нужна США, особенно Обаме, особенно в иранском вопросе. А если показать, насколько Россия замешана в этом, США лишится всех козырей. То есть, чтобы давить на Россию этим «шантажом», – что у нас, мол, есть доказательства, что все фиксируется.

С. РЫБКА: Почему бы не предъявить эти доказательства?

М. БОМ: Потому что тогда все. Понимаете, это образ крысы, загнанной в угол. Это мера психологического давления. Это версия, у меня нет доказательств. Но если вы не будете делать так, мы опубликуем все доказательства, которые показывают точно и четко, что это Россия в течение года посылает танки, «БУКи», все.

С. РЫБКА: Я правильно понимаю, что за США не стоит благородная цель предотвращения войны, предотвращения жертв среди мирного населения, среди военных? Есть корыстные политические цели, они исполняются.

М. БОМ: Просто Россия этого не хочет. Россия поддерживает именно ополченцев. И это сложно. Это заставляет США поддерживать киевский режим, это самозащита. Потому что без поддержки союзников киевская армия не может воевать против России, против ополченцев, которых поддерживает Россия. Это невозможно.

С. РЫБКА: Вопрос от слушателя: «Зачем Штаты поддерживают, финансово, в том числе, сепаратистов Сирии?» Есть у вас с чем здесь спорить? США так или иначе поддерживают силы, которые борются там с Асадом?

М. БОМ: Да, умеренные силы.

С. РЫБКА: Поддерживают?

М. БОМ: Да.

С. РЫБКА: Почему это не вызывает вопросов, а кажется уместным и позволительным?

М. БОМ: Понимаете, для кого-то они сепаратисты, а для кого-то – борцы за свободу. Точно так же как Россия поддерживает Асада, помогает Асаду бороться против сирийских сепаратистов, которые захватывали сирийскую территорию, точно так же делают США.

С. РЫБКА: Помогают Киеву.

М. БОМ: Да, помогают Киеву защищаться. США помогают Киеву защищаться от своих сепаратистов, которые захватывали украинскую территорию. Россия может помогать Асаду, а США не могут помогать Киеву? Почему? Это двойной стандарт.

С. РЫБКА: Как рядовому гражданину занять ту или иную позицию? Просто посмотреть в собственный паспорт, понять, гражданин ты какой страны, и отстаивать эту позицию? По-другому никак?

М. БОМ: Очень сложно, когда двойные стандарты везде. Порошенко считает сепаратистов террористами, Россия считает их борцами за свободу.

С. РЫБКА: «Выходит, тогда плохих и хороших нет, есть борьба США и РФ», – рассуждает слушатель. Вы готовы с этим согласиться? Морали никакой нет во всем этом?

М. БОМ: Во внешней политике?

С. РЫБКА: Да.

М. БОМ: Морали мало, демагогии много, риторики много, красивых слов много о свободе, демократии, правах человека. На первом месте, конечно, национальные интересы, никто не обольщается здесь. И я тоже снимаю маску демагогии в американской внешней политике, когда я слышу про демократию, про свободу, про права человека. Это красивая обертка. Но за этой оболочкой, конечно, национальные интересы.

С. РЫБКА: Вы смотрели Daily Show Джона Стюарта?

М. БОМ: Когда он стебался над Путиным, да.

С. РЫБКА: Это было удачно? Когда я видел сюжет про сочинскую Олимпиаду, там была такая графическая компиляция. Мишка плакал, и Джон Стюарт предлагал: «Давайте внимательнее посмотрим на эту медвежью слезу». И камера как будто бы приближалась, и было видно, что эта слеза полна российскими солдатами. Это был такой намек на то, что Россия принимает участие в конфликте на Украине. Не очень тонкая шутка, по-моему.

М. БОМ: Иногда шутки бывает неудачными, это случается везде. Джон Стюарт не может быть смешным каждый раз. Мне понравилось, когда его сотрудник приехал в Россию и брал интервью у российских деятелей – Никонова, Маркова.

С. РЫБКА: Мы тогда пришли к выводу, что ни Никонов, ни Марков не понимали, что принимают участие в комедийном шоу, пытались быть максимально серьезными.

М. БОМ: Никонов понял, Марков не понял… А у вас очень остроумное замечание было по поводу сепаратистов в Сирии, которых поддерживают США, а есть сепаратисты в Донбассе.

С. РЫБКА: Которых мы называем ополченцами, и если не поддерживаем материально и огневой мощью, то по крайней мере, их интересы нам не безразличны.

М. БОМ: Эта аналогия работает, если вы можете поставить знак равенства между Асадом и Порошенко. А в России ставят этот знак равенства без проблем. Между тем в Сирии режим Асада убил, по оценке ООН, больше 200 тысяч человек.

С. РЫБКА: То есть Порошенко недостаточное количество людей убил?

М. БОМ: Мы не знаем, сколько Порошенко убил и сколько убили ополченцы. Идет война, и обе стороны хороши. Все международные организации фиксировали, что есть нарушения, есть военные преступления с обеих сторон. Не только войска Порошенко употребляют кассетные бомбы, но и ополченцы. Это не моя выдумка. Это фиксируется организациями.

С. РЫБКА: Майкл, эти ссылки не значат ничего.

М. БОМ: Когда выгодно, вы с удовольствием ссылаетесь на эти же организации. Когда, допустим, они критикуют США за нарушение прав человека. Это Human Rights Watch, Amnesty International.

СЛУШАТЕЛЬ: Вы говорите насчет Сирии, диктата, а Америка? 500 миллионов индейцев убили, когда начали колонизировать земли.

М. БОМ: Еще рабство было.

С. РЫБКА: США берет на себя смелость, а потом ответственность за свержение режима в Ираке. После этого, по общему мнению, явных доказательств наличия там оружия массового поражения нам не предоставлено. США не диктаторски действует?

М. БОМ: Ирак, конечно, не в пользу Америке. Это ошибка.

С. РЫБКА: Смотрите, сколько всего набралось не в пользу Америки за время нашего разговора.

М. БОМ: В основном США действуют в рамках международного права, я имею в виду одобрение Советом Безопасности ООН.

С. РЫБКА: Во главе этих решений все-таки стоят США.

М. БОМ: Возьмите Афганистан. Почти весь мир, Россия в том числе, поддерживали США. Там больше пятидесяти союзников участвуют.

С. РЫБКА: Вы будете говорить, что они на равных участвуют с США?

М. БОМ: Не на равных, конечно.

С. РЫБКА: Это важно.

М. БОМ: Но это не значит, что США диктатор. Огромная поддержка США в Афганистане, пятьдесят стран участвуют. Это диктат? США заставили их поддерживать? Я думаю, что нет. Россию точно не заставили.

С. РЫБКА: Американский корреспондент Майкл Бом бы у нас в гостях.

Есть разница между независимостью и аннексией

Майкл Бом (далее М.Б.): Чаще всего меня спрашивают в последнее время, чего вы (американцы) лезли на Украину? Есть один простой ответ, он циничный, но он правдивый – потому что Америка может, и все.

В. Соловьев, (далее «Ведущий»): Тогда что вы удивляетесь российскому подходу? То есть я правильно понял, что я могу вас процитировать? Я сейчас должен позвонить Путину и сказать: Владимир Владимирович, мы можем!

М.Б.: Я не удивляюсь, так и надо делать. Это та же самая причина, почему Советский Союз, когда он был сверхдержавой, лез на Кубу, в Никарагуа, – потому что он мог.

Ведущий: Я правильно понимаю, что принципов нет?

М.Б.: Нет. А вы верите в принципы?

Ведущий: Да, и это отличает россиян от американцев. Вот когда вы говорили…

М.Б.: А где ваши великие принципы в Сирии? Я все равно возвращаюсь к Сирии, это срывает маску России. Какие ценности, какая справедливость. Не надо говорить про справедливость, про духовность. Есть real politics, и все. Россия делает то, что она может.

Ведущий: Майкл абсолютно честен. Меня просто умиляет этот откровенный цинизм американской политики.

Сергей Марков, член Общественной палаты РФ: Если взять американское общество, то оно уже не однородное. Мы видим, что в США и в Европе есть ряд общественно-политических групп, которые поддерживают Россию в этом конфликте и выступают с осуждением ультранационалистической хунты на Украине.

Ведущий: Я сейчас о другом, простите. Когда выступает президент Соединенных Штатов Барак Обама и несет с высокой трибуны какую-то чушь про мировой уклад, про то, что есть какие-то порядки, оказывается, надо делать просто то, что ты можешь. Именно так они правят миром.

Владимир Корнилов, директор центра евразийских исследований, Украина: Вопрос Майкла завис в воздухе: в Сирии, где ваши принципы справедливости, добра и прочего? На самом деле работают эти принципы. Ведь заметьте, и в Сирии, и в Ливии, и в Ираке Россия либо поддерживала, либо, как минимум, не свергала законное правительство. В этом принцип уважения международного права, и на этом Россия стоит, а вы этого не замечаете.

М.Б.: И особенно в Крыму.

Владимир Корнилов: А вот ваши принципы? Принципы Соединенных штатов Америки, когда они могут…

Ведущий: И особенно в Крыму, потому что в Крыму был использован опыт замечательной американской дипломатки госпожи Олбрайт, которая показала юридический путь и провела его в Косово. И мы точно скопировали американский опыт косовского прецедента.

М.Б.: Есть разница между независимостью и аннексией.

Ведущий: Какая аннексия? Вы больше не верите в свободное волеизъявление людей?

М.Б.: Я бы поверил, если бы Киев согласился с этим референдумом.

Ведущий: Подождите, какой Киев? Я что-то не помню, чтобы кого-то волновало согласие Белграда.

М.Б.: Почему Косово ни к кому не присоединилось?

Ведущий: Не волнуйтесь, это простой вопрос. А к чему пытается присоединиться Пуэрто-Рико? Там проголосовали за присоединение к Штатам, и ждут решения Конгресса о присоединении. Хотя США не сказали еще своего слова, при этом США определяет политику Пуэрто-Рико, у граждан Пуэрто-Рико есть паспорта американские, они могут служить в американской армии, но они имеют права выбирать своего верховного главнокомандующего.

М.Б.: Два слова про вмешательство во внутренние дела других стран. Я сейчас про оригинальное предложение Лаврова в ООН. Он хочет внести резолюцию, чтобы запретить вмешательство во внутренние дела других стран. Я хочу сказать, что вмешательство – это как шпионаж. Все страны этим занимаются, были попытки запретить шпионаж, даже урегулировать шпионаж, но это невозможно. В этом и состоит внешняя политика, чтобы влиять на другие страны, чтобы оказывать свое влияние на мировую арену. И каждая страна этим занимается по мере своих возможностей.

Ведущий: Вы какой-то удивительный человек, мне вас надо было раньше позвать. Вы выдаете все секреты Америки, даже не под пытками. Тогда я задам следующий вопрос: а вы помните, какой документ процитировал Лавров?

М.Б.: Я не знаю.

Ведущий: В том-то и дело. Это была инициатива Соединенных Штатов Америки. Америка обратилась с требованием к Советскому Союзу и сказала, что мы признаем Советский Союз при условии невмешательства в наши внутренние дела.

М.Б.: Эту байку я знаю.

Ведущий: Это байка?

М.Б.: Да, это байка, потому что Советский Союз тут же нарушил это требование.

Ведущий: Это другой вопрос, но была такая просьба?

М.Б.: Нет, это тот же вопрос – чего стоит обещание Советского Союза?

Ведущий: Тут же нарушил?

М.Б.: Советский Союз так поддерживал Коммунистическую партию Америки, что США отдыхают, понимаете.

Ведущий: С какого года?

М.Б.: Со следующего дня.

Ведущий: Советский Союз нарушил. Поэтому сейчас на этом базируется выступление – в России закроют любую возможность финансирования американскими структурами любых структур здесь. Станет ясно, что американцы даже не скрывают своего политического влияния, и станет ясно, что единственная страна в мире, где невозможна оранжевая революция, это Америка, потому что там нет американского посольства. То есть человек говорит честно: никаких международных договоренностей нет, мы шпионили и будем шпионить за всеми. Мы будем свергать все неудобные режимы, которые есть, потому что мы это можем. Мы будем захватывать все территории, которые можем.

М.Б.: Я соглашусь, что здесь нет логики, я не защищаю американских лицедеев.

Кто сбил «Боинг»?

Ведущий: Сейчас у нас на связи по скайпу американский журналист Майкл Бом. Майкл, я не могу сказать, что добрый день, здравствуйте. Скажите, пожалуйста, как вы считаете, реакция президента Обамы, реакция американских властей на этот теракт [сбитый «Боинг»] сейчас достаточно жесткая, умеренная или очень мягкая, с вашей точки зрения?

Майкл Бом, американский журналист (далее М.Б.): Пока рано судить, потому что сутки не прошли, но надо говорить осторожно, потому что мы не знаем точно. У нас в Америке есть предположения и они ссылаются на разведданные, что, скорее всего, ополченцы или сепаратисты это сделали.

Ведущий: Да, очень многие американские и английские издания связывают теракт непосредственно чуть ли ни с Путиным. По крайней мере, точно с тем, что Россия помогала оружием донецким сепаратистам, и именно из этого оружия был произведен выстрел. Насколько популярна эта точка зрения?

М.Б.: Я читал сегодня New York Times, и они сказали, что пока мы не знаем точно, но все доказательства, косвенные и прямые, показывают, что скорее всего это ополченцы. Никто не знает точно и тем более Белый дом не знает точно, поэтому говорят достаточно взвешенно. Но если это будет доказано, будет достаточно жесткая реакция не только со стороны Белого дома, но и из Европы. Сейчас это не только американская проблема, это европейская проблема. Много европейцев погибло, и поэтому я ожидаю, что будет больше солидарности между Европой и Америкой по этой проблеме.

Ведущий: Майкл, скажите, пожалуйста, мы знаем историю Карибского кризиса, когда финальной точкой фактически стали снимки с самолета У-2, который сфотографировал советские ракеты на кубинской территории, – после чего Советский Союз был вынужден признать этот факт и убрать свои ракеты с территории Кубы. Может ли таким дедлайном в истории быть публикация американских спутников фотографий с полной расшифровкой? Ожидается ли это, намекают ли на это американские власти? Ждет ли американская журналистская общественность и вообще общественность публикации снимков со спутников, которые могут зафиксировать в том числе и траекторию ракеты, и место ее выпуска?

М.Б.: Шило в мешке не утаишь. И без того Донбасс был под лупой у американских спецслужб, поэтому любой пуск, особенно пуск такой мощной ракеты, конечно фиксируется. В СМИ говорят, что Белый дом получил уже какие-то разведданные. Они сейчас разрабатывают стратегию, как отреагировать. Поэтому теория, дурацкая теория, что это преднамеренная провокация украинской стороны – это смешно. Скорее всего, это просто ошибка. Это бывает в военных условиях. Есть такие теории, что это спецслужбы сделали, но это маловероятно. На днях это будет ясно, и мы узнаем, кто это сделал.

Ведущий: Майкл, а если, допустим, будет доказано, что вот такие там сепаратисты, что хотели сбить украинский военный транспортный самолет, но вот не профессиональны они, плохо учились и сбили малазийский гражданский самолет. В этом случае, как я понимаю, никакого ужесточения санкций не будет. Это будет, как вы говорите, списано на неизбежные издержки войны?

М.Б.: Нет, это новое, это абсолютно новая и крутая эскалация конфликта. Я не думаю, что это будет списано таким образом. Я думаю, что будут конкретные последствия, это будет консолидировать поддержку Киеву. То есть, как ни странно, это на руку Киеву – я говорю условно в кавычках, потому что я имею в виду это в политическом смысле. То есть, я думаю, мы увидим больше поддержки Киеву, прямой поддержки. И конечно, это будет крупный удар по репутации и России, и ополченцев. Будут конкретные последствия, очень серьезные последствия, если будет доказано.

Ведущий: Спасибо большое, Майкл. Это был Майкл Бом, американский журналист, который поделился своими соображениями о том, когда и что может стать решающим эпизодом, который все-таки убедит мир, кто стрелял.

Украина сама отвернулась от России

Александр Гордон (далее А.Г.): …У нас в студии Майкл Бом. Скажите, пожалуйста, что такое украинский меморандум, почему его должны принять вот-вот в Вашингтоне? Что это?

Майкл Бом: Я вообще считаю, что США не сторона конфликта.

А.Г.: Даже не причина конфликта. Заказчик конфликта.

Майкл Бом: США не сделали Майдан, это понятно, но хорошо использовали Майдан. В этом есть большая разница. Одна реплика, если можно, к Петру [Толстому]. Вы спрашивали, может ли НАТО быть гарантом договора Киева с сепаратистами? Но НАТО тоже не сторона конфликта.

Петр Толстой (далее П.Т.): Так Россия тоже не сторона конфликта, однако вы все время призываете к тому, чтобы мы что-то делали на Украине. Мы же ничего не делаем ни на Украине, ни в Польше, ни в Испании, где Каталония отделяется.

Майкл Бом: Можно я договорю. Не НАТО будет подписывать мирный план. Порошенко будет подписывать. Поэтому только Порошенко может гарантировать выполнение.

П.Т.: Вы думаете серьезно, что люди, которых убивают в Донецке и Луганске, признают Порошенко в качестве президента Украины? Вы серьезно настолько вне реальности, что вы думаете, что Украина в прежних границах сохранится?

Майкл Бом: Если Путин признал, значит, сепаратисты будут.

П.Т.: Путин и сепаратисты – это вы напрасно связываете.

А.Г.: Могу я вернуться к вопросу, который я задал: что такое свободная Украина в воображении Вашингтона? Что это?

Майкл Бом: Задача Запада – интегрировать Украину в европейский миропорядок. А задача России – это препятствовать этому, предотвратить именно евроинтеграцию.

А.Г.: А зачем?

Майкл Бом: Ну, на зло.

А.Г.: Назло кому? Украине или Западу?

Майкл Бом: Отомстить Киеву за Майдан. Александр, это называется сам не гам, тебе не дам – это простой русский принцип. Очень обидно, что Украина отвернулась от России. Ну как же так, Украина наша – говорят в России. Как же так, мы не позволим, чтобы Украина стала частью Европы, не позволим.

А.Г.: Вы считаете, что почти тысяча лет коммуникации, что добровольное вхождение Украины в Россию, создание Новороссии, Малороссии, Крым – этого недостаточно для того, чтобы вы поняли, что это наши интересы, а не ваши.

Майкл Бом: Крым взяли, молодец, взяли. Ну и что? А где продолжение?

А.Г.: Продолжение заключается в том, что вы с другого континента решили, что это вам определять отношения между соседями, что это вам решать, кто из нас кому…

Майкл Бом: Украинцы решают.

А.Г.: Украинцы решают?

Майкл Бом: Они решили, когда выходили на Майдан. Это они решили, что не с Россией. Они хотят быть врозь. Вам этого мало?

А.Г.: Послушайте, а если бы в Америке на Майдан вышло бы такое же количество людей, мизерное количество людей, которое нашумело просто в средствах массовой информации, это бы решило судьбу Соединенных Штатов или нет?

Майкл Бом: Нет.

А.Г.: Да понятно что нет. Потому что тут же пошла бы национальная гвардия, тут же пошла вся полиция Вашингтона или Нью-Йорка, где это происходило бы. И зачистили бы эти палатки, смели и так далее.

Майкл Бом: Александр, извините, можно сразу встречный вопрос. Неужели вы не видите объективные причины, почему Украина отворачивается от России? Это все госдеповские происки, да?

А.Г.: Послушайте меня, никогда Россия от Украины не отворачивалась. Это у меня, у Александра Гордона, украли город моей мечты, город моей жизни, город Одессу. Кто украл? Скажу. Националисты, которые живут там сейчас, и мне никто не может гарантировать возвращение в этот город. Мне кажется, что вы путаете причину и следствие. Вы развязали конфликт, думая, что

вы работаете по-прежнему в оранжевых республиках. А выяснилось, что вы работаете в желто-блакитной республике.

Майкл Бом: А я считаю, что Россия дискредитировала себя на Украине.

А.Г.: Россия дискредитирует себя, когда не сможет ввести войска в Киев, а она сможет.

П.Т.: Дорогой Майкл, мы очень уважаем ваше желание интегрировать Украину, но самое главное, чтобы пока Россия вдруг не интегрировала Мексику.

А.Г.: Или Канаду.

П.Т.: Спасибо, Майкл, всего доброго.

Войска РФ идут в Донбасс?

Елена Рыковцева: Российские войска не угрожают Украине, они перемещаются по своей территории – так выразился заместитель представителя Российской Федерации при Совете Безопасности ООН. Мы будем разбираться, что же это значит, что происходит на территории Донбасса, действительно ли там наблюдается перемещение российских войск, как к этому относится Россия, как относится Украина. Представляю вам наших гостей: в студии Роман Цимбалюк, Роман работает в Украинском информационном агентстве на территории Российской Федерации, Майкл Бом, американский журналист. С нами на связи Юрий Бутусов, главный редактор украинского издания «Цензор. нет», который даст оценку того, что происходит. Но послушаем, как оценивает ситуацию военный обозреватель ИТАР ТАСС Виктор Литовкин.

Виктор Литовкин: Я думаю, что это огромное преувеличение, больше того – ложь. Что такое российские войска и вообще, что такое понятие «войска»? Это подразделения, вооруженные танками, артиллерией, системами противовоздушной обороны, прикрытые вертолетами, самолетами штурмовой авиации. Кто-нибудь наблюдал или видел над Украиной российские самолеты или вертолеты? Никто не видел и привести такие примеры не может. Кто-нибудь видел системы управления российские на украинской территории, системы управления боем, которые присущи любым войскам, без которых войска не действуют? Никто не видел и сказать этого не может. Ни радиолокационных станций российских, ни российских систем связи, ни управления, их нет на территории Украины и никогда не было. Поэтому все эти рассказы – это рассказы для обывателей в пользу бедных, это попытка оправдать активные действия НАТО у границ России и оправдать поражение украинской армии, которая, безусловно, бездарно воюет, она не подготовлена к той войне, на которую ее бросило украинское правительство. Когда украинская армия теряет свою боевую технику, свои танки, артиллерию, свои боеприпасы оставляет ополченцам, ополченцы используют эту технику в борьбе против регулярной украинской армии, и вот эту технику, передвижение этой техники объявляют российской. Извините, так же можно любую технику, которая передвигается, в той же Польше самолеты МИГ-27 летают, тоже можно говорить, что это российские самолеты. Это неправда все, о чем говорится.

Елена Рыковцева: Тут я должна сказать одну вещь, которая меня очень насторожила. Я звонила сегодня очень хорошему военному эксперту, он работает в экспертном военном совете при Правительстве Российской Федерации; вы знаете, он отказался участвовать в эфире. Меня поразила формулировка, я даже записала ее для себя, он сказал: «И врать не хочется, и правду сказать не могу. Поэтому поищите, пожалуйста, записного пропагандиста». Я не стала искать никакого записного пропагандиста, мы будем честно разговаривать с людьми, которые готовы разговаривать на эти темы. Юрий Бутусов, пожалуйста, ваша оценка ситуации.

Юрий Бутусов: Я немножко удивлен, почему тема обсуждения: есть ли российские войска. Я не могу вам сказать, что конкретно из российских войск, какие именно подразделения прямо сейчас находятся в Донбассе, но учитывая, какое количество «груза 200» поступило в Россию, мне кажется, странно слышать, что есть какие-то сотрудники российских средств массовой информации, которые с этим не знакомы. Вы знаете, после того, как есть уже официальные документы Военной прокуратуры России, подтверждающие гибель военнослужащих 76-й десантно-штурмовой дивизии Российской Федерации, 2-й бригады спецназа, 8-й мотострелковой бригады Российской Федерации, 18-й стрелковой бригады Российской Федерации, когда приходят трупы, когда родители дают интервью в российских СМИ и говорят, что наших детей убили в Украине, проклинают Путина и всю эту безумную кремлевскую банду, я удивлен, что я слышу, что какой-то человек не в курсе того, что российские войска вторглись в Украину и убивают своих братьев украинцев. Это удивительно и, к сожалению, для нас еще один яркий показатель, что в России российское руководство, государственные СМИ просто далеки от жизни, от реальности, и они просто потеряли связь с нами, с Украиной, с жизнью. Это ужасно, это трагедия не только Украины.

Елена Рыковцева: Какая связь – они воюют. О какой связи вы сейчас говорите?

Юрий Бутусов: Я только сейчас услышал человека, который говорит, что российских войск нет. Трупы есть, российские солдаты мертвые есть, их хоронят, вся Россия об этом говорит, а человек говорит – российских войск нет.

Елена Рыковцева: Об этих последних перемещениях, из-за которых было собрано совещание, срочное заседание Совета Безопасности по инициативе американской стороны, здесь есть подтверждения, вы считаете, что это доказано?

Юрий Бутусов: Это официальное заявление миссии наблюдателей ОБСЕ, в составе которой есть российские сотрудники. Это официальная позиция, что российские войска перебрасываются через границу в Украину. Как можно говорить, что мы ничего не знаем? Это факт.

Елена Рыковцева: Я только что слушала в прямом эфире по «России-24» брифинг представителя Министерства иностранных дел Российской Федерации, он сказал, что завтра по согласованию с украинской стороной, что меня крайне удивило, потому что до сих пор я ни о каких согласованиях не слышала, 82 грузовика, очередной гуманитарный обоз, 650 тонн груза отправятся на территорию Луганской и Донецкой областей. Он сказал, что это уже 9-я тысяча тонн гуманитарного груза. Вы что-то слышали о том, что украинская сторона дала согласие?

Юрий Бутусов: Мы никакого согласия не даем. Уже давным-давно через границу с Украиной идут грузы без всякого контроля. На самом деле все эти гуманитарные грузы – это чистая пиар-акция. Постоянно ходят колонны с войсками, с оружием. Постоянно вагоны с боеприпасами разгружают по нашим позициям российские наемники, которые там воюют, они этого не скрывают, они дают интервью, что они из России.

Елена Рыковцева: Я правильно вас поняла, что груз грузом, может быть, это действительно гуманитарный груз, а есть еще совершенно другие колонны, которые не имеют к нему никакого отношения?

Юрий Бутусов: Пока нет никаких доказательств, что Россия перебрасывает в Донбасс гуманитарные грузы. Доказательства, что туда перебрасываются войска, боевая техника и снаряды, есть. Вы знаете, российского производства какую-нибудь тушенку и макароны еще никто никогда не показывал, там продукты все украинского производства. Украинская гуманитарная помощь, которая с Украины идет, да, это есть, а российские продукты – ими, кроме как российские солдаты, на Украине не пользуется никто. Мирное население этой гуманитарной помощи не видит.

Елена Рыковцева: Мы не будем сейчас рассказывать, что, может быть, там есть российские войска, может быть, там нет, давайте исходить из того, что сегодня фиксирует миссия наблюдателей ОБСЕ, что да, мы видим, что перемещается техника, мы видим движение через границу. Мы будем только рады ошибиться, но если так, если намечается серьезное движение через границу, если правда то, что готовится наступление сепаратистов с помощью этой новой техники, как вы считаете, поддержат ли россияне, когда они в этом убедятся, когда им перестанут говорить, что это неправда, а скажут, что Россия действительно воюет, Россия вступила в новую фазу этой войны, поддержат ли россияне это новое вторжение на фоне того, что падает рубль, дорожают продукты, совершенно непонятно, что будет дальше с финансовой системой страны, возможны новые санкции. Поэтому готовы ли россияне к новому падению уровня жизни за то, что эти войска действительно, может быть, вошли на эту территорию и готовят новые атаки на украинскую сторону? Это вопрос слушателям. Майкл, вы ознакомились с тем, как шло заседание Совета Безопасности. Выдвинули одни свои аргументы, другие свои. Вам как человеку стороннему, как журналисту, как аналитику, чьи аргументы показались более мотивированными?

Майкл Бом: Если честно, мне немножко надоело, это как дежавю, как сказка про белого бычка. Мы уже это слышали, что есть доказательства, а Россия говорит, что нет. Мне напоминает это советское время, когда выдвигали претензии по поводу диссидентов – диссидентов у нас нет, и конец разговора. Здесь все сводится к репутации. Конечно, Россия будет говорить, что идет информационная война, и НАТО врет, как все врут в информационной войне. Это не выдерживает критику, есть предел. Каждая сторона по-своему занимается пропагандой, но не в такой степени. Литовкин сказал, что, конечно, НАТО надо оправдать себя, создать такой образ врага. ОБСЕ тоже надо оправдывать себя, ОБСЕ тоже врет? Это все очень убого звучит и не очень убедительно. С одной стороны, я не знаю, кому верить, потому что это действительно информационная война, но если надо выбрать одну сторону, то, конечно, я бы выбрал ту сторону, у которой есть какая-то репутация, более крепкая репутация.

Елена Рыковцева: Роман, скажите, пожалуйста, какое у вас впечатление складывается от всех эти сообщений? Вы чувствуете, что было доказано новое вторжение, я не хочу использовать это слово…

Роман Цимбалюк: Используйте – вторжение российских оккупантов на территорию Украины. Пора назвать вещи своими именами.

Елена Рыковцева: Хорошо, я не буду стесняться, вы это сделали за меня. Было ли это?

Роман Цимбалюк: Во-первых, вторжение происходит, это не только сейчас зафиксировано, это уже происходит далеко не один месяц. Судя по всему, в Российской Федерации так: мы никогда в это не поверим, пока это не озвучит президент Российской Федерации Владимир Путин. Знаете, когда была оккупация Крыма, тоже говорили, что это не российские войска, это какие-то «зеленые люди», вежливые, не очень, выбрасывали сухпайки с надписью «Армия России». Потом после этого все говорили, что это российская армия. Сергей Шойгу, главный военный Российской Федерации, как он сказал? Он сказал, что это все чушь, вы не найдете в темной комнате черную кошку, тем более если эта кошка вежливая. Проходит немножко времени, и президент Российской Федерации Владимир Путин не так давно сказал: да, мы блокировали украинские части перед референдумом. Перевожу на понятный язык международного права: мы сначала оккупировали территорию, после этого мы провели референдум. Тут точно такая же история. Мне, честно говоря, понятно, что сейчас начнутся звонки на тему, зачем вы пригласили бандеровцев, но я вам могу сказать одно, что украинские военные воюют с российской армией, есть там какое-то количество ополчения, мы их называем террористы и боевики. Я человек не военный, но понятно, что не может ополчение так называемое обстреливать в течение месяца украинских киборгов в аэропорту из того, что она захватила якобы у украинской армии. Если кто-то видел, как совершается залп установкой «Град», он прекрасно поймет, что один залп нескольких машин – это целый КамАЗ. Возникает вопрос: где же они столько захватили? Оно что, с неба падает? Я не знаю, о чем мы говорим, Россия не признает! Если гражданам России удобнее так, когда они знают, что русская армия намного более квалифицированная, убивает украинцев, точно таких же русскоязычных парней, как и они, ради бога, оправдывайтесь, можете верить во что угодно.

Майкл Бом: Помните прошлые выборы 26 октября, не прошло и двух дней, и Лавров сказал, что Россия поддерживает выборы в Луганской и Донецкой республиках. То, что ОБСЕ и НАТО фиксирует сейчас – это продолжение этой провокации, это звенья одной цепи. Надо смотреть на это как единое целое, сначала выборы, и это идет по крымскому сценарию. Только я не думаю, что это будет аннексия, но это все звучит очень знакомо – глас народа, право на самоопределение, каждая нация имеет право на самоопределение, говорит Москва.

Елена Рыковцева: Давайте попробуем обращать внимание на мелочи. Роман считает, что эти мелочи не важны, но тем не менее, вы помните прекрасно заявление Москвы до выборов: мы признаем украинские выборы, мы признаем донецкие выборы. Мы все тогда поразились, возмутились, что как же можно признать то, чего не было в природе. Проходят выборы, но вы прекрасно знаете, что никаких заявлений, что мы их признаем, не было, слова «признаем» не было. «Мы уважаем выбор народа», – сказал представитель МИДа.

Майкл Бом: От этого не легче, все равно это провокация. С какой стати они сделали эти выборы? Представьте себе, что в Калмыкии или на Кавказе решили, создали свой ЦИК, распечатали свои бюллетени, сказали, что нам наплевать на Москву, мы сделаем свои выборы – это право на самоопределение. Как Путин говорит – это написано в уставе ООН, кто поспорит с этим. Москве понравилось бы это? Конечно, нет. Поэтому это провокация. Чем это закончится, я не знаю. Но я вижу передвижение через границу, очередное передвижение – это очередной виток этой провокации.

Елена Рыковцева: На что провоцирует Украину, Европу Россия?

Майкл Бом: Очевидно, чтобы Украина напала на Донбасс. Или чтобы зафиксировать прибыль, закрепить свои позиции на всякий случай. Или, как Захарченко сказал во время предвыборной кампании, он обещал, что мы вернем себе всю оккупированную территорию Донецкой области. Я напомню, что то, что они контролируют, – это всего лишь половина или меньше.

Елена Рыковцева: Товарищ Плотницкий тоже грозится «оккупированные территории» вернуть, они оба грозятся это сделать.

Майкл Бом: Это, может быть, пустые предвыборные слова, но он четко поставил себе такую цель. Если Россия поддерживает его – это не очень хорошо.

Елена Рыковцева: Роман, сегодня ОБСЕ опубликовали отчет, что они видят, как через границу идут некие люди, очень много, из Ростовской области переходят на территорию Украины, одетые в военную форму. Они не знают, кто эти люди, на них не написано, что мы военнообязанные, вроде бы у них нет оружия, они с какими-то котомками, среди них есть женщины. 600 человек, по-моему, перешло сегодня. Хватает ли конкретики для доказательств?

Роман Цимбалюк: Я просто повторюсь, Российской Федерации доказательств не хватит никогда. Гражданам России, когда на каком-то этапе у Владимира Владимировича не будет возможностей отрицать этот факт, продолжит называть украинцев фашистами, карателями, чтобы оправдать убийства граждан моей страны, возможно, на каком-то этапе это будет сказано. По поводу ОБСЕ, вы меня извините, не контролируется 300 километров государственной границы. Вы знаете, я вам расскажу такую историю, которую мне рассказал наш Генеральный консул, который работает в Ростове-на-Дону. Он мне рассказывал, когда представители ОБСЕ на пунктах пропуска, потому что у них другого мандата нет, сидят и читают газеты, в двух километрах от этого заходят колонны военной техники – это август, сентябрь. Поэтому какое надо доказательство? Извините, там Украины нет, всех, кто поддерживает Украину, или убили, или загнали в подполье, или заставили уехать, в том числе, кстати, в Россию. То, что Литовкин говорил и еще один мой друг старый, российский журналист, приехал наш коллега из города Луганска и говорит: «Представляешь, я жил в гостинице «Дружба» в городе Луганске с российскими военными, там же живут все российские пропагандисты, все российские телеканалы, «Лайфньюс», «Россия» и так далее». Это история месячной давности. Живой свидетель этих событий. Я обращаюсь к своему другу: «Где живет твой корреспондент? В гостинице «Дружба»?». Он говорит: «Да». «Он не видел российских военнослужащих?». Очень интересный ответ: «Может быть, российские военнослужащие там есть, но войск там нет». Хорошо, господин Литовкин говорит, что мы не видели там российских самолетов и вертолетов. Да, мы их не видели. То есть российские самолеты – это войска, а танки, «Грады» и артиллерия – это не войска. Я не военный, но после агрессии Российской Федерации постоянно читаю, там линия фронта, даже РЛС можно разместить на территории России, они и так будут все это видеть в какой-то степени. Какие-то мобильные пункты управления, очевидно, заехали на территорию. Скажите, какие надо гражданам России доказательства? Свидетельства украинских военных, которые говорят, что по нам наносят удар с территории Ростовской области. В Министерстве обороны говорят: это неправда, мы не наносим.

Кстати, расскажу историю августа месяца. Когда наш Генеральный консул ездил по границе, едет на автомобиле с дипломатическими номерами, возле одного из пунктов пропуска поворачивает направо или налево, стоит расчет российских «Градов» или гаубиц, они наносят ракетный удар по территории Украины, зная, что украинские военные не могут им ударить в ответ, потому что мы не можем большого медведя, большого брата провоцировать. То есть они их расстреливают, как в тире, у них все очень классно. Беспилотные летательные аппараты, планшеты, которые очень четко обозначают координаты. Когда несчастная украинская пушка мяукнула в сторону сепаратистов – российская армия очень подготовленная, – сразу идет команда, где вспышка, сразу вычисляются координаты, сразу туда наносят ракетный удар. Наш консул спрашивает: «Ребята, что вы делаете, почему вы стреляете по моей стране?» – «Это не мы». – «Я только что видел своими глазами». – «Это не мы, мы проводим учения, мы холостыми». – «Но вон же там взрывается». Ответ: «Это что-то у вас, мы же холостыми стреляем». Поэтому, если мы будем валять дуру или дурочку, как принято, какое должно быть доказательство?

Елена Рыковцева: На брифинге представитель МИД тоже говорил, что да, мы видим отчеты ОБСЕ, они необъективны, они в пользу Украины. Если не нравится информация, которая в этих отчетах, – они необъективные.

Роман Цимбалюк: Это при том, что в составе ОБСЕ достаточно много представителей Российской Федерации. Если российская сторона хочет называть белое черным – ради бога, но суть это не меняет.

Елена Рыковцева: Илья Ефимович из Москвы, пожалуйста.

Слушатель: Здравствуйте. Мне кажется, что так, как объясняет российский военный и гражданский истеблишмент эту ситуацию, напоминает известный афоризм Козьмы Пруткова: «Если на клетке со словом «тигр» ты видишь слово «буйвол», то не верь глазам своим». Естественно, лично у меня, возможно, я плохой патриот, но у меня вера в ОБСЕ больше, чем господину Дмитрию Киселеву и Владимиру Соловьеву. Я хотел задать вопрос господину Бому. В Соединенных Штатах прошли недавно выборы, и президент Обама, Демократическая партия потерпели сокрушительное поражение, на мой взгляд. Как вы считаете,

будет ли изменена политика Соединенных Штатов ввиду того, что Россия опять нарушила Минские договоренности, и Украина наконец получит ту материальную помощь, на которую она рассчитывает ввиду очень трудной экономической ситуации? Или господин Обама опять призовет всех к миру?

Майкл Бом: После выборов всегда, даже несколько месяцев до этого законопроект о поставке оружия Киеву был в разработке. Сейчас еще больше шансов на это. Другое дело – какой толк от этого. Что украинская армия будет делать с этим оружием – это вопрос. Надо полностью реформировать украинскую армию. Это дело не одного года, не двух лет. Помните, как американцы пытались реформировать иракскую армию. Американцы вбухали 20 миллиардов долларов в 2011 году, чтобы американские войска ушли и чтобы иракская армия могла бы воевать без американцев. Не было никакой иракской армии. Я думаю, что то же самое будет с Украиной. Конгрессмены проголосуют за этот законопроект, думаю, что будет поставка оружия, но что украинская армия будет с этим делать? Многие считают, что сразу украинцы будут продавать это оружие. Американцы должны понять, что нет военного решения этого конфликта, особенно против России. Украина никогда не выиграет это войну, надо только политическим путем. Можно поставить галочку, но это бессмысленно, американское оружие Киеву не поможет. Это мимо цели, мимо кассы.

Елена Рыковцева: Пугаются люди, которые не хотят войны, они пугаются от этих сообщений, что снова идут через границу, и каждый раз боятся, что это начало большой войны. Каждое сообщение о новом вбросе вызывает такие мысли, что, не дай бог, втянутся еще и другие страны в эту войну. Люди на свое правительство способны ли воздействовать, чтобы оно не допустило этого, не ввязывалось в эту авантюру? Николай из Воронежа, здравствуйте.

Слушатель: Хотелось бы узнать, почему при всех современных возможностях у НАТО, у ОБСЕ нет ни одного снимка перемещения российских войск и, тем более, перемещения военной техники?

Майкл Бом: Снимки были. НАТО показывала снимки в прошлый раз. Все сводится к доверию. То, что украинская армия плохо воюет, – это факт, это надо учитывать, надо что-то с этим делать. Американская армия иногда тоже мимо цели, но у них хотя бы оружие сводится к минимуму, а украинская армия воюет как российская армия 1992 года, то есть плохо воюет. Реформировать украинскую армию – это дело многих лет. Я надеюсь, что конфликт будет решен раньше чем через 10 лет.

Роман Цимбалюк: Не расстраивайтесь, Майкл, украинская армия научится это делать намного быстрее. По поводу того, что вы сказали, что нет военного решения, вы как гражданин Америки можете думать, есть оно или нет. Но я хочу сказать, что это украинская земля, это наша страна, и мы свою страну будем защищать тем, чем можем, поможете вы нам военной техникой или не поможете. Украина входит в десятку мировых экспортеров вооружения, есть у нас проблема сейчас со связью, с военной разведкой, с прицеливанием, дальномеры, тепловизоры, все остальное. Есть проблемы со снабжением, все понятно. Это, наверное, многих удивит, но Украина никогда не готовилась к войне. У нас 23 года занимались расформированием армии. Сейчас ситуация изменилась. Нам все равно, сколько вы тренировали иракцев, нам все равно, сколько вы потратили на них денег. Есть такое интересное выражение, которое я услышал в Москве, к сожалению, оно не сработало. Один историк российский мне говорил, что никогда не будет ввода российских войск в Украину. Я говорю: «Почему ты так уверен?» – «Потому что вы такие же, как и мы. Украинский солдат умеет так же воевать и умирать, как российский». По-моему, это ключевой момент. Если вы думаете, что российский солдат грамотнее и умнее украинского, – это не так. Возможно, на данном этапе у него есть какие-то технические преимущества. Единственное – я не могу понять любого гражданина Российской Федерации: зачем ему эта Украина. У вас есть своя громадная страна, занимайтесь ею, у вас есть все возможности. Поможете вы нам, не поможете, очевидно, страны Запада по каким-то позициям уже помогают, если Российская Федерация собирается под видом ополченцев, марсиан или каких-то космонавтов захватывать Киев, я вам могу сказать, что эти люди, которые на самом деле будут являться российскими солдатами, они будут бояться отойти за угол, потому что их везде будет ждать смерть.

Майкл Бом: Роман, ваша версия очень романтичная – мы будем до конца, до победного. Но есть один упрямый факт – Россия является стороной конфликта. Они отрицают это, но это факт. Украина не может победить, Украина слишком маленькая, армия слишком убогая, российская армия слишком большая и лучше подготовлена.

Елена Рыковцева: Вы считаете, что если будет настоящая серьезная война между Россией и Украиной, Украина будет воевать с Россией одна?

Майкл Бом: Я не представляю, как США будут воевать, Обама много раз говорил, что мы не пошлем свои войска. Оружие – да, но я говорил, что это бессмысленно. Зачем России Украина? Это другая проблема. В России исходят из того, что Украина наша, и всегда исходили из этого. Это самая большая проблема.

Роман Цимбалюк: После этих событий ситуация сильно изменится, она уже меняется.

Елена Рыковцева: Мы не договорили, я от себя скажу. Конечно, есть фотографии, конечно, есть снимки, есть колонны, но там нет такого, чтобы большими буквами сверху колонны, чтобы хорошо было видно спутнику, написано: эта техника принадлежит войскам, такой-то части, расквартированной там-то и там-то. Вам показывают эту колонну, эту технику, а вы говорите, что мы к этой технике не имеем никакого отношения, это не наше. Это российское, когда-то оставленное здесь, сепаратисты используют. Все. Это действительно вопрос доверия. Снимки сейчас ничего не решают и ничего не доказывают.

Слушатель: С трибуны ООН заявляют, и ни одного снимка.

Елена Рыковцева: А вы смотрели заседание?

Слушатель: Неужели это так трудно, такая технически невыполнимая задача? Я видел эти снимки – это ерунда.

Елена Рыковцева: Вы видели эти снимки и считаете их ерундой, на этом вопрос закончен. Так же видит российская сторона снимки, которые ей предъявляют в отчетах, на заседаниях. Российская сторона говорит: это все ерунда, это не наше. Да, я вижу колонну какую-то, а кто вам сказал, что это наша колонна? Сейчас на экране в нашей студии мы видим кадры в YouTube, которые по мнению тех, кто их снимал, демонстрируют движение российской военной техники по территории Донецкой и Луганской области. Это свидетельство документальное с точки зрения тех, кто их выложил. Если их показать российской стороне на каком-то заседании, они скажут: и почему это, что это? Почему наши?

Роман Цимбалюк: Допустим, это может быть территория Российской Федерации. На заседании ООН русские представители сказали, что на территории Российской Федерации мы можем двигать наши войска так, как мы хотим. Тогда я вам отвечу, что на территории Украины мы тоже можем двигать войска так, как мы хотим.

Елена Рыковцева: Сегодня тоже меня зацепила эта фраза, они говорят: да, силы ДНР укрепляются, приводят войска в боевую готовность, потому что силы Украины двигаются. Но при чем тут РФ?

Роман Цимбалюк: Мое личное убеждение, что нет никакой ДНР, ЛНР и никакой Новороссии, все эти аббревиатуры держатся на российских штыках. Люди, которые им сильно сочувствуют, я единственное им могу пожелать: пусть эти люди придут к вам домой и из вашей кухни, спальни или зала начнут стрелять по комнатам, тогда вы посмотрите, как это весело.

Российским слушателям наверняка должно быть интересно. Дело в том, что украинские вооруженные силы тоже сбивают беспилотники. Почему у ополченцев, правильно говорить боевиков, новейшие российские беспилотники, как же они туда прилетели? В украинской армии их в принципе нет. Кто их там потерял? Майкл говорил, что очень долго военному делу учиться, кто-то же ими управляет, а они летают над Мариуполем постоянно. Все понятно.

Майкл Бом: Для меня очень интересен момент, какой процент россиян верит в эту байку, что да, воюют, но только добровольцы. Был опрос общественного мнения недавно, по-моему, 29 % верит, что добровольцы воюют. Это очень низкий процент, если это так.

Роман Цимбалюк: Что мы хотим выяснить – есть ли российские войска или добровольцы? По факту что меняется? И те вооружены. Если граждане России думают, что украинцев убивают неофициально, то это что-то меняет? Нет, это ничего не меняет, потому что так называемые добровольцы делают ту же самую грязную работу.

Елена Рыковцева: Наверное, это что-то меняет в реакции мировой общественности.

Майкл Бом: Это попытка говорить, что мы ни при чем.

Елена Рыковцева: На международном уровне это, конечно, меняет.

Роман Цимбалюк: Дело в том, что по уставу ООН, если я не ошибаюсь, пункт четвертый, классификация агрессии, направление иррегулярных вооруженных групп – это так же рассматривается агрессией одной стороны против другой. Поэтому все ясно.

Елена Рыковцева: Спасибо всем вам за участие в передаче и до новых встреч.

Если бы Путин применил это к себе

Ведущий: …Сегодня с утра мы открыли газету «New-York Times», колонку «Мнение». И нашли там статью Владимира Путина – это как бы российский призыв к осторожности.

Майкл Бом: Призыв к миру, к международному праву.

Ведущий: Так или иначе, призыв к осторожности, к миру. Статья Владимира Путина, которая призывает Барака Обаму накануне решающего голосования в Конгрессе и вообще принятия важных решений [по Сирии] быть осторожным. У нас в гостях обозреватель Майкл Бом. Мы обсуждаем это обращение Путина к американским гражданам, к американскому президенту. И, наверное, начнем с конца. Конец поразил, конечно, потому что вот что пишет президент: «Есть большие страны и малые страны, богатые страны и бедные страны, страны с давними демократическими традициями и те, которые только ищут свой путь демократии. Наши политики также отличаются, мы все разные, но когда мы просим благословения Господа, то мы не должны забывать, что Господь создал нас равными». Это из кого цитата? Это дух отцов-основателей?

Майкл Бом: Да, наш.

Ведущий: Это Джефферсон, или кто это?

Майкл Бом: Да, и Джефферсон, и другие. Это основа основ у нас.

Ведущий: Вот именно эта фраза, она вот такая очень американская, да?

Майкл Бом: Да, но хорошо было бы, если бы Путин применял это к себе.

Ведущий: Вообще вот такого рода статьи в иностранных средствах массовой информации, не интервью, а именно статьи за собственной подписью, насколько это принято, скажем так, публиковать в «New-York Times», «Washington Post» и других ведущих газетах?

Майкл Бом: Это достаточно распространено. Может быть, раз в каждые два месяца какой-то мировой лидер пишет. Здесь ничего особенного нет. Советские лидеры не писали. Единственное, что мне приходит на память, это январь 1988 года, опять же не статья, а книга «Новое мышление для России» была одновременно издана американским издательством, не помню каким, а в России это был «Прогресс». Она была издана на русском, английском языках, автором был Михаил Сергеевич Горбачев. После этого Ельцин не писал, а Владимир Путин…

Ведущий: А кстати, Горбачев часто пишет.

Майкл Бом: Сейчас, после отставки, конечно. А вот Владимир Путин написал только за последние годы, я перечисляю: 2009 год – перед визитом в Польшу, 2010 год – перед визитом в Германию, 2011 год – в американский журнал про охоту и рыбалку, про то, что он любит животных. В 2012 году он написал целых две предвыборных статьи: первая в «Washington Post»: «Мое видение будущего в России» и «Владивосток 2012 – новая российская повестка для АТЭС». То есть сразу две статьи, и вот теперь в 2013 году… Причем на безупречном английском языке, как ни странно.

Ведущий: Я думаю, все-таки у него есть корректоры, которые поправляют. Насколько вообще подобная статья имеет значение? Грубо говоря, Обаме это ляжет на стол или нет?

Майкл Бом: Он уже увидел, я уверен. А какое влияние, – я думаю, что маленькое. Я думаю, что американский народ все уже решил и без Путина. Это просто лыко в строку. Американский народ не очень поддерживает стратегию, вообще политику Обамы и эту стратегию в том числе. Поэтому влияние одной статьи, конечно, маленькое. Но американский народ вообще не очень поддерживает Обаму.

Ведущий: Ну как же? Голосовали же.

Майкл Бом: Это было давно. Я имею в виду, он не внушает особого доверия в качестве военного лидера, понимаете. Его приоритет – это внутренняя политика Америки, это здравоохранение, это безработица. А как лидер войны он совсем не внушает доверия. Поэтому я говорю, что предложение России, – хотя это не совсем предложение России, это Обама сам предложил давно, все забыли об этом, – это как манна небесная для Обамы. Это лучший выход для него из создавшегося положения.

Ведущий: Как раз сейчас российские средства массовой информации, в особенности государственные, говорят о том, что это была гениальная идея Путина, высказанная в кулуарах саммита большой двадцатки в Петербурге, об установлении международного контроля и даже о передаче всего химического оружия под наблюдение неких международных сил, в которые войдут войска ООН, и войдут российские наблюдатели, и американские.

Майкл Бом: Это гениальный ход, да, это очень хитрый ход. Это западня.

Ведущий: Почему? Кстати, в своей статье Путин продолжает на этом настаивать.

Майкл Бом: Смеется тот, кто смеется последним. А вы видели улыбку Путина в Питере? Есть причина – просто он создал эту западню, и Обама попал в эту западню.

Ведущий: Почему попал-то? А почему не может быть чистой политики? Почему не может быть такого, что у одного лидера рождается замечательное предложение, или у Министерства иностранных дел, которое вот так помогает всем найти общий выход? Знаете, как бывает, когда хороший адвокат помогает супругам сохранить семью, а вовсе не разводиться.

Майкл Бом: А кто клиенты? Мировой изгой и убийца – вот в чем дело.

Ведущий: Вы имеете в виду Асада?

Майкл Бом: Да, конечно.

Ведущий: По поводу Асада, кстати, тут тоже сказано очень четко, что мы его не поддерживаем, мы не хотим войны, мы не поддерживаем Асада. Тоже очень четко было сказано в этой статье.

Майкл Бом: Только вы снабжаете его оружием.

Ведущий: Уже не снабжает.

Майкл Бом: Что я хочу сказать? Идея хорошая, но что мы ожидаем? То же самое, что в Ираке. То есть эти инспекторы будут бегать налево-направо 10 лет, и Асад будет просто смеяться над Обамой, над Америкой, и он тем самым будет выигрывать время. Он останется у власти, и я думаю, что российское оружие продолжит ему поступать после этого. Это огромная передышка для Асада, это то, что ему нужно.

Ведущий: Ну, может, сирийцы и заслужили своего Асада, главное, чтобы они не травили друг друга, как тараканов. Насколько я понимаю, места дислокации химического оружия известны, количество известно. Над этим работали как минимум три разведки: американская, российская и французская.

Майкл Бом: Можно я поймаю вас на слове – сирийцы заслуживают Асада. Сирийцы – это кто? 90 % сирийцев – это какая национальность? Это какая этническая группа, вы знаете? Это не алавиты, алавиты это 10–11 процентов. Все остальное заслуживает этого? Они заслуживают всех его преступлений против человечества? Они заслуживают то, что вначале была мирная акция, а ее встретили огнем. Поэтому я не согласен, полностью не согласен с этим.

Ведущий: То есть вы считаете, что предложение Путина о международном контроле над химическими вооружениями дает свободу Асаду во всех остальных сферах подавления оппозиции?

Майкл Бом: Ему удастся дурачить весь мир, как делал Хусейн. Это будет очень веселая игра, но только за счет Обамы. Но Обама, я уверен, пойдет на это, потому что ему это нужно. Он не хотел военной операции.

Ведущий: Он сказал «not American boots», то есть наземных сил не будет, сапог не ступит. А беспилотники, крылатые ракеты в понятие «сапога» не входят?

Майкл Бом: Нет, «сапоги» – это войска на земле.

Ведущий: Вот как интерпретировать слова Обамы, что американский сапог не ступит на сирийскую землю? Это значит, что буквально наземные войска не вступят, а ракеты не входят в понятие и беспилотники могут летать?

Майкл Бом: Да. Он этого не хочет. Вообще он понимает, что это осиное гнездо, и он не хочет трогать осиное гнездо. И вдруг Россия дала ему такой золотой выход. И он, я вас уверяю, ухватится за это. Понимаете, ему нужно три года. Эти верификация и поиск химического оружия займет не три года, а 10 лет.

Ведущий: Сегодня уже заявили, что анализ проб, сравнение…

Майкл Бом: Особенно во время войны, понимаете.

Ведущий: Сегодня встречаются Лавров и Керри, и они взяли с собой по 15–20 экспертов, которые когда-то разрабатывали химическое оружие и понимают в нем толк. Они будут анализировать данные, которые были получены всеми разведками, то есть министры уедут, а эти эксперты останутся в Женеве. То есть это действительно может быть очень длительный процесс.

Майкл Бом: И сложный, и я вас уверяю, что у Асада будет заначка, хорошая заначка на всякий случай, потому что химическое оружие ему позарез нужно.

Ведущий: Почему?

Майкл Бом: Против оппозиции и против Израиля – это его единственный козырь. Только наивный человек думает, что Асад на всякий случай не оставит себе химическое оружие, это будет очень хорошая заначка.

Ведущий: Но Асад прекрасно понимает, что есть запретные слова на мировом политическом языке. Таким запретным словом является химическое оружие, таким запретным слова является изготовление ядерной бомбы.

Майкл Бом: И что? Это ему не мешало несколько раз применять.

Ведущий: Понятно, что произнеся эти запретные слова, совершив эти два действия, человек обрекает себя на то, что по нему рано или поздно будет нанесен какой-то удар, ракетный или наземный.

Майкл Бом: Пока у нас Обама, ударов не будет.

Ведущий: Судьба Саддама Хусейна тому свидетельство.

Майкл Бом: Асад видит Обаму насквозь, и Путин видит. Это гениальный ход, не будет ударов, Обама не Буш. Обама ищет любой повод, любую отговорку, чтобы не бомбить. И он это получил.

Ведущий: Насколько Обаму сдерживает звание лауреата Нобелевской премии мира?

Майкл Бом: Он сам говорит, что я особо не заслуживаю. Но он точно не будет заслуживать, если будет бомбардировка, я вас уверяю. И это его смущало в Ливии, но тогда Россия его поддерживала, или, во всяком случае, воздержалась. Поэтому это как бы спасло его лицо, но теперь у него нет особой поддержки ни дома, ни в Конгрессе, ни в мире.

Ведущий: Но с другой стороны, если Обама воздержится от любых акций против Сирии, сможет ли он получить титул президента-миротворца, как в свое время был Картер, допустим?

Майкл Бом: Нет, я еще раз говорю, что каждый вариант плохой. То есть его будут обвинять в том, что он ничего не сделал и гражданская война продолжается. А если из-за его бездействия будет, не дай Бог, еще одна атака химического оружия Асада, то тогда вообще репутация Обамы будет подмоченной. Я говорю, что каждый вариант плохой. Он попал в такую ситуацию, что его будут критиковать и за бездействие, и за действия.

Ведущий: Хорошо, а министр обороны гораздо радикальнее, чем Обама? Или он поэтому был назначен недавно, потому что он тоже из тех генералов, которые меньше всего хотят войны? Тем более что он не генерал.

Майкл Бом: По-моему, он придерживается линии Обамы. Он понимает, что военная акция военной акции рознь.

Ведущий: Просто мы видели в ситуации Буша и Рамсфельда, что Рамсфельд вместе со Скутером Либби были гораздо правее, чем Буш, и они понуждали его на многие действия, которые, может быть, Буш не хотел совершать. В этом смысле у администрации Обамы есть силы, которые правее его, и могут вынудить его на определенные действия?

Майкл Бом: Маккейн точно правее.

Ведущий: А в команде Обамы?

Майкл Бом: В команде не знаю. Я знаю, что Райз очень жестко высказалась, Саманта Пауэрс очень жестко сказала, но это слова. Я думаю, что все понимают, что все варианты плохие. Это даже не Ирак, – это не то что не Ливия, это гораздо сложнее, чем даже в Ираке. Поэтому я не думаю, что даже Маккейн не понимает до конца, какие последствия будут, если будет массовая атака. Обама хочет чуть-чуть побомбить и вернуться домой, но так не бывает. То есть он хочет отчитываться, галочку поставить, что я что-то сделал, давайте будем говорить о здравоохранении и о безработице.

Ведущий: И в этом смысле Путин ему очень помог, вы считаете?

Майкл Бом: Очень помог. Путин сам себе помог и Асаду, потому что я еще раз говорю, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. И Путин будет долго смеяться, и, особенно, Асад. Это очень хитрый, умный ход, и Путин молодец в этом смысле. Но все это не очень хорошо для США и сирийского народа.

Ведущий: Спасибо. С Майклом Бомом мы обсуждали обращение Путина к американцам в связи с событиями в Сирии, в которой он использовал цитаты из отцов-основателей Соединенных Штатов.

Россия-США: перезагрузке конец?

БАБАЯН: Добрый вечер. В студии Роман Бабаян. Говорить сегодня мы будем о взаимоотношениях между Россией и Соединенными Штатами.

Вначале несколько цитат. Цитата первая: «Нам уместно взять паузу, посмотреть, в каком направлении движется Россия, каковы наши интересы, и так отрегулировать отношения, чтобы мы делали то, что хорошо для Соединенных Штатов, и, возможно, для России». Это заявление Барака Обамы. Он заявил об этом в тот момент, когда отказался прилететь в Москву для встречи с Владимиром Путиным.

И вторая история. Это уже цитата американского посла Майкла Макфола, который на фоне вот таких заявлений своего президента и на фоне многих других событий вдруг заявил о том, что он заканчивает свою дипломатическую карьеру, возвращается в Соединенные Штаты, где будет по-прежнему преподавать в университете. При этом его досрочный возврат – это его собственное решение. Майкл Макфол объясняет это следующим образом (еще одна цитата, как и обещал): «Своим главным провалом я считаю то, что мы, Россия и Соединенные Штаты, не смогли продемонстрировать лидерство в сирийском вопросе три года назад». Вот такая интересная фраза. Мы еще об этом поговорим, потому что эту фразу можно трактовать…

БОМ: Это первая часть. Потом он сказал, что он не смог развеять миф о том, что американцы делают «оранжевую» революцию в России.

БАБАЯН: Да, совершенно верно. И это был Майкл Бом, редактор отдела «Мнения/Комментарии» газеты «The Moscow Times». Второй наш гость – это Сергей Константинович Ознобищев, директор Института стратегических оценок, профессор МГИМО.

Итак, Майкл, давай попробуем начать с тебя. Вот смотри, значит, мы имеем вот такое заявление президента Соединенных Штатов. Помимо заявления, мы еще имеем определенные действия, которые были произведены Соединенными Штатами. Ну, допустим, тот же самый отказ от встречи с президентом. Потом достаточно странная реакция Соединенных Штатов на Олимпиаду в Сочи.

И такое вот заявление американского посла, его ускоренный возврат на родину. Это говорит о том, что действительно отношения между Москвой и Вашингтоном сегодня не очень хорошие, а, как говорят многие эксперты, отношения эти находятся на грани «холодной войны».

БОМ: Был маленький период перезагрузки, но очень маленький период. Это когда Медведев был президентом, и это неслучайно, что именно потепление было при Медведеве. Как только Путин пришел к власти – все, перезагрузка закончилась.

БАБАЯН: Закончилась.

БОМ: Но я хочу одно уточнить: что до того, как Обама отказался от визита в Россию, Путин отказался от визита на «Восьмерку» в Америке, вы помните это. Это маленькое уточнение. Я не связываю эти вещи, я не думаю, что Обамой это в отместку было сделано. Но просто вы сказали, что как будто первый Обама отказался – это не совсем так.

БАБАЯН: Хорошо. Вот так если попробовать охарактеризовать отношения между Россией и Соединенными Штатами, они хорошие или плохие сейчас?

БОМ: Неважные.

БАБАЯН: Твое мнение, кто в этом виноват?

БОМ: Если честно, я считаю, конечно, обе стороны хороши, как известно в классике, но я думаю, что Россия более виновата, потому что эта мощная антиамериканская пропагандистская кампания, которая разворачивалась после прихода Путина, – это, конечно, очень сильно испортило отношения между странами. И я думаю, что это играло не последнюю роль в решении Макфола уехать. Он сослался на семейные обстоятельства.

БАБАЯН: Семейные обстоятельства – удобная история, на которую всегда можно сослаться.

БОМ: Очень удобная. Но мне кажется, что ему надоело, его достало все это, понимаете? Он сказал в этом интервью, что он не мог развеять миф об «оранжевой» революции.

БАБАЯН: О том, что американцы хотят все время сделать как можно хуже России, в том числе организовать «оранжевую» революцию. Не смог развеять миф, и поэтому…

БОМ: Конечно. Понимаете, это как из советского времени: я один, а вас много. Он пытался, у него было много подписчиков в «Twitter», он был очень популярен. Может быть, это одна из проблем, почему он не нравился Кремлю. Но Макфол не мог ничего сделать против этой пропаганды, против Первого канала, Второго канала, «НТВ», «Рен-ТВ», когда каждый день говорят, что он шпион, что он агент, что он финансирует оппозицию, что он делает «оранжевую» революцию, что он специалист по «оранжевым» революциям, понимаете?

БАБАЯН: Человек не выдержал и сказал: «Все, поеду обратно я в Америку, к семье, сошлюсь на семейные обстоятельства, просто

буду заниматься любимым делом – читать лекции студентам».

БОМ: Это нечестная игра, это подлая игра, понимаете? Он дипломат, он известный академик. Сколько можно выдерживать? Это ниже плинтуса.

БАБАЯН: Хорошо. Сергей Константинович, вот смотрите, мы имеем такую ситуацию: американский посол уезжает, потому что его просто затравили, как говорит Майкл. Как вы думаете, отношения России и Соединенных Штатов сегодня действительно находятся на грани «холодной войны»? Может быть, это одна из причин, почему американский посол покинул нашу территорию?

ОЗНОБИЩЕВ: Во-первых, совет на будущее. Нельзя выбирать в качестве посланцев своей великой державы людей, которые заведомо имеют, если говорить журналистским языком, негативный имидж, независимо от того, какой он замечательный академик, признанный. Я его сам очень люблю, уважаю. Но человека, которого считают автором «оранжевых» революций, присылать в такой острый период общественно-политических дискуссий, которые развернулись здесь…

БОМ: В чем негативный имидж? Я не понимаю.

ОЗНОБИЩЕВ: Привозить не надо было этого человека, надо было другого привезти. Вот и все, понимаете? Надо было другого найти, более нейтрального.

БОМ: Я не согласен. Я категорически не согласен с вашим заявлением о том, что не надо было посылать Макфола. Понимаете, ублажать капризы Кремля… Понимаете, это все равно что не посылать, я не знаю, допустим, посла-афроамериканца, потому что им не нравятся афроамериканцы. До какой степени надо ублажать капризы той страны? Он – ведущий специалист по России. Да, он изучал вопрос «оранжевых» революций.

БАБАЯН: Книги про революции писал, да.

БОМ: С научной точки зрения.

БАБАЯН: С научной точки зрения, да. Это значит, что он в этом очень хорошо разбирался, Майкл.

БОМ: Это все равно что сказать, что он написал книгу о нацизме, он – нацист. Это абсурд.

БАБАЯН: В этом плане – да.

БОМ: Путин может написать книгу «Как создавать вертикаль власти».

ОЗНОБИЩЕВ: На самом деле, согласитесь, что вешать всех собак на Москву, российскую политику и Путина – это, мягко говоря, сильное преувеличение.

БОМ: Не всех собак, а самых злых собак.

БАБАЯН: Хорошо, самых злых. Майкл, такой вопрос. Я просто хочу понять, скажите, почему такое странное отношение к нашей Олимпиаде у американцев? Если они такие все из себя объективные ребята.

БОМ: Почему Обама не приехал? А он приезжал на другие Олимпиады?

БАБАЯН: Я не помню, я не следил за его перемещениями.

БОМ: По-моему, нет. Поэтому ничего личного. Понимаете, это гипертрофированно все, эта обида, что это против России.

БАБАЯН: Не в этом дело. Я имею в виду создание общей атмосферы вокруг той же самой Олимпиады. Огромное число публикаций накануне Олимпиады, и все издания исключительно только американские, в лучшем случае только Канада и Британия, и во всех этих статьях журналисты, просто мэтры журналистского сообщества, люди, которые всегда были объективными, и вдруг они начинают писать какую-то ерунду про то, что происходит в Сочи. Читаешь и думаешь: «Ну что это такое?».

БОМ: Инструкции Госдепа, да?

БАБАЯН: Нет-нет-нет. Люди начинают это изучать, выясняется, что все фотографии не соответствуют действительности.

БОМ: Нет, не все.

БАБАЯН: Какие-то вещи там просто за уши притянуты. Это называется «создание соответствующей атмосферы». Вот я хочу понять – зачем?

БОМ: То есть это кампания по дискредитации светлой России, пушистой и белой России? Этого не было.

БАБАЯН: Майкл, я не сказал, что мы пушистые. Я, как гражданин России, и Сергей Константинович, и ты в том числе, как человек, который отлично достаточно давно здесь живет, – все мы знаем о многих наших недостатках, но зачем создавать эту

атмосферу на фоне Олимпиады?

БОМ: Рома, ты же журналист. Ну не надо… Ты – не красная девица, ты журналист, ты понимаешь, что когда ты журналист, ты будешь писать о хорошем и о плохом.

БАБАЯН: 100 %.

БОМ: Россия очень наивна. Либо хорошо, либо ничего – так не бывает. Понимаете, с одной стороны, Россия говорит, что мы вышли на новый уровень, посмотрите на нас, мы встали с колен (но это было давно). А когда, действительно, смотрят на Россию и пишут о плохом – это некорректно получается?

БАБАЯН: Хорошо, Майкл, с Олимпиадой все понятно. Теперь вот о чем. Взять наши отношения с 90-х годов, с того момента, когда Россия стала существовать как самостоятельное государство после распада СССР. Действительно, ведь когда на карте мира появилось государство Российская Федерация, мы были уверены, что теперь «холодная война» закончилась: она велась с Советским Союзом, а теперь Советского Союза нет, значит, к нам должны нормально относиться. Мы были готовы на сотрудничество абсолютно со всеми, в первую очередь – с Соединенными Штатами. Воспринимали их уж точно как партнеров, чуть ли не самых ближайших партнеров, и что мы потом получили, Майкл?

БОМ: Потом – это когда?

БАБАЯН: А вот за эти годы.

БОМ: 90-е?

БАБАЯН: Но не только, вот и за 2000-е. Давай поэтапно, что мы получили. Мы поняли, что нас по-прежнему никто партнерами считать не хочет. Почему? Потому что нам говорили: «Ребята, так как Советского Союза нет, можете больше не опасаться, допустим, такого военно-политического блока, как НАТО, во главе которого стоят Соединенные Штаты». А на следующий день, я образно говорю, мы узнаем о том, что НАТО планирует расширяться на Восток. И расширилась на Восток. Более того, за счет бывших республик Советского Союза. НАТО напрямую подошла к нашим границам. Нам это не понравилось.

БОМ: В чем опасность?

БАБАЯН: Опасности никакой нет.

БОМ: Политической или военной?

БАБАЯН: Военной – никакой, потому что я всегда говорил, что подлетное время ракеты, которая вылетит, я не знаю, в случае необходимости с той же самой натовской страны под названием Норвегия, если ее туда привезти, ровно такое же, как, допустим, с территории…

БОМ: Опасности нет?

БАБАЯН: Военной нет.

БОМ: Так в чем проблема? Щелчок по самолюбию?

БАБАЯН: Нет, Майкл, вот я тебе говорю: «Майкл, мы теперь – братья навек, мы с тобой партнеры, все отлично», – и вдруг на следующий день узнаю, что ты что-то такое сделал, поселил рядом со мной, прямо в соседней квартире каких-то непонятных ребят, которые в любой момент могут ворваться в мою же квартиру, если ты им прикажешь. Понимаешь? Мне это как-то не очень нравится.

БОМ: НАТО не такие ребята. Ваша аналогия не работает.

БАБАЯН: Ну как не работает? Работает. Ты же понимаешь, о чем я говорю.

ОЗНОБИЩЕВ: Она работает на территории всей нашей страны.

БАБАЯН: Если мы договорились, что мы теперь партнеры, то какого черта идти к нашим границам? Идем дальше. Договор по ПРО от 1972 года. Ты помнишь, сколько было переговоров?

БОМ: Да.

БАБАЯН: Просто огромное число переговоров. И мы летали, и вы прилетали, и так далее. И вдруг американцы принимают решение выйти из договора по ПРО 1972 года, и это был только первый шаг. Вторым шагом было развертывание очередного позиционного района, и опять где? И опять здесь. И нам говорят: «Ребята, мы разворачиваем ПРО только потому, что мы опасаемся корейских и иранских ракет». А наш президент говорит: «Слушайте, подождите, зачем вы это делаете? Зачем? Мне сложно будет объяснить нации, что вы действительно боитесь иранских и корейских ракет, – их у них нет, носителей нет».

БОМ: Опять, Рома, вы показываете, насколько России нужен образ врага. Вы сейчас в вашем заявлении прекрасно показываете, что НАТО – это криминальные соседние ребята, что ПРО угрожает России. Это все нужно России, чтобы создать этот образ

врага.

БАБАЯН: Майкл, дорогой, я говорю про НАТО не просто так. Потому что я, например, не понимал, почему в 1999 году нужно начинать военную операцию против Югославии, и вся моя страна этого не понимала.

БОМ: Югославия – не Россия.

БАБАЯН: Тем не менее, НАТО во главе с Хавьером Солана это сделала. Это достаточно агрессивный военный блок.

БОМ: Это ложный посыл, что вчера бомбили Югославию, завтра Россию.

БАБАЯН: Ну хорошо. Нет, Россию никто бомбить не будет. У нас, слава богу, есть чем защищаться.

БОМ: Тогда в чем проблема?

БАБАЯН: Проблема в том, что так партнеры себя не ведут. Если мы договариваемся, что мы больше не предпринимаем никаких активных действий в отношении друг друга, то, наверное, мы не должны их предпринимать. Я не ошибаюсь, Сергей Константинович?

ОЗНОБИЩЕВ: Вы, Роман, к сожалению, ошибаетесь. Потому что и Майкл сейчас идет по проторенной дороге, такой широкой вытоптанной тропинкой, по которой ходят журналисты, политологи, политики десятилетиями. И все это такое индивидуальное или массовое лекторство, повторение одних и тех же аргументов и нежелание прислушаться, понимаете? Если вы партнеры, вы – великая страна, предположим, вы такой себя считаете. Мы тоже великая страна, мы такой себя считаем. Мы о чем-то таком договариваемся, у нас есть свои представления об окружающей действительности, об устройстве мира, об устройстве политики с соседями, об угрозах и так далее.

Мы разные немножко, понимаете? Черные, китайцы, еще другого цвета и совсем бушмены. Но вы хотите дружить, вы хотите быть партнерами. Значит, вы будете бушменам сейчас навязывать сейчас парламент, еще что-то, все, как у нас – не получится. Поэтому вы должны немножко проникнуться теми ценностями, которыми думает, которыми дышит ваш партнер. Это называется партнерское поведение.

БОМ: Духовные скрепы, те самые.

ОЗНОБИЩЕВ: Нет-нет-нет. У вас свои скрепы, у нас свои. Ну что мы будем со своим уставом, как вы любите говорить, в чужом… Не надо. Но если вы партнеры, значит, вы подумайте о последствиях каждого своего шага.

БОМ: Но мы и конкуренты одновременно. В этом вся проблема, что мы – жесткие конкуренты и на мировой арене.

ОЗНОБИЩЕВ: А почему мы – жесткие конкуренты? Почему, во-первых, конкуренты? Все конкуренты: вы с японцами, мы еще с кем-то. Но почему жесткие-то? Жесткие – это значит, мы договариваться не можем? Да мы можем договариваться и договариваемся.

БОМ: Российско-американские отношения никогда не станут, допустим, американо-французскими отношениями.

ОЗНОБИЩЕВ: Почему?

БОМ: Потому что французы не обиженные. Потому что Франция давно вышла из кризиса потерянной империи. Англия давно вышла из этого кризиса.

ОЗНОБИЩЕВ: Англия – нет, не вышла.

БАБАЯН: Англичане – не уверен.

ОЗНОБИЩЕВ: Они страшно переживают.

БОМ: Они переживают, но они смирились с реальностью.

ОЗНОБИЩЕВ: Не смирились.

БОМ: Я понимаю, что 20 лет – очень маленький срок. Но в этом вся проблема, как Шурик сказал: «Чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями».

БАБАЯН: С нашими возможностями.

БОМ: Но не совпадают.

ОЗНОБИЩЕВ: Не совпадают. Если вы хотите партнерствовать, вы, значит, прощаете нам эти слабости наши. Мы будем смотреть тоже мягко на ваши слабости. Вы считаете себя мировой державой, куда-то вмешиваетесь, но надо соблюдать определенные принципы и нормы.

БАБАЯН: Причем, Майкл, вот опять же справедливости ради, для чистоты, как говорится, диалога. Мы же неоднократно делали шаги навстречу. Вспомни Афганистан, 2001 год, трагедию в Соединенных Штатах. Мы тут же встали на вашу сторону. Говорим: «Ребята, что вы хотите? Мы вам поможем. Хотите разведданные? Хотите какую-либо другую помощь?» Вышли одним фронтом. Да, вот тут я действительно чувствовал, что мы партнеры. Проходит какое-то время – и опять.

У нас звонки. Послушаем наших слушателей. Добрый вечер.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый вечер. Я хотела сказать, что отношение такое, что Америка – это наш враг, так же этому способствовало то, что сейчас, именно в третий срок правления Путина, в последние годы, у нас очень сильно в России ухудшились условия жизни, расслоение между бедными и богатыми очень сильно увеличилось, и для среднего класса и ниже среднего жизнь очень сильно ухудшилась.

Очень многие люди говорят о том, что в Советском Союзе жизнь была лучше, перспективы были больше, но Советский Союз, как геополитический противник, был уничтожен Соединенными Штатами с использованием различных правомерных и неправомерных методов. В общем, этот противник был разрушен, прежде всего, волей Соединенных Штатов.

И, возможно, эта антиамериканская пропаганда не была бы так сильна и не так бы отзывалась в умах и сердцах людей, если бы сейчас не было вот этого постоянного отзыва к прошлому о том, что мы потеряли тогда возможность пойти хорошим курсом и жить хорошо.

БАБАЯН: Я понял.

СЛУШАТЕЛЬ: А вопрос такой. Вот мне пришлось в Америке побывать, я была в 2012 году в Калифорнии, правда, только в одном штате, я не могу за всю страну сказать. И я была удивлена количеству протестов. Америка, как мне кажется, более активная нация в плане высказывания своих мнений, и политических в том числе. Очень большое количество каких-то сообществ, люди на улицах какие-то листовки раздают, ноты протеста против политики президента Обамы, которую они называют захватнической, которую они называют истощающей внутренние ресурсы государства и так далее.

Вот в свете всего этого, как простые американцы оценивают сейчас отношения между Россией и Америкой? Спасибо.

БОМ: Очень интересные наблюдения, что она видела в Калифорнии. Калифорния – особый штат, потому что там и протесты, и очень много референдумов, там рекорд референдумов, это особый демократический штат. А в России, когда протестуют, это уже, понимаете, радикальная оппозиция, это пятая колона, это все приплачено госдепом…

БАБАЯН: Майкл, подождите про нашу оппозицию. Как американцы относятся к России и как они оценивают отношения между Соединенными Штатами и Россией? Они вообще об этом думают как-то, или им абсолютно все равно?

БОМ: Ну, сейчас, во время Олимпиады, не все равно. Россия сейчас на первом плане. Но в этом, я думаю, вся проблема, потому что в старые добрые времена в Америке думали о Советском Союзе каждый день, а сейчас изредка. Это очень обидно.

БАБАЯН: Американцам или нам?

БОМ: Вам, конечно.

БАБАЯН: Нет, мне нормально, честное слово. Мне кажется, что если вообще друг о друге забудем, тоже будет нормально, спокойно и вам, и нам.

БОМ: Лучше, чтобы мы работали вместе.

БАБАЯН: А это – да.

БОМ: И чтобы мы напоминали друг о друге постоянно в хорошем смысле.

БАБАЯН: В хорошем смысле.

БОМ: Самое главное, что Америка должна быть делом сотым, десятым, понимаете? Надо думать о качестве жизни в России. А до Америки далеко, понимаете?

БАБАЯН: Хорошо. Ты тоже согласен с тем, что это наши внутренние проблемы влияют на наше отношение к Соединенным Штатам?

БОМ: Это классический перевод стрелок.

БАБАЯН: Хорошо. У нас еще звонок. Мы вас слушаем, добрый вечер.

СЛУШАТЕЛЬ: Вечер добрый, здравствуйте. Я бывал в Америке, но я русский, живу здесь. Что всегда меня поражало – возьмете одну и ту же новость, как она освещается в мире, и послушайте эту новость в Америке – она совершенно другая. И то промывание мозгов, которое массированно идет там, вообще ни с чем сравнить нельзя.

Что мне там нравится? У них был великий президент Рузвельт, который в течение некоторого времени, будем говорить

минимального, одного-двух лет, сделал так, что…

БАБАЯН: К сожалению, связь прервалась, но я понял. Я тоже был свидетелем неоднократно, когда представители американских средств массовой информации преподносят новость диаметрально противоположным образом. Совершенно все не так, а вот рассказывается именно таким образом. И как-то все очень странно.

БОМ: Например?

БАБАЯН: Давай «например». Вот смотри, значит, вспоминаю 1999 год, когда мир должен был узнать о том, что вот-вот начнется военная операция против Югославии. Значит, задача какая стояла? Задача стояла сделать из сербов просто каких-то кровожадных людоедов, а Милошевич, чтобы он еще и албанских младенцев наутро на завтрак съедал.

БОМ: Чья задача?

БАБАЯН: А я не знаю чья, мы сейчас разберемся. А теперь я смотрю, как работают журналисты, допустим, американские. Делают они следующим образом.

БОМ: Как овцы, да?

БАБАЯН: Нет-нет, они делают следующим образом: они снимают – группа албанских беженцев уходит из Косова на территорию Албании. Они идут через горные перевалы, горными тропами, и они снимают девушку, которая идет с младенцем по снежной этой дороге, они снимают этого ребенка, закутанного в одеяло. Они показывают, как еще идет какой-нибудь старик, отец этой девушки, тащит какой-то тюк с вещами, и так далее.

Естественно, если нам с вами показать такую картинку, то о чем мы будем думать? Мы будем думать о том, что сербы просто негодяи из негодяев: они мирных людей выгнали. Но при этом они не показывали, как албанские боевики из Армии освобождения Косова напали, допустим, на сербов, которые жили недалеко от Грачаницы, это такой небольшой сербский анклав в двух шагах от Приштины. Семь человек, я лично сам это снимал, Майкл. Обычные крестьяне. Они что-то там делали, какие-то работы выполняли на поле. Боевики их всех убили. Вот если бы они еще показали и вторую картинку – у человека в Соединенных Штатах, наверное, другое какое-то мнение возникло.

БОМ: Хорошо, ваша теория: что американские частные компании вошли в сговор с Белым домом, или как? Ваше объяснение.

БАБАЯН: Мое объяснение, что работают все-таки так, как нужно.

БОМ: Да, очень хороший, яркий пример. Я согласен с тобой, что лучше, если бы их было меньше. Или вообще их не было. Но я тебя уверяю, что на каждый такой пример я могу приводить десять, двадцать, тридцать примеров, когда независимые СМИ разоблачают злоупотребления властью в Америке. Что у американцев секретные тюрьмы ЦРУ, что есть секретная база беспилотников, что есть злоупотребления Агентства национальной безопасности, и так далее. Поэтому давайте пошире смотреть, всю картину.

БАБАЯН: Хорошо. Ты считаешь, что все это частности, я понял.

БОМ: Это частности, и слава богу, что это в меньшинстве. Роль СМИ в Америке – это ключевая система сдержек и противовесов.

БАБАЯН: Ну, хорошо, все. Сергей Константинович, вот вы мне скажите, а действительно – почему мы все время так болезненно реагируем на какие-то заявления, действия Соединенных Штатов? Они – самостоятельная страна, мощное государство, богатая страна, имеют право отстаивать собственные интересы. Давайте мы просто активизируемся и будем каким-то образом отстаивать свои интересы. Но мы же все время реагируем, причем как-то очень болезненно.

БОМ: Я бы употребил слово «зацикленность».

БАБАЯН: Ну, может быть, и так.

ОЗНОБИЩЕВ: По сравнению с американской зацикленностью – наша такая маленькая, по-моему, и не такая значительная. Я согласен с тем, что нам надо сначала, как говорил наш один великий русский – обустроить Россию. Другой очень известный россиянин говорил о том, что надо вообще прибраться по России и посмотреть, как мы живем. И я считаю, что наши внутренние интересы – они первичны. Нам надо обустроиться, нам надо спокойно жить и не реагировать на многое из того, что мы считаем для себя вызовами.

И совершенно не заниматься глобальным, не вторить Советскому Союзу – заниматься, пытаться глобально противостоять: противодействием, еще чем-то таким. Но сотрудничать мы должны. Угрозы глобальны, извините, вы это прекрасно знаете, правда? Угрозы – общие. Мы – партнеры, мы должны вместе работать. И мы обречены на партнерство, хотя бы потому, что мы должны вместе уничтожить машину «холодной войны», которую мы создавали, на которую мы сейчас тратим огромные средства, которые могли бы потратить на строительство нашей мирной жизни.

БАБАЯН: Да. Слушаем звонки. Добрый вечер. Мы вас слушаем.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый вечер. По поводу просто отношений между российской элитой и отношения американцев самих к России и к русским, в том числе. Я считаю, что нет какого-то определенного отношения у рядового американца к России. Он также относится к ней, как и к любой другой стране, к любой, даже самой маленькой. Он не думает о том, как там… И зачем ему вообще относиться каким-то образом к России? Поэтому это мы просто себе здесь…

БАБАЯН: Дуем на воду?

СЛУШАТЕЛЬ: Ну да. Мы, наверное, дуем на воду в то время, как американцы заняты своим делом.

БАБАЯН: Хорошо, позиция ясна. Следующий звонок. Добрый вечер.

СЛУШАТЕЛЬ: Да, добрый вечер. У меня вопрос: пускай ваш гость назовет владельцев ФРС. Он знает, ваш гость, кто владеет ФРС? Все мы знаем, что это – частная лавочка.

БОМ: Кто владеет чем?

БАБАЯН: Федеральной резервной системой, Майкл. Над этим вопросом бьются уже давным-давно в Соединенных Штатах, не могут определить окончательного бенефициара – людей, которые реально получают выгоду.

БОМ: Кто владеет резервом? Масоны?

БАБАЯН: Майкл, ну, тебе лучше знать, я не знаю, потому что ваши неоднократно официальные лица говорили о том, что: «Мы точно не знаем и не можем, собственно, до сих пор определить, кто много лет тому назад организовал Федеральную резервную систему». Поехали дальше.

БОМ: Я хочу согласиться полностью с тем из звонивших, который сказал, что чем меньше Россия будет думать и будет помешана на Америке, чем больше Россия будет думать о коррупции, о внутренних проблемах – тем лучше. Посмотрите на Обаму. Обама говорит: «Хватит уже, нам надо решить наши внутренние проблемы». И Путин бы так вел себя.

БАБАЯН: Хорошо, я все понял. Я согласен с тобой абсолютно, что чем меньше мы будем говорить о том, что нам кто-то мешает, чем больше мы будем действовать единым фронтом, о чем говорил Сергей Константинович, – тем лучше и для нас, и для вас. Но мы видим, что просто не получается.

Мы наблюдаем каждый день какие-то новые повороты американцев. Ну, вот я абсолютно тебе, непредвзятое такое мнение: смотрим, события на Украине разворачиваются – отлично. И мы наблюдаем что? Мы наблюдаем там заместителя министра иностранных дел Соединенных Штатов, это замгоссекретаря, которая открыто влезает во внутренние дела Украины…

БОМ: Булочки раздает?

БАБАЯН: …А нам при этом говорят: «Ребята, ни в коем случае».

ОЗНОБИЩЕВ: Хочу сказать одну, на мой взгляд, важную вещь: нет никакой, говоря понятным языком, геополитической предопределенности, что мы являемся вечными соперниками и даже вечными конкурентами. Мы можем взаимодействовать, и давняя и недавняя история дает нам массу примеров. И поэтому не надо искать друг у друга болячки намеренно и их расковыривать. Нам гораздо важнее быть рядом и работать вместе.

БАБАЯН: И главное – не нужно применять эти так называемые двойные стандарты. Спасибо всем. До свидания.

Скандал вокруг списка Магнитского

О. БЫЧКОВА: Добрый вечер! Сегодня среди тем, которые представлены в номерах еженедельных западных журналов, тема так называемого «Акта Магнитского», который был принят Конгрессом США. До этого были разные действия в европейских странах. Мы будем обсуждать эту тему с нашими гостями. Это Кирилл Кабанов – председатель Национального антикоррупционного комитета и Майкл Бом – редактор и журналист газеты «The Moscow Times». Добрый вечер!

М. БОМ: Добрый вечер!

О. БЫЧКОВА: И через несколько минут мы позвоним также партнеру фонда Hermitage Capital Ивану Черкасову, потому что Hermitage Capital – это компания, где работал Сергей Магнитский и которая занимается активно все это время, что длится вся эта печальная, трагическая история, – занимается расследованием того, что произошло, и попытками как-то выявить и наказать виновных в смерти Сергея Магнитского. Сейчас появился новый ролик, где сообщается информация о том, что там случилось, как собственно работала эта группа криминальная, которая довела до смерти Сергея Магнитского в СИЗО, а также несет ответственность, по версии стороны Hermitage Capital, за хищение огромных средств из российского бюджета.

Вот мне интересно, честно говоря, и хочу спросить об этом у Ивана Черкасова: есть ли вообще какие-либо опровержения? Может, нам объяснят, что все это неправда, в очередной раз. Вы видели этот ролик, Кирилл?

К. КАБАНОВ: Ну конечно, дело в том, что опровержения будут. Именно теперь они будут точно, после того как конгресс принял законодательные шаги, инициативы. У нас же принцип простой: «Мы своих не сдаем!», «Враг моего врага – мой друг». Это ушло из уголовной сферы в политическую. Вообще дело Сергея Магнитского дело политическое. И это дело, которое является иллюстрацией – мы об этом говорили с президентом, когда он в рамках президентского совета высказал нам претензии, что мы занимаемся только громкими делами. Мы сказали, что это не громкое дело, это типичное дело. Я думаю, что решение будет принято, количество обвиняемых расширяться не будет. То есть люди, которые вели следствие, которые возбуждали уголовные дела, инициировали заключение Сергея Магнитского под стражу, а также они же, пересекающиеся с выводом денег, – они наказаны не будут. Дело будет закрыто. Ответственность медиков УФСИН и СИЗО будет прекращена за истечением срока давности. Всем продемонстрировано как бы правовое соблюдение, имитация…

О. БЫЧКОВА: Внешнее, очень формальное, как мы уже видели.

К. КАБАНОВ: Поэтому, я думаю, вопрос закрыт. Я думаю, эти ролики отправлены были не для России. Для России и так все понятно. Для России никаких роликов не нужно. Когда все это рассказали, многие говорят: «А! У нас был такой случай!».

О. БЫЧКОВА: А то разве мы не видели такого!

К. КАБАНОВ: Да. А то мы не видели! Когда президент нам высказал, мы привели ему массу примеров свежих, уже после этих историй…

О. БЫЧКОВА: И до этой истории, и после…

К. КАБАНОВ: И до, и после, и сейчас, хоть сейчас… Поэтому, в принципе – это система. Она продолжает чувствовать себя замечательно. Принцип кормления за счет коммерсантов. Как бы кто ни говорил, что хотят навести порядок – она не позволит, эта система. Она просто скажет: «Ребята, а за что? Мы-то вас защищаем?».

О. БЫЧКОВА: Ну да – понятно. Майкл, как вы считаете, будут какие-нибудь результаты? Потому что вот этот ролик, который последний появился, производит, конечно, сильное впечатление. Я очень хочу услышать, чтобы хоть кто-нибудь официально сказал, что это неправда. Потому что то, что там показано, – это чудовищно. Когда представитель криминальной некой среды собирает в одну компанию представителей государства и они проводят совещание о том, как лучше, как ловчее украсть эти государственные деньги в огромных цифрах – с одной стороны. А с другой стороны, довести человека до смерти – это ужасно! Это совершенно чудовищно! Я очень хочу, чтобы кто-то мне сказал, что все это ложь, что все это неправда.

М. БОМ: Ну, 230 миллионов долларов – по российским меркам это небольшая схема.

К. КАБАНОВ: Поэтому ролик раскрыл фигуранта Клюева. И сразу схема на 800 миллионов долларов. То есть вообще другой масштаб.

М. БОМ: Может быть, тоже немного.

О. БЫЧКОВА: Могло бы быть немного, если бы там за этим не стояла фигура погибшего человека, фигура Магнитского, причем не погибшего, а замученного. Давайте мы поговорим сейчас с Иваном Черкасовым – партнером фонда Hermitage Capital. Алло, добрый вечер!

И. ЧЕРКАСОВ: Здравствуйте.

О. БЫЧКОВА: Скажите нам вначале: откуда вы вообще берете все эти данные? Откуда известно о том, что следователи, преступники, все фигуранты этой истории передвигались по миру тогда-то, таким-то образом, встречались там-то, договаривались о том-то и так далее… Откуда вы все это берете?

И. ЧЕРКАСОВ: Во-первых, мы должны с вами четко представлять, что это расследование ведется друзьями и коллегами Магнитского и напоминает в большей степени журналистское расследование. Мы не спецслужбы, у нас нет оперативных данных. Поэтому методы, которые используются, являются методами ведения журналистского расследования. Можно обозначить несколько источников информации, которую мы используем. Ну, во-первых, это открытые источники. Открытые источники составляют порядка 70 %. Просто с ними нужно уметь работать, их находить, и мы умеем с ними работать.

Второй группой является анонимная информация, которую мы получаем от людей, желающих нам помочь в той или иной мере, которые попали под каток нашего сегодняшнего российского правосудия – в кавычках. И поэтому сообщают нам эти данные. Третья группа источников – тоже анонимные источники, которые пострадали от фигурантов списка Магнитского. По тем или другим причинам – неважно.

И последняя группа источников, которые мы используем, – это юридически документы, которые мы получаем с помощью наших юристов из судебных органов, причем в различных юрисдикциях, как из России, так и за рубежом.

О. БЫЧКОВА: Скажите, пожалуйста, вы получали какие-то ответы на свои нынешние обвинения? Вы утверждаете, что государственные чиновники, официальные представители напрямую сотрудничали с представителями криминалитета. Они совершали преступные действия – такие, как увод денег из российского бюджета и просто незаконное задержание человека и лишение его жизни. Ну то есть дальше некуда! Кто-нибудь сказал вам, что это неправда, что это ложь?

И. ЧЕРКАСОВ: На данном этапе мы ничего не получали, я ничего не видел в прессе. Никаких опровержений. Я видел несколько заметок, что эти люди действительно знают друг друга. Действительно не отрицают факт путешествия, действительно подтверждают свои очень хорошие знакомства много-много лет. Что они друг друга знают. На данном этапе я ничего не видел. Наверное, что-то будет, и было бы неплохо, чтобы это случилось не в Российской Федерации, а за ее пределами, потому что цену российскому правосудию мы знаем.

О. БЫЧКОВА: То есть вы хотите, чтобы кто-то подал в суд за пределами российской юрисдикции?

И. ЧЕРКАСОВ: Это не мое желание, это их право. Пожалуйста, они могут это делать тогда, когда им это удобно. Мы готовы. Мы фирме представили те факты, которые были собраны Сергеем Магнитским, мы говорим о фактах, которые имели место быть.

О. БЫЧКОВА: Расскажите об этих угрозах, о которых вы уже сообщали, и мы тоже сообщали, в адрес господина Браудера, и не только. Браудер утверждает, что это угрозы, которые поступали из России.

И. ЧЕРКАСОВ: Да, действительно, при подготовке передачи я вашей сотруднице сбросил эсэмэски, которые мы получали. Мы получали порядка 6 или 7 эсэмэсок, которые приходили на телефоны наших юристов. Приходили они из России, а номера, как выяснили, находились в резерве. Чтобы отправить что-то с резервного номера, наверно, нужен некий доступ. И этот доступ к резервным номерам имеют спецслужбы.

О. БЫЧКОВА: А что такое резервный номер? Я не знаю.

И. ЧЕРКАСОВ: Резервный номер – это, насколько я понимаю, неактивный – он не принадлежит ни одному абоненту, находится в резерве компании «Билайн».

О. БЫЧКОВА: А, то есть – мертвая душа такая…

И. ЧЕРКАСОВ: Да, мертвая душа, он в резерве.

К. КАБАНОВ: Он не активирован.

И. ЧЕРКАСОВ: Да. И вот с него приходили эти сообщения. Причем приходили они на телефоны наших юристов. Сначала мы воспринимали эти сообщения как угрозу непосредственно юристам, но 8 ноября пришла очередная порция эсэмэсок: «Если история чему-нибудь учит – только тому, что убить можно кого угодно» – и 16 ноября Сергея Магнитского убивают. 17 ноября с этого же телефона приходит следующеесмс: «В СИЗО помер юрист, в рамках одного интересного уголовного дела – знаковое событие. Заказные статейки не помогут, экстрадиции и тому подобное». Понимаете, упоминание экстрадиции в данном контексте свидетельствует о том, что, скорее всего – это опять же, мое предположение – эти сообщения были отправлены спецслужбами.

О. БЫЧКОВА: Вы говорили о том, что самые разные люди поставляют вам информацию, в том числе и анонимную. Например?

И. ЧЕРКАСОВ: В основном это приходит электронной почтой, в которой люди сообщают, где видели того или другого следователя, сбрасываются фотографии его автомобиля, который снимают, – видимо, знают люди, что это его автомобиль, потому что информация публичная, и присылают нам всевозможного рода такие фотоматериалы или материалы мест нахождения этих следователей.

К. КАБАНОВ: Иван, вопрос такой: в какой стадии находится расследование в Европе и ведется ли оно вообще по поводу поиска этих преступных активов?

И. ЧЕРКАСОВ: Да, безусловно. Как вы знаете, прокуратура Швейцарии заморозила счета Степанова и ведется интенсивное расследование. Я, к сожалению, не могу рассказать вам все детали.

К. КАБАНОВ: А Испания, и другие страны, где фигуранты появлялись, – отреагировали или пока нет?

И. ЧЕРКАСОВ: Вы знаете, чтобы правоохранительные органы реагировали, туда должны быть направлены запросы. Сейчас мы их готовим, и в ближайшее время вы о них узнаете, и мы их опубликуем.

К. КАБАНОВ: Спасибо.

О. БЫЧКОВА: Ну, наверное, последнее, о чем мы вас сейчас спросим: вы можете прокомментировать политические аспекты всей этой истории? Потому что сейчас очень много разговоров ведется, что американский конгресс совершил какой-то эмоциональный, спонтанный, нерасчетливый шаг и что вряд ли что-то из этого получится, потому что есть всякие российско-американские перезагрузки, и так далее. Ну и как бы администрация Обамы поставлена в нелегкое положение – ну, там много таких разных вариантов. Вот что вы думаете по этому поводу, какое ваше суждение по поводу такого политического контекста, в который оказалась встроена эта история?

И. ЧЕРКАСОВ: Я бы разделил этот вопрос на два. Вопрос первый, если позволите: является ли закон Магнитского вмешательством во внутренние дела России, как об этом любят говорить чиновники? С моей точки зрения – нет никакого вмешательства во внутренние дела со стороны американцев. Ведь американцы предлагают не пускать чиновников к себе. Вот если бы они не пускали этих чиновников обратно в Россию, что может быть, было бы хорошо для России, тогда можно было говорить о каком-то вмешательстве. Кроме того, отказ пускать на свою территорию лиц, подозреваемых в связях с организованной преступностью, – это не зависит от того, есть ли решение российского суда на эту тему. Это общепринятая международная практика. И в этом вопросе нет ничего нового, как и в процедуре замораживания денег за рубежом, которые имеют не вполне легальное происхождение или вызывают серьезные сомнения в их легальности.

Поэтому говорить о том, что есть вмешательство в Россию, нет никакого основания. Возникает вопрос: в чем же дело, почему наши чиновники так рьяно защищаются? Дело в том, что впервые, наверное, закон принимается публично. И вот эта публичность привлекает внимание нашего населения, моих сограждан к тем преступлениям, которые совершила власть. В этой связи происходит такая реакция.

О. БЫЧКОВА: Конечно, надо иметь в виду, что политическим это дело стало из сугубо криминального или финансового ровно в тот момент, когда государство отказалось проводить расследование и наказывать истинных виновных в смерти Сергея Магнитского. Именно тогда это дело стало собственно политическим.

О. БЫЧКОВА: Спасибо большое. Я согласна с Иваном Черкасовым – действительно, решение американских конгрессменов или европейцев о том, чтобы составить список и не пускать этих людей к себе, не давать им возможности пользоваться своими банками – оно санитарное.

К. КАБАНОВ: Оно в рамках законодательства местного и международных актов, подписанных в борьбе с огрпреступностью, отмыванию денег.

М. БОМ: Вы спросили, зачем нужно это американцам. Резонный вопрос. Если речь идет об Обаме – это ему совершенно не нужно. И он был против «Акта Магнитского» как такового. То есть он предложил свой секретный список и без ареста имущества. Но это уже был бы не акт Магнитского…

О. БЫЧКОВА: Почему Обама так поступил?

М. БОМ: Конгресс увязывает отмену закона Джексона-Веника с «Актом Магнитского». Обама вынужден подписать «Акт Магнитского», потому что он не может обойтись без отмены закона без Джексона-Веника, и конгресс прекрасно понимает.

О. БЫЧКОВА: То есть теперь, значит, закон Джексона-Веника отменят?

М. БОМ: Ну может быть какой-то торг. Но если вы видели лицо Путина в Мексике – Путин не очень высоко оценивает этот торг…

О. БЫЧКОВА: Тут пишут нам люди: «А как же презумпция невиновности?» Я так понимаю, что смысл этой реплики в том, что ведь судом не признаны участники этого списка виновными в этих преступлениях.

М. БОМ: Это ложный аргумент. Посмотрите, что произошло, когда нашли деньги в квартире Собчак. Наложили арест, временный арест имущества до суда. Речь не идет о конфискации, это просто – до суда. Другое дело, что суда по делу Магнитского не будет в России. Потому что единственный суд – это Басманный суд. Поэтому этот вопрос отпадает. Но сам факт, что американские власти арестовывают деньги до суда – это обычная практика.

К. КАБАНОВ: На самом деле это практика, которая существует в рамках конвенции ООН против отмывания денег. И эта практика нормальная. Если есть признаки отмывания или участи в преступной деятельности, государство вправе закрыть визы, арестовать имущество и провести расследование. То есть тебя приглашают, говорят: «Приезжайте, пожалуйста, в Соединенные Штаты, расскажите нам, пожалуйста, откуда у вас имущество. Вы – государственный чиновник. Откуда у вас имущество, расскажите».

О. БЫЧКОВА: Государственный чиновник, а откуда у вас три роскошных квартиры в Дубае, например.

М. БОМ: Поэтому это ложный посыл, что американцы нарушают презумпцию невиновности. Это для отвода глаз. Здесь нет нарушения – это обычная практика в борьбе против отмывания денег.

К. КАБАНОВ: Мы, кстати, тоже можем применять эту практику. Просто мы ее никогда не применяем, потому что у нас никто деньги не отмывает – имеется в виду из западных лидеров. Никто недвижимость не покупает.

О. БЫЧКОВА: В Сбербанке не открывает секретных счетов.

М. БОМ: Если вы чиновник и у вас есть дворцы, а при этом очень скромная зарплата, вы должны объяснить эту ситуацию. Если вы не можете, значит, у вас проблема.

О. БЫЧКОВА: То есть если человек не чиновник, не государственный человек, а какой-нибудь владелец пивного киоска, условно говоря, но при этом у него дворец, не соответствующий пивному киоску, то он может сказать: «Не ваше дело» – имеет на это полное право. Пока там до него не доберутся какие-нибудь специальные органы.

М. БОМ: Посмотрите на Собчак – она не чиновник, но с нее спросили…

К. КАБАНОВ: Интересно, что все работники правоохранительных органов, имеющие отношение к делу Магнитского, прошли переаттестацию – все! Виноградова ушла на повышение. Причем Виноградову скрывали, что она пошла на повышение… Она уже повышена – все хорошо.

М. БОМ: Мне очень нравится наивное возмущение с российской стороны. Это почти комедия: «Американцы виноваты, они вмешиваются, они клевещут, они делают антироссийский закон, у них двойной стандарт». Вот это все – перевод стрелок.

О. БЫЧКОВА: Понятно. Можно ответить Петру из Саратова, который пишет: «У Собчак нельзя арестовывать деньги, а американцы могут это делать». Петр считает, что вот это ложь и двойные стандарты. Еще раз, Петр – Собчак не является государственным чиновником. Более того, она в прошлом году официально задекларировала и объявила об этом в нескольких интервью, что она заработала не один миллион евро. И если у нее нашли полтора миллиона евро, то это соответствует ее официальным доходам. И, самое главное, она эти доходы не скрывает и не является государственным чиновником.

К. КАБАНОВ: А если человек получает 50 тысяч рублей и при этом у него собственности на несколько сот миллионов долларов…

О. БЫЧКОВА: Да. Вот это больше похоже на двойные стандарты.

М. БОМ: Своих не сдаем! Здесь, конечно, вопрос щекотливый для России, потому что «акт Магнитского» очень много раскрывает. Это скрещивание государства и оргпреступности.

О. БЫЧКОВА: Это то, как функционирует система вообще.

М. БОМ: То есть власть ведет себя как бандиты, а бандиты как власть. Поэтому у России очень бледный вид перед Западом.

К. КАБАНОВ: Вот ты говоришь, что у России бледный вид перед Западом. Но Россия давно уже не реагирует…

М. БОМ: Вы видели Путина в Мексике? Может быть, просто устал – я не знаю.

К. КАБАНОВ: Ну, естественно, это ему не нравится как главе государства. Но никто не напугался.

М. БОМ: Просто он не может контролировать. Это такая махина, это настолько скрещено, что он как бы заложник системы.

К. КАБАНОВ: Вот, говорят, почему Медведеву ничего не удалось? Потому что система существует сама по себе. Она живет сама по себе.

М. БОМ: Я считаю, что в идеале надо бороться вместе. Борьба с оргпреступностью – это как борьба против глобального терроризма. Это касается всех. А что получилось с делом Магнитского? У американской стороны огромные папки по Магнитскому и Hermitage Capital – огромные папки, толстые папки. А Россия говорит, что нет доказательств.

О. БЫЧКОВА: Еще раз включаем из Лондона Ивана Черкасова – партнера Hermitage Capital. Иван, вы слышите нас? Несколько слов напоследок. Как вы считаете, какие перспективы этого дела?

И. ЧЕРКАСОВ: В конечном итоге Российской Федерации рано или поздно придется наказать преступников. Это случится в любом случае. Не сейчас – так позже.

О. БЫЧКОВА: Спасибо большое, это был Иван Черкасов. С нами были также журналист «The Moscow Times» Майкл Бом и председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов. Спасибо вам!

Мечта о холодной войне

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Добрый вечер, у микрофона Софико Шеварднадзе. Сегодняшняя тема у нас: мечта о «холодной войне». Мы придумали название передачи по одноименной статье, которая опубликована в журнале «Огонек», которую написал Федя Лукьянов. Наши гости, я представлю: это Владимир Сухой – журналист, Сергей Агафонов – главный редактор журнала «Огонек», и Майкл Бом – журналист «The Moscow Times». Здравствуйте!

М. БОМ: Здравствуйте!

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Итак, «холодная война» – очень модная тема в последнее время. Но можно ли на этом этапе с уверенностью сказать, что России и Америка переживают самый худший этап в их отношениях с окончания «холодной войны»? Сергей.

С. АГАФОНОВ: Почему вот в огоньке наш постоянный автор Федор Лукьянов дал такой заголовок своей публикации: «Мечты о холодной войне»? Это как раз разговор о том, что да, безусловно, сейчас самая острая возникла фаза на гребне и Крыма, и украинских событий в отношениях, прежде всего, между Москвой и Вашингтоном. Хотя, если разбираться в деталях, и нынешняя ситуация, и ее перспективы, если о таковой можно говорить – а всякое прогнозирование здесь достаточно условно – все-таки та «холодная война», которая была. Хотя вы правы, за последние двадцать лет это, пожалуй, самый острый пик в наших отношениях с американскими партнерами.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Владимир, вы согласны, как ветеран «холодной войны», что война в той форме, в которой она существовала, невозможна на сегодняшний день?

В. СУХОЙ: Да, конечно. «Холодная война» – это борьба двух систем. Сейчас это фигура речи, конечно, это журналистская фигура речи, что «холодная война». Но я могу согласиться, что это действительно самая низкая точка в наших отношениях после «холодной войны».

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: А в чем выражается, что мы захотели «холодной войны»?

В.СУХОЙ: В последнем выступлении на трехсторонней комиссии в Вашингтоне Джон Керри сказал о том, что у России появилась удивительная способность – называть красное синим, и белое – черным. Вот почему-то мы перестали следовать той архитектуре послевоенного мира, которой мы следовали. Мы перестали соблюдать общепринятые нормы международного права. Мы начали вести себя, как ведет себя слон в посудной лавке – и это, с точки зрения Запада, «холодная война».

М. БОМ: Я думаю, что нет желания ни у России и нет возможностей даже при самом горячем желании начать новую «холодную войну». Я не знаю, что надо сделать России, чтобы заставить Америку начать настоящую «холодную войну». Понимаете, даже если Россия введет войска в Донбасс, даже этого будет недостаточно. Потому что американцы не считают, что Украина входит в приоритет американских интересов.

С. АГАФОНОВ: Я могу ошибаться – вот Володя, Майкл меня поправят, – но, как мне кажется, сегодня самая главная дипломатическая проблема, которая стоит между Россией и Америкой, – это способ для того, чтобы найти какой-то вариант, сохраняющий лицо Бараку Обаме, и в это все упирается. Должен быть найден какой-то вариант компромисса, который бы позволил Америке сказать, что «вот мы настояли и наши условия приняты, ситуация нормализуется», но при этом для России как бы ничего не поменяется – Крым останется с нами и так далее. В это все упирается, это очень трудно сделать, практически невозможно. Поиск не в том, чтобы найти какую-то развязку там, а в том, чтобы найти возможность для того, чтобы сохранить лицо Обаме. Потому что это колоссальный удар по тем представлениям о миропорядке и правилах международной жизни, которые были выстроены Америкой как единственной оставшейся сверхдержавой. Это реальный вызов для Америки. А отсюда и несколько истеричные разговоры о санкциях и так далее. Хотя санкции пока, слава богу, не критичны – еще ничего не разрушено, хотя мы близко к этому приближаемся. Но разговор идет о том, что на этот вызов должна быть какая-то реакция, которая позволила бы Западу сохранять лицо.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Вы согласны с этим, Майкл?

М. БОМ: Другое дело, что Россия, мне кажется, делает все, чтобы испортить это лицо, понимаете? Россия хочет отомстить Америке за Майдан, поэтому сохранить лицо – это возможно, если есть заинтересованность с обеих стороны, а мне кажется, Россия идет на разрушение. Именно чем хуже Америке, тем лучше, как мне представляется. Очень много претензий к Америке – и это было задолго до Украины…

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Об этом тоже поговорим, но вот ваше мнение меня интересует – что хочет Америка от Украины? Потому что Россия, понятно – она не хочет прозападного правления на Украине, не хочет НАТО у своих границ. А Америка что хочет?

М. БОМ: Что Белый дом хочет, имеете в виду – не американцы?

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Да-да, Белый дом.

М. БОМ: Лишь бы не было войны – я думаю, что это самое главное. Дипломатический выход – это самое лучшее, но это требует согласия с обеих сторон, а я не верю, что Россия заинтересована в дипломатическом решении. Я думаю, что Обама хочет забыть об Украине как о страшном сне и чтобы не было, естественно, ввода войск, не было военного конфликта, чтобы был умеренный

человек типа Порошенко и чтобы подавляли «Правый сектор»; чтобы никто не говорил ни в России, ни в Америке о «Правом секторе», потому что это такая страшилка, пугало, которое портит всю картину. И Россия пользуется этим по полной программе. Надо сделать так, чтобы «Правого сектора» не было, или чтобы его влияние было сведено к минимуму.

С. АГАФОНОВ: Белый дом готов признать референдумы на востоке и юге Украины?

М. БОМ: Изначально не признали первый референдум, в Крыму. Если в Крыму этот номер не прошел, я думаю, в Донбассе тем более не пройдет.

С. АГАФОНОВ: Почему тем более?

М. БОМ: Потому что это один и тот же прием. Так референдум не делается.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Ну хорошо. Давайте вернемся к нашей теме. На самом деле очень многие, включая наш истеблишмент, считают, что то, что произошло в Крыму, – это такое прямое следствие упрощенной политики Америки к России и, в частности, к Владимиру Путину. Вы согласны, что, в принципе, ему не оставили выбора, что это не входило в его планы, а произошло это потому, что Америка вела такой Simplest Policy – очень упрощенную политику?

М. БОМ: Присоединение Крыма произошло, потому что появилась такая уникальная возможность.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: То есть вам казалось, что Россия это давно планировала?

М. БОМ: Ну, да – но не было возможности. Это всегда была золотая мечта – вернуть Крым России, но не было возможности. Янукович сбежал, Крым «плохо лежал» – взяли, и все. Дело очень простое.

С. АГАФОНОВ: Нет, если говорить о золотой мечте, она может быть другой и значительно шире. Мне просто странно, что вы ведете отчет от момента, когда Янукович сбежал. А почему вы не берете отчет от соглашения, которое было подписано 19 февраля в Киеве?

М. БОМ: Да, можно.

С. АГАФОНОВ: И на это подписание Януковича вынудила Россия, в чем, собственно, Москва призналась.

М. БОМ: Только Россия не подписала этот документ.

С. АГАФОНОВ: Дело не в этом. Она вынудила Януковича этот договор подписать, и он подписал. И этот договор не соблюдался ни на йоту. Так от чего мы должны тогда отталкиваться? От невыполненного договора, который, по сути, означает обман России?

М. БОМ: Это России на руку. Поэтому если здесь речь идет о теории заговоров, это России было выгодно – это уж слишком выгодно России, чтобы не было Януковича. Я считаю, что это был самый умеренный, самый рациональный вариант. Но просто революция сделала свое дело – украинцы не могли ждать, надо понять их позицию. Это Майдан, это «Беркут», это еще 70 убитых людей на Майдане. Они думали: «Нет, даже несколько месяцев мы не можем ждать».

С. АГАФОНОВ: Аргументы, которые вы приводите, объясняют и позицию народа Крыма, который сказал: «Оп-па! Ребята, мы в этой ситуации ждать не можем, с этой властью, с теми, кто сидит в Киеве, мы ждать не можем. Мы должны быстро все это сделать сами». И ваши аргументы объясняют и действия, которые происходят на юге и юго-востоке. Я не говорю, правильно или нет, но ваш набор аргументов – он работает и там, и здесь.

М. БОМ: В Крыму был надуманный предлог, что существует фашистская угроза. Не было фашистов в Крыму. А на Майдане были настоящие претензии, что хватит уже воровства. За три года они нахлебались этого воровства и сказали: «С нас хватит уже, мы не можем жить при этом Януковиче».

С. АГАФОНОВ: Майкл, вы так считаете. А знаете, как у нас считают? Ну, собственно, вы работаете в России, и вы должны это знать – в России считают, что то, что произошло на Украине, это американский ответ за Сирию, потому что в Сирии американцы получили колоссальную пощечину от России и отыгрались Майданом.

М. БОМ: А что американцы сделали с Сирией такое? Что они сделали? Они вообще отказались от бомбардировки.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Майкл, а вы не признаете, что власти Киева подвластны только американцам на сегодняшний день, и американцы имеют там стопроцентное влияние?

М. БОМ: С чего вы это взяли, что они под влиянием американцев полностью? Конечно, американцы влияют, но другое дело, когда они начали вмешиваться? Ни в октябре, ни в ноябре, ни на Майдане. Не они сделали Майдан. Это миф России.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Это я с вами согласна, я сама видела «революцию роз» – всегда должна быть почва для того, чтобы началась революция.

В. СУХОЙ: Другое дело, а что могли сделать американцы? Пусть кто угодно мне говорит, что американцы сделали ставку на

силовое решение и так далее – на самом деле американцы сделали ставку на дипломатическое решение этого кризиса. И они поверили в Женевские соглашения. Они действительно поверили, им пообещали, а мы ничего не сделали.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: И все-таки еще немного о «холодной войне». Джон Керри говорил, что во время «холодной войны» проблемы были гораздо больше, но решения принимать было гораздо легче, чем сейчас. Потому что сейчас как-то все неоднозначно, – причем это говорит не только Джон Керри. Вот я общалась с бывшим послом Америки в СССР господином Мэтлоком, и он сказал то же самое. Несмотря на то, что там была реальная «холодная война», которая длилась 40 с лишним лет, риторика была гораздо мягче, несмотря на то, что проблемы были сложнее и важнее. Почему так – как вам кажется?

М. БОМ: Сколько точек раздора сейчас? Сирия, Украина. А во время настоящей «холодной войны» – по всему миру. Где только не было конфликтов – по всему миру. Поэтому, конечно, сейчас масштаб гораздо меньше. Из двух «холодных войн» лучше, конечно, сегодняшняя. Не дай бог что когда-нибудь мы вернемся к прежней войне – это мало никому не покажется. Что касается идеологической составляющей, мне кажется, что это было прикрытием, что самое главное – геополитическая конкуренция между нашими странами, и это остается, это никуда не ушло. Вначале Америка не вмешивалась в украинские дела. Я не беру Нуланд и Маккейна – это для меня не вмешательство… Конечно, сейчас США вмешивается, но нет другого выхода, потому что Украина – это уже как бы союзник – обращается к Америке за помощью. Почему Америка должна отворачиваться? Это очень простой принцип: Россия помогает своим союзникам, Россия помогает Сирии, допустим. Я не ставлю знак равенства между Сирией и Украиной, но это житейское дело: союзники друг другу помогают.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Но для России встает вопрос: почему Украина стала союзником Америки, когда половина населения Украины, русские или русскоязычные люди, желали бы жит – ь под эгидой российских властей?

М. БОМ: Я думаю, что Киев обратился к Вашингтону, когда одна страна, Россия, начала нарушать международные права. И самое главное, что это не останавливается на Крыме – сейчас речь идет уже о Донбассе.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: А вот сейчас, если все оставят Украину в покое, Украина могла бы решить свои проблемы самостоятельно? Допустим, Америка, Европа и Россия оставляют Украину в покое.

М. БОМ: Украина на грани банкротства, нет армии, нет ничего…

В. СУХОЙ: Мне кажется, можно было все решить. Я считаю, что это не «холодная», а «стилистическая война» сейчас между Америкой и Россией. Потому что стилистически мы не согласны ни в чем. Мы говорим, что мы действуем согласно уставу ООН и международным правилам, праву наций на самоопределение. Америка говорит, что это не так.

Мы ни в одном своем сообщении не называем этих людей ни сепаратистами, ни террористами, мы их называем сторонниками федерализации, протестующими, людьми, которые требуют уважать свои права и так далее. Американцы их называют террористами, как и в Киеве, – и так далее и тому подобное.

Когда-то Синявский говорил, что он вынужден был уехать из Советского Союза, потому что у него стилистические разногласия с советской властью. Вот сейчас между Америкой и даже между Керри и Лавровым страшные стилистические разногласия, потому что мы вкладываем разные значения в те понятия, которые мы обсуждаем.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Сергей, вы согласны, что это в первую очередь стилистические разногласия и все упирается в то, что мы просто не слышим друг друга?

С. АГАФОНОВ: Я согласен с тем, что мы не слышим друг друга, но я не стал бы называть это стилистическими разногласиями. В том же номере «Огонька», в котором опубликован материал, который дал название нашей программе, есть еще один разговор с академиком Арбатовым, как раз в котором идет речь, насколько четко прописаны международные нормы и правила. Вот Майкл ссылается на нормы международных отношений…

М. БОМ: Не только я – и Путин.

С. АГАФОНОВ: И Путин, совершенно верно.

М. БОМ: До Крыма. Сейчас он как-то молчит.

С. АГАФОНОВ: Майкл, о чем разговор? О том, что российская и американская сторона имеют право – и пользуются этим – на собственную интерпретацию фактов. Я даже больше скажу – наверное, со мной не согласятся наши пропагандисты, – но в своих аргументах и американцы правы, и мы правы. Мы не слышим друг друга – как здесь абсолютно верно говорил Володя. Вопрос в том, сможем ли мы услышать. И я исхожу из того, что сможем.

Два варианта здесь я вижу. Первый вариант: все это растянется на каденцию Обамы, так что с моей с точки зрения, вряд ли будет найден приемлемый вариант, который позволил бы ему сохранить лицо. Значит, вся эта тягучая история, обмен любезностями, острыми репликами и так далее – будет продолжаться до той поры, пока господин Обама президент. Потом при новой администрации будет найдена новая развязка. Вариант второй: возможно, уже сейчас будет найдено какое-то решение, если, как вы говорите, американская сторона, Белый дом заинтересованы в этом.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Но что будет с Крымом? При всех нарушениях крымского референдума можно сказать, что люди, которые

живут в Крыму, в своем большинстве действительно были за присоединение к России – это никто не отрицает, даже Запад.

М. БОМ: Да, но все равно…

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Это большое «но» – они действительно были за воссоединение с Россией.

М. БОМ: Есть такая штука: территориальная целостность Украины. Все забывают об этом. Никто не спрашивал Украину. Это называется – «без меня меня женили»? То есть без Киева они все решили, понимаете?

С. АГАФОНОВ: Майкл, но считаете ли вы, что нынешняя власть в Киеве управляет всей страной? Сегодня Украина управляемая? Она унитарная? А раз нет – тогда мнение регионов должно приниматься во внимание.

М. БОМ: Это одно дело, но аннексия – это другое дело.

С. АГАФОНОВ: Я же говорю не об аннексии, я говорю о том, что происходит в Украине. Причем тут аннексия?

М. БОМ: Но мы говорили о Крыме, мы говорили, что референдум – все было законно, все было прекрасно, да? Это классический двойной стандарт, потому что никакая страна не позволит своим регионам быть сепаратистами: ни Россия не позволит, ни Америка не позволит. Это произошло один раз в американской истории, и это чем закончилось? Гражданской войной. Никакой штат не имеет права отсоединиться, – и в России то же самое. Помните, когда Чечня хотела отсоединиться? Или Татарстан 92-го года? Мы все знаем об отношении России к сепаратизму. Татарстан провел референдум в 92-м году – это было игнорировано. Чечня – когда они пытались отсоединиться, Россия этого не позволила. Чем Киев хуже? Почему Киев должен благосклонно смотреть на развал Украины?

С. АГАФОНОВ: Потому что на Украине нет власти, которая управляет всей страной.

М. БОМ: То есть, иными словами: когда хаос – все дозволено, да? Это ваше мнение?

С. АГАФОНОВ: Не все дозволено, но в рамках хаоса определенные территории выражают свое мнение…

М. БОМ: Да, если речь идет о федерализации. Черт кроется в деталях. Есть разные федерации…

С. АГАФОНОВ: Вот это уже дело украинцев – какую федерализацию они захотят.

М. БОМ: Да, я согласен, но если они хотят, чтобы Донбасс фактически стал вассалом России…

С. АГАФОНОВ: Это уже их дело. Зачем нам за них принимать решение?

В. СУХОЙ: Как могут быть проведены эти референдумы, если вооруженные люди все захватили с автоматами и гранатометами – в этих условиях можно провести референдум свободный? Я вообще не понимаю, как можно принимать результаты этого референдума в Донбассе?

Меня никто не убедит в том, что и в Крыму нужно было это делать – зачем было высаживать «зеленых человечков»? Нужно было попросить Крымский парламент, с тем же председателем, который был, – проголосовать, и они бы проголосовали. Почему нужно было врываться в это здание, менять председателя, свозить ночью депутатов и так далее. Чего мы боялись, если мы были уверены, что люди проголосуют в большинстве «за»? Зачем мы это все сделали? И сейчас – ну как можно в Донбассе, в Донецке признать референдум, если все административные здания захвачены, там сидят вооруженные люди и так далее. Кто в мире признает этот референдум? Ну кто?..

Большая доля истины, я думаю, заключается в том, что Владимир Владимирович другой, чем был в первые сроки своего президентства.

С. АГАФОНОВ: У него другие амбиции, да.

М. БОМ: Он исходит из того, что американцы хотят сделать «оранжевую революцию». Весь антиамериканизм исходит из этого постулата, из этого понимания, из этого искажения. Разве американцы сделали Болотную? У вас есть доказательства, что это сделали они?

С. АГАФОНОВ: Нет, Майкл, у меня нет никаких доказательств.

М. БОМ: Американцы не хотели сделать «оранжевой революции» в России. Я не вижу, где американцы подстрекали протестующих; «это все проплачено госдепом» – я не верю в эту пропаганду.

С. АГАФОНОВ: Вы говорите, что Путин поверил в то, что американцы хотят сделать «оранжевую революцию» в России. Я вам задаю вопрос: с вашей точки зрения, у Путина основания для того, чтобы поверить, были?

М. БОМ: Это просто пропаганда. Ему нужен образ врага.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: А зачем ему образ врага, если у него рейтинг и так был 60 с лишним процентов?

М. БОМ: Потому что 80 – лучше! Что у него есть сейчас. Он хотел 80 %, и он получил их.

С. АГАФОНОВ: Он что, маньяк рейтинга? Майкл, господь с вами! Зачем ему этот рейтинг?

М. БОМ: Всегда нужен образ врага. Это классический перевод стрелок, понимаете. Это не он придумал, это старый-старый прием.

С. АГАФОНОВ: У меня ощущение такое, что Путин просто по-пацански обиделся, обиделся по ряду параметров, когда его реально обманули, – и на выходе мы имеем эту украинскую ситуацию. Здесь, правда, возникает вопрос, может ли лидер такого государства так обидеться и так действовать – это большой вопрос.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Очевидно, что может, Володя, – другое дело, не должны ли американцы учитывать все эти факторы и не так просто обращаться к Владимиру Путину, а учитывать, что он может обидеться… Давайте подытожим: и Путин обижен, и Обама обижен, – и пока непонятно, куда будут двигаться тупиковые отношения России и Америки.

С. АГАФОНОВ: Я думаю, что все будет хорошо.

С. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я тоже надеюсь на это. Я вас благодарю за эту передачу. Владимир Сухой, Сергей Агафонов и Майкл Бом. Мы говорили о том, как выйти из тупиковой ситуации Америке и России. Спасибо, я с вами прощаюсь.

Чем вороватее и бездарнее правители, тем больше в стране антиамериканизм

Юрий Будкин (далее ведущий): Радиостанция «Говорит Москва», добрый вечер. Сегодня у нас в гостях американский журналист Майкл Бом и политолог Общественной палаты Сергей Марков.

Смотрите, Левада-центр спрашивает граждан Российской Федерации и приходит к выводу, что антизападные настроения в России достигли исторического максимума. Число граждан России, которые называют отношения между Россией и США враждебными, за год выросло более чем в 10 раз. В то же время Gallab пытается выяснить, сколько людей в Америке считает главным врагом США именно Российскую Федерацию. И выясняется, что за год количество американцев, которые говорят, что да, действительно, Россия – главный враг США, увеличилось в 2 раза. Что это такое, Майкл?

Майкл Бом (далее Бом): Это как раз меня удивило, потому что я исходил из позиции, что Россия – я имею в виду после аннексии Крыма, до этого вообще о России не думали и не писали – угроза европейской безопасности. Оказывается, что по этому опросу Россия угрожает и Америке тоже. До Америки далеко, поэтому меня это очень удивило. Несколько лет назад только два процента считали Россию врагом, а сейчас 18 процентов.

Ведущий: В 9 раз в России, и в 10 раз в Штатах. Мы смотрим друг на друга как на врагов.

Бом: Я еще раз говорю, что это после Крыма и Донбасса.

Ведущий: Это Майкл Бом. Еще раз напомню, раз уж мы заговорили, то цифры должны прозвучать, что в Америке в результате этого 9-кратного роста 18 процентов граждан говорят, что Россия – главный враг США. А в России после 10-кратного роста 81 процент граждан говорят, что негативно относятся к Соединенным штатам Америки. Сергей Марков, что это?

Сергей Марков (далее С.М): Это нормальная здравая оценка людьми ситуации. Россия и США находятся в состоянии войны. Соединенные штаты Америки агрессивно напали на Россию, начали гибридную войну в сочетании с дипломатической, военной. Совершили государственный переворот в Украине, привели к власти марионеточную пропагандистско-террористическую хунту, которая огнем и мечом прошлась по Украине, уничтожила тысячи русских людей там. Например, последние данные, только в Харькове арестованы 700 так называемых сепаратистов. Где они нашли сепаратистов в Харькове? Понятно, что эта хунта, возглавляемая Соединенными Штатами. Все понимают прекрасно, что решение о войне было принято 16 апреля 2014 года Турчиновым после того, как 14 апреля туда прилетел директор ЦРУ по подложному паспорту, между прочим.

Бом: Почему? Он сам не скрывал, что он приехал.

С.М.: Это когда его раскрыли, не перебивайте. Когда следующее решение более полномасштабное о применении боевой авиации, баллистических ракет, то есть всех методов оружия массового уничтожения, кроме ядерного оружия, которого нет у Украины, и химического, бактериологического, которое даже Гитлер не решился применить. И это было принято по приказу президента Джо Байдена, который приехал в Киев и отдал этот приказ Порошенко. Российское общественное мнение прекрасно это понимает, и это понимают все. Я думаю, и Майкл тоже прекрасно это понимает.

Ведущий: Все-таки про 80 процентов вы объяснили. А почему тогда американцы так спокойно относятся к русским?

С.М.: Объясню. Потому что мы чувствуем угрозу Америки. Америка на нас напала, поэтому мы чувствуем угрозу. А для Америки это лишь одна из многочисленных воин, которые ведет эта великая сверхдержава.

Ведущий: Но они ее понимают уже как главную? 18 процентов – это максимально.

С.М.: Главное для них это все-таки международный терроризм, это у них значительно больше будет. Конечно, Америка 100 процентов не права в этом конфликте с Россией, но Америка – это периодическая нация. И там есть огромное количество людей, которые скажут, что в любом конфликте Америки она всегда права, даже если она ведет грязную войну на Украине или грязную войну во Вьетнаме.

Бом: Сергей Марков прекрасно показывает, почему антиамериканизм растет. Есть такая аксиома очень хорошая, и мне она очень нравится: чем хуже живут люди, чем вороватее и бездарнее правители, тем абсурднее, примитивнее в стране ложный антиамериканизм. Возьмите Украину. Этот разворота Украины от России не должно было быть – Украина должна быть частью российской империи. Всегда было так.

С.М.: Вы не о том говорите, Майкл. У нас другая тема.

Бом: Уход Украины усугубляет ущемленность России. Это напрямую влияет на уровень антиамериканизма, потому что Америка должна быть виновата во всем – и в потере Украины тоже.

С.М.: Мы не про это, вы ответьте на вопрос, почему 14 апреля прилетел директор ЦРУ, а 16 апреля военная операция?

Бом: Почему американцы виноваты в потери Россией Украины?

С.М.: Да ничего не потеряла Россия. Украина была уже оккупирована, Украина была оккупирована Гитлером, потом

освобождена. Сейчас она оккупирована Байденом. Майкл, лучше объясните на хорошем английском языке Джо Байдену, что он уж точно не круче, чем Гитлер или Наполеон, которые тоже оккупировали Украину.

Бом: Я объясню вам и слушателям, что американцы не сделали Майдан, это байка.

С.М.: Это неправда, американцы сделали Майдан. Я объясню. Известны воспоминания Николая Азарова, который говорит, что критический момент был 10 декабря. Выдыхались, они захватили какие-то вещи, их постоянно подстрекали.

Ведущий: Вы полагаете, что если сказал Азаров, то это правда?

С.М.: Николай Янович Азаров – один из самых честных людей в Европе, это хорошо всем известно. Суть заключается в том, что были эти неправительственные акции с оружием, с пистолетами, с коктейлями Молотова захватывали знания. А из Вашингтона запрещали Януковичу использовать силу, говорили, что нельзя силу. А когда пришла эта промарионеточная бандитская власть в Киеве, проамериканская, то им сразу же американцы сказали, что авиацией бейте, всем чем угодно. Представляете себе вот эту разницу в подходе: Януковичу запрещено дубинками против демонстрантов, а проамериканской хунте разрешили авиацией, танками, артиллерией, только что химическое и бактериологическое оружие не разрешили.

Бом: Я уже устал от этой глупой и тупой пропаганды. Не американцы сделали Майдан, Янукович сделал Майдан. Понятно, что причины Майдана – это внутренние причины.

С.М.: Нет, вы не поняли. Причина демонстрации – Янукович, причина госпереворота – Вашингтон, все просто. Демонстраций полно во всех странах, демонстрации из-за плохого правительства, а государственный переворот только там, где вторгается другая сила и поддерживает государственный кровавый переворот.

Ведущий: 80 процентов граждан России и 20 процентов американцев не могут договориться о том, что произошло на Майдане, и поэтому не любят друг друга?

С.М.: Американцы вообще не знают, что произошло на Майдане, потому что им пропаганда рассказала…

Бом: Я не хочу про Майдан, я хочу про антиамериканизм.

С.М.: Так главная причина антиамериканизма – это госпереворот в Украине.

Бом: Можно я раскрою секрет, почему есть антиамериканизм в России.

Ведущий: Сейчас вы раскроете, только ответьте на вопрос слушателю, который пишет: Обама прямо говорит, что Россия стоит на втором месте после ИГИЛ по угрозе. И после этого я могу любить США?

Бом: Я уже сто раз отвечал на этот вопрос. Не было очередности в заявлении Обамы – он просто перечислил три угрозы, но только не в порядке первый, второй, третий.

Ведущий: Хорошо, не вопрос, пусть будет третьей.

Бом: Но с каким отрывом, мы не знаем.

С.М.: Какая разница? Для него это важнейшая угроза.

Ведущий: Президент Соединенных Штатов Америки говорит слушателю, что ты и твоя страна – угроза для меня. И слушатель спрашивает, почему я за это должен любить?

Бом: Не для Америки, это угроза мировой безопасности, и в первую очередь европейской безопасности. Я не думаю, что Обама чувствует угрозу со стороны России, потому что есть сдерживающие факторы – это ядерное оружие.

С.М.: Майкл, не перевирайте Обаму. Он четко сказал – Россия угроза для Америки. Он это американским гражданам говорил, и вы прекрасно знаете, что все американские президенты прежде всего американским гражданам это говорят. И он четко сказал.

Бом: Лихорадка Эбола тоже угроза Америки.

С.М.: Я еще раз скажу, чтобы вы поняли, что я к Америке отношусь вообще очень хорошо. Великая нация подарила нам Интернет, огромное количество самых интересных технологий. И в 20-м веке она держала знамя свободы, но сейчас Россия держит знамя свободы. Демократия и федерализм – это то, что делали американцы весь 20-й век. А сейчас американцы предали в Украине и демократию, и федерализм. Сейчас Россия выступает за демократию и федерализм, и за свободу. Сейчас на любом ток-шоу всегда можно представлять точку зрения Киева. А в Киеве, который оккупирован Вашингтоном, сейчас альтернативные точки зрения запрещены. Поэтому Америка давит свободу, федерализм и демократию. Поэтому она изменилась.

Бом: Можно я объясню, к чему приводит такой бред.

С.М.: Какой бред, Майкл, – федерализм, Америка за или против?

Ведущий: Стоп, господа. У нас есть кнопка, она называется выключение микрофонов. Мне придется ее нажать, тогда будет

слышно только одного из вас. Майкл Бом, прошу вас.

Бом: К чему приведет эта антиамериканская истерия? Я лучше не буду говорить слово бред, это истерия. Вы помните этот заголовок: «Теракт в Париже устроили американцы».

Ведущий: Это версия эксперта, там так и написано.

Бом: А многие верят. Это версия Маркова, это версия российских политологов.

С.М.: Нет, это не версия Маркова. Теракт в Париже устроили исламисты, а госпереворот в Украине устроили в Вашингтоне.

Бом: Антиамериканизм везде по всему миру, но только в России мы слышим такой оголтелый, примитивный, пошлый антиамериканизм – что во всем виноваты американцы, и даже в Париже в теракте. В Париже такого антиамериканизма нет. В России подобный антиамериканизм растет благодаря таким людям, как Марков, потому что они тиражируют этот бред.

С.М.: Майкл, опять бред, можно я скажу пару слов.

Бом: Можно я объясню, в чем дело.

Ведущий: Пускай объяснит. Россия, конечно, виновата.

Бом: Проблема сугубо психологическая – она в России, в глубинах ее души. Я изучал этот вопрос. Россия была сверхдержавой, как Америка, и очень хочет снова быть как Америка, то есть быть сверхдержавой и диктовать условия. Но этого нет, и ущемленность порождает антиамериканизм. Это один из факторов, почему антиамериканизм бушует.

Ведущий: Тогда Майкл, подождите секундочку, просто я хотел бы уточнить для того, чтобы понять. Вы говорите, что это все от того, что Россия была великой и стала не совсем великой, если я вас правильно понял. Но 81 процент говорят, что к США недостаточно хорошо относятся, 71 процент – к Евросоюзу. А чему там-то завидовать? А 64 процента вообще к Украине.

Бом: При чем здесь завидуют. Слово «зависть» вообще не фигурировало.

Ведущий: Хорошо, тогда почему они плохо относятся.

Бом: Я еще раз говорю, что всего две причины: это Крым и Донбасс. До этого вообще о России не думали. И это еще хуже, потому что любовь и ненависть – две стороны одной медали, а равнодушие еще хуже. Сейчас Россия получила то, что она хочет. Это то, чтобы о России думали, с Россией считались. Сейчас с Россией считаются, но только в негативную сторону. За что боролись, на то и напоролись.

С.М.: То, что говорит Майкл, что это все психология и так далее, там есть какие-то элементы, но это в основном противоречит главному, это противоречит элементарной логике. Почему в 10 раз увеличился этот антиамериканизм за год? Россия стала больше ностальгировать, что ли? Ничего подобного. Просто прошли определенные действия, Майкл. Не пить больше стали или меньше в России, просто определенные действия были совершены. Они были совершены Вашингтоном, это знают, Майкл, во всем мире. Не отрицайте реальные факты о том, что Вашингтон совершил государственный переворот в Украине, привел к власти кровавую хунту и так далее. А у меня в этой связи вопрос. Вы знаете, Майкл, что я работал с американцами. Я люблю Америку, у меня там очень много друзей. Но если Америка теряет таких людей, как я, это значит, что она теряет свое право на лидерство в мире. Если Америка умудряется поссориться с такими людьми, как я, то это значит, что она уходит.

Ведущий: Вы не преувеличиваете?

С.М.: Нет, не преувеличиваю.

Бом: Мания величия, мне кажется.

С.М.: Нет, ничего подобного. Не меня она теряет, я никто для Америки, но я как индикатор. Так вот она теряет, потому что раньше Америка была за демократию, федерализм и свободу слова, а сейчас кто в Америке – ответь мне – за федерализм на Украине? Майкл, ответьте мне, в этом же смысл взаимоотношений. Мы понимаем, что Америка, которая выступала раньше силой демократии, сейчас выступает силой террора.

Ведущий: Мы об этом уже говорили сегодня, просто не хотелось повторяться. Тема другая. Вот, например, Юрий (слушатель) объясняет, почему в России стали плохо относиться к Америке. Он пишет, что Маркова стало в 100 раз больше на телевидении, и Марков пропагандирует.

Бом: Не один Марков, есть сотни Марковых, которые пропагандируют по телевидению.

С.М.: Вот это чудовищная ошибка всех западных аналитиков, не только Майкла. Всех людей, которые сидят в правительстве, в парламенте. Я с ними все время общаюсь, я знаю. Это их чудовищная ошибка, они все время думают, что антиамериканизм народа меньше, чем антиамериканизм элиты. И элита пропагандирует антиамериканизм через средства массовой информации и навязывает это народу. На самом деле ситуация прямо противоположная. Антиамериканизм народа выше, чем в средствах массовой информации.

Ведущий: Майкл, смотрите, а вам пишут в ответ вот что. О какой пропаганде вы говорите? У людей просто открылись глаза, они поняли, что есть двойные стандарты, что есть лицемерный Запад, и прежде всего Соединенные Штаты Америки. И они это увидели.

Бом: Антиамериканизм везде, вопрос в другом: почему в России это так превышает все международные нормы?

С.М.: В Афганистане такой же высокий уровень, Майкл.

Бом: Был очень важный опрос год тому назад, в этой студии мы обсуждали это. Это был опрос Галопа. И там показывали четко, что международный стандарт – это 24 процента считают, что США это угроза номер один. Это по всему миру. А в России 54 процента, то есть превышает международную норму больше чем в 2 раза. Это заслуга Маркова, причем Россия на первом месте, выше Афганистана, выше Ирака. Выше тех стран, куда Америка ввела свои войска. Это о чем говорит? Это говорит о госпропаганде.

С.М.: Нет, Майкл, вы не правы, в Афганистане и Ираке такой же высокий. На кого Америка напала, там высокий антиамериканизм.

Ведущий: Слушатель пишет: «Почему я должен любить Америку, когда она собирается поставлять оружие на миллиард долларов на Украину, чтобы убивать русских чужими, да своими тоже руками?».

Бом: Вы не должны любить Америку, никто не должен любить Америку, и есть за что не любить. Но не надо доводить это до маразма, до абсурда.

С.М.: Что абсурд? Заставлять Америку поставлять оружие?

Бом: Во-первых, Обама против оружия.

С.М.: Против, но закон подписал.

Ведущий: Майкл, скажите, в Америке наших журналистов на дебаты также приглашают? Это вопрос традиционный? Слушатель спрашивает: часто в Америке приглашают русских журналистов на дебаты, чтобы такой спор был?

Бом: Русских журналистов не знаю, политологов – да. Никонов постоянно на CNN, хотя он начал жаловаться, что есть цензура. Марков тоже был у Стюарда, там стебались над ним очень хорошо. На CNN вы тоже были.

С.М.: Джон Стюрд, чтобы вы знали, это может быть самая популярная американская юмористическая передача.

Бом: Да, вся Америка знает Маркова сейчас благодаря Стюарду.

С.М.: Должен вам сказать так, что в Америке действительно российская позиция может быть тоже представлена. Я действительно выступаю по всем этим СМИ, она представлена. Но они все-таки считают себя людьми первого сорта… А в Украине Маркову запрещено выступать и запрещено выступать любому человеку, кто отстаивает точку зрения Маркова.

Ведущий: Это все делают американцы?

С.М.: Но это уже известно, что американцы оккупировали Украину, поставили марионеточную хунту и сделали государственный переворот. Это известно любому человеку, но только некоторые это отрицают публично.

Ведущий: Пишет слушатель: Антиамериканизм, как мне кажется, следствие явления международного жандарма, когда американцы пытаются навести свой порядок везде.

С.М.: Вы знаете, это где-то верно, но это один из немногих моментов, где я с Майклом соглашусь. Поскольку действительно американцы – жандармы, американцы – глобальный лидер и так далее, это и есть ревность к ним и недовольство какое-то. Есть какой-то нормальный уровень антиамериканизма, Майкл говорит, что 24 процента. Может быть и 24 процента, спорить не буду. А мы ведем разговоры о том, почему в России на порядок выше антиамериканизм в соответствии с обычной мировой нормой. Майкл считает, что это потому, что русские сумасшедшие, у них там комплексы и так далее.

Бом: Нет, я сказал, что есть люди, как вы, которые тиражируют антиамериканизм. Это бред.

С.М.: Нет, вы говорили, что есть люди, которые тиражируют бред, что у них комплексы. А я говорю, что это не от наших комплексов, это не от нашего бреда, не от наших снов и от наших фантазий, а это идет от фактов. Ситуация говорит о том, что резко изменились факты, наш бред, наши мысли не поменялись. Само по себе психологическое состояние не поменялось, а вот факты изменились. Год назад США совершили кровавый государственный переворот, привели к власти террористическую хунту, которая применила оружие массового уничтожения и убивает тысячи русских. После этого изменилось отношение к Америке.

Бом: После этого натиска я должен отвечать. Я не призываю никого, ни слушателей, ни Маркова к тому, чтобы любить Америку. Есть объективные причины, почему не надо любить Америку – это агрессивная внешняя политика, это много чего. Я призываю всех, и Маркова в первую очередь, к тому, чтобы не доводить антиамериканизм до абсурда, до маразма. Я говорю, что есть международные нормы. Во Франции не говорят, что американцы сделали теракт в Париже. Хороший опрос в ЦИОМ был

недавно, и выяснилось, что 22 процента русских считают, что Америка – это самая крупная террористическая угроза для России. И только 13 процентов считают, что радикальный ислам – самая крупная террористическая угроза. С чего они взяли, что Америка будет закладывать бомбы в московском метро? С чего это? Считают, что американцы послали метеорит над Челябинском – понимаете, вот это абсурд. Надо стыдиться этого антиамериканизма, это неприлично для великой державы.

Ведущий: Но примерно то же самое было и в Штатах в году 1970-м.

Бом: А что американцы говорили?

Ведущий: Что даже если астероид какой-нибудь, то и тот русские прислали.

Бом: Это мышление холодной войны. Многое возможно было в то время. Это не тот пример, к которому можно приравниваться. Я говорю, что сейчас не надо опускаться до такого уровня. Если вам не нравится внешняя американская политика, то говорите об этом. Не несите этот бред, что за всем злом стоят американцы. Это не так.

Ведущий: Майкл, совсем коротко вы можете ответить. Один из наших слушателей пишет, что вы должны понять, что у русских бывает либо любовь, либо ненависть.

Бом: Да, это две стороны одной медали.

Ведущий: Но сейчас мы не можем вас любить.

Бом: Я не призываю вас.

Ведущий: А другого не бывает. Нет, наш слушатель не согласен.

Бом: Есть причины не любить Америку. Если они объективные, то это нормально. Если они бредовые, то это другое дело.

Ведущий: Так любовь и ненависть – это же эмоциональное. Сергей Марков, прошу вас.

С.М.: Я объясню, почему большинство людей полагают, что США представляют угрозу терактов. Вы, наверное, знаете, Майкл, что сейчас арестован офицер СБУ Украины, которая уже давно превратилась в новый украинский гестапо, который арестовал тысячи активистов, похищал их, пытал, убивал. И это СБУ управляется американцами. СБУ – это террористическая организация.

Ведущий: Это ваша оценка. Ни одного судебного приговора еще не было.

С.М.: Да, мы не решаемся это объявить. Но это очевидная террористическая организация.

Бом: И Порошенко считает сепаратистов террористами. Это дело вкуса. Для вас – одни террористы, для других – другие.

С.М.: Дело не во вкусе, террористы могут что угодно болтать. Мы террористов не должны слушать.

Ведущий: Тогда получается, что две стороны никогда не будут слушать друг друга.

С.М.: Послушайте, ИГИЛ и Вашингтон обвиняют друг друга в терроризме. Но мы знаем, что в этом конфликте ИГИЛа и Вашингтона все-таки террористы – это ИГИЛ, а не Вашингтон. Хотя Вашингтон проводит достаточно жесткую политику. Точно также и здесь. Вот этот офицер сказал, что американские и украинские спецслужбы готовят теракты в городах России, он уже об этом рассказал. И мы знаем, что эта волна терактов должна остановиться. Вы говорите, что это бред. А мы говорим, что если вы хотите, чтобы мы отказались от этого бреда, то это очень легко. Майкл, прекратите, чтобы СБУ проводили террор против политических оппонентов. Все, вы прекратите террор и мы поверим, что вы не террористы.

Бом: Я против этих ярлыков.

Ведущий: Я понимаю, вы уже говорили об этом.

С.М.: Это не ярлык, Майкл. Служба безопасности Украины проводит террор. Это не ярлык, это факты выдают много раз.

Бом: Если режим в Киеве фашистский, потому что они борются против сепаратистов, то, значит, Ельцин тоже был фашистом, потому что он боролся против своих сепаратистов. Это первая чеченская кампания, а есть еще вторая чеченская кампания, но я не буду об этом.

С.М.: Да не сепаратисты они в Донбассе, они антифашисты.

Ведущий: Получается, что у вас правда есть, а у Майкла нет?

Бом: Чеченцы тоже были антифашистами, они считали Москву фашистами.

С.М.: Нет, чеченцы не считали Москву фашистами. Вы не понимаете, есть терроризм, и он в наличии – это Служба безопасности Украины.

Ведущий: Слушатель спрашивает вас, господин Марков. Во-первых, он пишет, что вы пропагандист, что вы очень похожи на советского ведущего панорамы, которые не любили Америку, но, находясь в Америке, американскими достижении пользовались. Вы пользуйтесь американскими достижениями?

С.М.: Конечно, я же сказал, что я люблю Америку. Я считаю Америку великой страной. Но я сейчас больше придерживаюсь американских ценностей, Майкл, чем вы, чем американские политические деятели. Я стою на стороне ценностей, которые сделали Америку великой страной. А вы, американцы, ее предали. Вы предали федерализм, а я за федерализм. Вы боитесь сказать, что нужен федерализм Украине. А мы сказали.

Ведущий: Слушатель пишет, это опять про то же: Америка перед падением берлинской стены обещала, что НАТО не будет продвигаться на восток. А как можно верить после этого?

Бом: Я тоже устаю от таких вопросов.

Ведущий: Но вы будете с этим сталкиваться неоднократно.

Бом: Не было этого обещания, это выдумка Маркова и других. Сам Горбачев отрицал это, он был самой главной фигурой в этом деле – он и Бейкер. Якобы Бейкер обещал Горбачеву. Горбачев год и четыре месяца тому назад отрицал это в интервью «Российской газете». Это байка, не было обещания.

Ведущий: Наши слушатели успели присоединиться к нашей беседе, слушаю вас.

Слушатель: Геннадий, Москва. У меня вопрос к вашему гостю Майклу. Вы говорите, что отношение к Америке не совсем правильное, не совсем нужное, что так нельзя. Скажите, пожалуйста, не ваш ли президент совсем недавно сравнил Россию с угрозой, что мы вторые после вируса какого-то. Как вы думаете, как простой народ может относиться к этому?

Ведущий: Это уже сегодня было.

Бом: Я не могу согласиться с этой оценкой. Я считаю, что Россия – это угроза европейской безопасности и миропорядка, это не угроза Америки. Я не согласен с оценкой Обамы в данном случае. Я хочу еще одно сказать, почему антиамериканизм в России бушует до такого абсурда. Антиамериканизм стал главной составляющей государственной идеологии. Это суть государственной идеологии. Вы не найдете ни одного патриота типа Маркова, который не ругает Америку. Если вы ругаете Америку, значит вы хороший патриот.

Ведущий: Господа, нужно пару вопросов коротких задать от наших слушателей. Во-первых, между Россией и Америкой есть какая-то война? Если есть, то какая? Сергей Марков, коротко.

С.М.: Идет гибридная война. Соединенные Штаты атакуют Россию с целью государственного переворота, установили марионеточное правительство.

Ведущий: Гибридная война – что это?

С.М.: Гибридная война – это сочетание дипломатической войны, санкционной войны, информационной войны, войны спецслужб и войны на поле боевых действий, когда проамериканские солдаты, как говорят в CNN, убивают людей в Донбассе.

Бом: У американцев нет гибридной войны.

Ведущий: Между нашими странами нет войны? Никакой?

Бом: Информационная война. Гибридную войну изобрела Россия, начнем с этого. До Крыма, до Донбасса у нас – между США и Россией – была куча примеров сотрудничества. И даже при Путине в начале 2000-х годов. Сейчас фактически это все прекращено.

Ведущий: Некая война идет?

Бом: Да, информационная.

Ведущий: Хорошо, следующий вопрос. Так получается – пишут наши слушатели – что две стороны очень жестко и четко только и говорят: а вы вот это сделали. Мы можем как-то договориться?

С.М.: Нет. Невозможно договориться, пока не прекратится агрессия. Это все равно как если бы мы попытались договориться с Наполеоном Бонапартом, который стоял в районе Смоленска.

Ведущий: Но подождите, в отличие от Наполеона, Обама не стоит в Смоленске.

С.М.: Он стоит уже под Смоленском. Еще раз скажу, что Украина – это страна, оккупированная Соединенными Штатами. У власти находится террористическая марионеточная хунта.

Ведущий: И даже если там нет американских граждан?

С.М.: Там есть американские граждане, все ключевые решения в Украине принимают американские граждане, именно американские офицеры решают, кто будет президентом, кто будет главой СБУ, кто будет премьер-министром и будет или нет война.

Бом: Договориться очень сложно, время вылечит, конечно. Нам надо ждать очень долго. То, что мы слышим от Маркова, это классический пример. Он сваливает с больной головы на здоровую. Это абсолютно провальная политика России на Украине. Россия потеряла Украину.

Ведущий: Но господин Марков говорит, что это у Штатов провальная политика.

С.М.: Я не сказал, что у Америки провальная политика. У Америки очень успешная политика в Украине.

Бом: России удалось поссориться со всеми, союзников вообще нет у России. Я понимаю, что удобно все сваливать на Америку, но это смешно. Это нелепо звучит.

Ведущий: Чем Россия угрожает Европе?

Бом: Нарушение базовых принципов европейской безопасности – это территориальная целостность других стран. Нельзя взять чужую территорию силой. Это основополагающие принципы европейской и вообще мировой безопасности.

Ведущий: Америка вообще в чем-нибудь виновата, спрашивает слушатель.

Бом: Америка виновата во многом, но если речь идет об Украине, то Россия заварила украинскую кашу.

Слушатель: Добрый день, уважаемые гости. К сожалению, когда Марков называет патриотизмом свою позицию, он демонстрирует психопатическую форму идиотизма. Я на стороне Майкла, который уже устал говорить об экономических проблемах России, внутрипартийных проблемах России, о диктате Путина, подполковника, который привел к данному статусу Россию, о которую вытирают ноги уже прибалтийские страны.

Ведущий: Вот так, именно в таких формулировках.

С.М.: Это подтверждение моих слов. Он прекрасно говорит об американской пропаганде, которую сейчас Майкл транслирует нам в том числе. Она направлена на свержение законно избранного президента Российской Федерации. В этом смысле компромисс невозможен. Америка играет с нами игру с нулевой суммой, они стремятся нас победить полностью. А мы, естественно, должны отбиться от этой атаки. А у кого сколько союзников, поддерживают или нет…

Бом: Как США собираются скинуть Путина? Я просто не представляю.

С.М.: Точно также, как скинули Януковича.

Бом: Они не скинули Януковича. Это ваша фантазия.

С.М.: Майкл, это не моя фантазия. Я вам напомню, мы же давно с вами сотрудничаем. Помните, я вам говорил, что будет государственный переворот. А вы говорили, что нет, это демонстрация. А я сказал, что будет государственный переворот. И он случился.

Бом: Это потому, что вы хорошо знали Януковича.

С.М.: А я сейчас вам скажу, будет попытка государственного переворота в России, организованная спецслужбами, одновременно будет попытка организовать серию терактов и будут это делать террористическая организация и служба безопасности Украины, которая, к сожалению, находится под контролем Америки.

Бом: Невозможно делать революцию печеньками.

С.М.: Ее делают не печеньками.

Слушатель: Добрый вечер. Я хотел бы одну ремарку сказать, чем отличается то, что происходило в Чечне, и то, что происходит в Донецке. Отличие очень простое. Чеченцы устраивали террористические акты на территории Российской Федерации, поэтому они террористы, поэтому была антитеррористическая операция и на территории Чечни зачистка террористических групп. Представители Донецка и Луганска на территории Киева, как мне известно, нет ни одного террористического акта, и на территории Украины не устроили.

Ведущий: Но мы все-таки не это обсуждаем. Короткий комментарий вы можете дать, Майкл.

Бом: Плюс к этому было сепаратистское движение у чеченцев. Они объявили об Ичкерии, о независимости от Российской Федерации. И, между прочим, я защищаю действия Москвы. Никакая столица не позволит, чтобы один регион откололся от своей страны.

С.М.: Но Донбасс не требовал отделения, Донбасс требовал законности, права федерализма, то есть демократии и свободы слова. Донбасс требовал, чтобы властью не была незаконная террористическая ультранационалистическая хунта. Вот что

требовал Донбасс. И за это их начали бомбить из авиации по приказу директора ЦРУ.

Ведущий: Слушатель спрашивает: скажите, Марков, где в России транслируют, как вы говорите, американскую пропаганду?

С.М.: Во-первых, Майкл ее транслирует, поскольку у нас свободная страна, то он ее транслирует. Типично, что во всем виновата Россия – это же американская пропаганда. «Эхо Москвы», «Новая газета», газета «Ведомости».

Бом: А кто владеет «Эхом Москвы»? Американцы?

С.М.: Не американцы, Газпром. Мы свободная страна, у нас нет жесткой связи между владельцами и редакционной политикой. У нас свободная страна.

Слушатель: Хотелось бы Майклу задать вопрос. Когда развалился Советский Союз, то Германия объединилась. Когда на Украине произошел переворот, то на тот момент Украинская республика Крым объединилась с Россией. Видите ли вы сходство?

Бом: Во-первых, Германия объединилась в 90-м году до краха Советского Союза. Разница в том, что оба государства согласились. И Советский Союз в 90-м году был «за», и США были «за», все были «за». Только одна Маргарет Тэтчер была против. Восточная Германия не хотела больше жить в этом концлагере. Элита, конечно, хотела, но народ не хотел больше жить в этой бедности. Почти все, 99,9 процента были «за». А в примере Крыма вся Украина была против. Вот в чем дело.

С.М.: Украину никто не спрашивал, Майкл, вы здесь не обманывайте нас. Украина была подавлена террористической хунтой. И восстание в Крыму началось в демократических формах именно против власти хунты. Они отделились не от Украины, они отделились от криминальной хунты.

Бом: Крым отделился без согласия Киева. И в этом вся разница.

С.М.: Естественно, невозможно было получить согласие, потому что власть в Киеве была узурпирована марионеточным оккупационным правительством.

Ведущий: Господа, мы все-таки обсуждаем немного другое. И этим обсуждением как раз подтверждаем главную тему. Тут слушатель пишет, что пример с Германией некорректен, потому что ГДР была независимым государством, а Крым был частью Украины. Почему вы называете хунтой законно признанное правительство Украины?

С.М.: Потому что это хунта. Я считаю, что большая ошибка, что мы признали эти фальсифицированные выборы, президентские и парламентские. Это огромная политическая ошибка, которая позволяет задавать такие вопросы.

Бом: То есть Порошенко не народно избранный президент?

С.М.: Безусловно, не народно избранный президент. Это абсолютно фальсифицированно, это большая ошибка. Мы признали только потому, что мы полагаем, что с этим олигархом договориться легче, чем с очевидными маньяками и убийцами типа Турчинова, Яценюка, Авакова и Наливайченко. Это ошибка была наша.

Бом: Янукович ни при чем здесь?

С.М.: Янукович протесты сделал, а госпереворот сделали американские спецслужбы. Это всем прекрасно известно, Майкл. Вы простую логику не отвергайте. Это элементарный факт, который знают все.

Бом: Элита предала его, и это причина, почему он сбежал.

С.М.: Позвольте, революцию делает народ, а не элита. А вот госпереворот делает элита и внешние заказчики. Типичный пример Украина.

Бом: Элита кинула Януковича, потому что они поняли, что это абсолютно бездарный, бесперспективный ворователь.

С.М.: Ничего подобного, Янукович проиграл, когда по приказу Джо Байдена отказался использовать силу против неонацистских боевиков, захвативших центр города. Когда он сказал, что не будет использовать силу против бандитов, тогда ему сказали: да пошел ты куда подальше. Кто будет иметь дело с людьми, которые не сопротивляются бандитам?

Бом: Вы тоже думали, что американцы сделали протест в Гонконге. Это бред. Все протесты – это американские руки?

С.М.: Нет, не все протесты. У всех протестов есть природная основа.

Бом: Американцы послали метеорит на Челябинск?

С.М.: Нет, не послали.

Ведущий: Как долго мы можем не любить друг друга?

С.М.: Мы с Америкой придем опять к хорошим отношениям после того, как американцы поймут, что нельзя идти по пути Гитлера или Наполеона и атаковать Россию, вот так сразу будут улучшаться отношения.

Бом: России нужно меньше думать об Америке, меньше зацикливаться на Америке и больше думать о своей собственной стране, как создавать экономику, как повышать уровень жизни русских, и меньше думать об Америке. И потом все встанет на свои места и будет улучшение российско-американских отношений.

Ведущий: Вот потом – это когда?

Бом: Я не знаю, это все зависит от Кремля. Если Кремль избавится от дурной привычки сваливать все на Америку, то все будет нормально.

С.М.: Все зависит от партии войны в Вашингтоне. Как только она прекратит агрессию против России, ситуация будет улучшаться.

Бом: Но это будет нескоро, потому что я еще раз говорю, что это база российской госидеологии. Надо избавиться от идеологии антиамериканизма.

Ведущий: Это был американский журналист Майкл Бом и Сергей Марков, политолог, член Общественной палаты. Спасибо, до свидания.